

2023

№3 (5)

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ
им. проф. М. А. БОНЧ-БРУЕВИЧА»
(СПбГУТ)

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

№ 3 (5)

Научное периодическое сетевое издание

Санкт-Петербург
2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Гехт А. Б. – заведующий кафедрой истории и регионоведения, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Неровный А. В. – заместитель заведующего кафедрой истории и регионоведения СПбГУТ (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Измозик В. С. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

Цверианашвили И. А. – заместитель декана факультета Социальных цифровых технологий (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

Яковлев О. А. – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Бекшаева Н. Э. – специалист по учебно-методической работе кафедры истории и регионоведения (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алёшин А. С. – кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Ачкасов В. А. – доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Ачкасова В. А. – доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Барышников В. Н. – доктор исторических наук (Санкт-Петербургский государственный университет., Санкт-Петербург, Россия)

Белов В. В. – доктор психологических наук, доцент (НГУ физической культуры физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург, Россия)

Белова Е. В. – кандидат психологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Борисова Н. А. – кандидат технических наук, доктор исторических наук, доцент Центральный музей связи имени А. С. Попова, Санкт-Петербург, Россия)

Бурлина Е. Я. – кандидат искусствоведения, доктор философских наук, профессор (Самарский государственный медицинский университет, Самара, Россия)

Васильева Е. В. – кандидат культурологии, доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия)

Вольфсон М. Б. – кандидат экономических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Воронов И. И. – доктор исторических наук, доцент, (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Герашенко Л. И. – доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Гончарова Е. А. – доктор филологических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

Губанов И. Б. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Завалишин А.Ю. – доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Зиновьева Е. И. – доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Зотова А. В. – доктор исторических наук, академик РАН (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Иваненко А. В. – кандидат педагогических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Измозик В. С. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Ипполитов Г. М. – доктор исторических наук, профессор (Поволжский государственный университет телекоммуникации и информатики, Самара, Россия)

Камедина Л. В. – доктор культурологических наук, профессор (Забайкальский государственный университет, Чита, Россия)

Ковалёв Б. Н. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет им. Петра Великого, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Краснова Е. В. – кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Кулик С. В. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет им. Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия)

Кульназарова А. В. – кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Лейбенсон Ю. Т. – кандидат исторических наук, доцент (филиал МГУ в г. Севастополе, Севастополь, Россия)

Макаров В. В. – доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Мальченкова А. Е. – кандидат социологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Марков А. П. – доктор педагогических наук, доктор культурологии (Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия)

Мешков А. В. – кандидат экономических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Микешин М. И. – доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Михеева Н. М. – кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Непомнящий А. А. – доктор исторических наук, профессор (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия)

Полторац С. Н. – доктор исторических наук, профессор (Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия)

Пученков А. С. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Рудник С. Н. – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Рупасов А. И. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт - Петербург, Россия)

Сидорова Н. А. – кандидат культурологии, доцент (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)

Стародубцев М. П. – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Сыроватская Е. Ф. – кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Хлевов А. А. – кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор (Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия)

Чернов С. А. – доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Цыгоняева А. Ю. – кандидат философских наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Эйдемиллер К. Ю. – кандидат географических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Яковлев О. А. – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Яценко М. В. – доктор филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

В. С. Измозик

Руководители «Черных кабинетов»: К. К. Вейсман, А. Д. Фомини, М. Г. Мардарьев. Конец XIX – начало XX в. 7

А. А. Вербицкий, С. А. Набойченко, М. Х. Филимоненков

Боевое применение фронтовых и армейских узлов связи перед началом войны.....19

В. С. Измозик

Ю. А. Красин. Советский и российский философ и социолог (07.06.1929, Пенза – 02.06.2023, Москва)..... 23

А. А. Вербицкий, С. А. Набойченко, П. П. Карпенко, М. В. Башкинцева

Особенности организации и обеспечения связи в соединениях и частях ограниченного контингента войск в Афганистане (1979-1989 гг.)..... 28

И. Н. Котылева

Свидетельства общения Каарле Крона и В. П. Налимова: к вопросу о развитии финно-угроведения в России в начале XX в. 35

СОЦИОЛОГИЯ

А. А. Уфимцев

Информационный менеджмент. Социотехнический подход.....42

М. Р. Зобова

Понятие естественно-научной и социальной синергетики.....50

ПОЛИТОЛОГИЯ

А. Б. Гехт, Д. А. Патрушева

Особенности взаимодействия законодательной и исполнительной властей в полупрезидентской республике (на примере Финляндии и Франции).....65

М. М. Сафронова

«Вечный царь» как продукт политической культуры российского народа.....77

В. О. Гашков

«Особенности карьерных стратегий женщин в политической элите в странах Африки (Руанда, ЮАР) и Океании (Австралия, Новая Зеландия)» 87

К. В. Землякова, А. В. Кульназарова

«Методика количественной оценки активности подписчиков в социальных сетях политиков» 97

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

А. Якобсон (перевод О. А. Маркеловой)

Что делать с «Книгой о занятии земли»? 104

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(47).084

РУКОВОДИТЕЛИ «ЧЕРНЫХ КАБИНЕТОВ»:

К. К. ВЕЙСМАН, А. Д. ФОМИН и М. Г. МАРДАРЬЕВ. КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.

В. С. Измозик

В статье, прежде всего, на основе архивных источников рассмотрены биографии трех старших цензоров СПб. почтамта, руководивших секретной службой перлюстрации в Российской империи с 1886 по 1917 гг. Наибольший интерес представляет история семьи Вейсманов. В почтовом ведомстве служили, начиная с 60-х гг. XVIII в., пять ее поколений. Из них к перлюстрации были условно причастны трое последних ее представителей: Карл Оттович, Карл Карлович и Отто Карлович Вейсманы. Рассказ о членах семьи Вейсманов доведен до 2023 г. По сравнению с предыдущими публикациями уточнены данные о сыновьях М.Г. Мардарьева.

Ключевые слова: К. К. Вейсман, О. К. Вейсман, А. Д. Фомин, М. Г. Мардарьев, Луиза фон Моссин (ур. Вейсман), Лидия Ницман (ур. Фон Моссин), Р. А. Ницман, О. Р. Ницман, М. М. Мардарьев.

Одним из самых секретных учреждений императорской России была служба перлюстрации. Перлюстрация (от латинского «perlustro» - обозрение) – вскрытие писем без ведома корреспондента – возникла, прежде всего, как инструмент внешней политики. В России следы перлюстрации обнаруживаются с XVI в., а служба перлюстрации известна с середины XVII в. Системный характер она приобретает с середины XVIII в. при Елизавете Петровне, когда перлюстрация переписки иностранных дипломатов была организована при деятельном участии вице-канцлера А. П. Бестужева–Рюмина в начале 1742 г. С именем Екатерины II связано учреждение постоянной службы перлюстрации в Российской империи. Этой датой можно считать 1779 г., когда императрица повелела доставлять ей с Санкт-Петербургского почтамта секретно вскрытую корреспонденцию [5, с.72-74, 75-76, 87].

По «высочайшему соизволению» от 11 августа 1829 г. «чиновники по секретной части употребляемые» должны были продолжать свою деятельность «под другими наименованиями гласных должностей» [5, с.129]. Таким официальным прикрытием перлюстрации стала «Цензура иностранных газет и журналов», которая «на основании высочайшего повеления от 23 мая 1896 г.» вошла в состав Главного управления почт и телеграфов Министерства внутренних дел

[20, л.1об.]. К 1913 г. перлюстрационные пункты под видом «цензуры иностранных газет и журналов» действовали в шести городах империи: Варшаве, Киеве, Москве, Одессе, Санкт-Петербурге и Харькове. Кроме того, в Тифлисе в январе 1909 г. был восстановлен перлюстрационный пункт, существовавший абсолютно конспиративно [5, с.182-183]. Непосредственное руководство перлюстрацией до 1886 г. осуществляли директор Почтового департамента и почт-директора СПб. почтамта. С 22 октября 1831 г. по 11 ноября 1835 г. и с 30 ноября 1841 г. по 14 июня 1868 г. эти должности занимал один человек [5, с.134]. После смерти почт-директора В. Ф. Шора 4 января 1886 г. эта обязанность была возложена на старшего цензора Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов. Он формально именовался помощником начальника Главного управления почт и телеграфов и одновременно напрямую подчинялся министру внутренних дел. Эту должность в течение тридцати лет, с 1886 по 1917 гг., занимали три человека: К. К. Вейсман (4.01.1886-6.12.1891), А. Д. Фомин (6.12.1891-2.06.1914) и М. Г. Мардарьев (11.09.1914-05.1917) [5, с.135].

26 ноября 1876 г. министр внутренних дел А. Е. Тимашев во всеподданнейшем докладе Александру II, испрашивая разрешение на выплату негласной дополнительной пен-

сии коллежскому советнику Вейсману, в частности, указывал: «служение четырех поколений рода Вейсман в почтовом ведомстве продолжается более 110 лет (т. е. с 60-х г. XVIII в. — В.И.) и сын представленного мною к дополнительному негласному усилению пенсии ныне управляет, с примерным усердием и знанием долга, цензурою иностранных газет Санкт-Петербургского почтамта в звании старшего цензора» [24, л.2об.].

Первым членом этой семьи, о котором удалось найти документальные данные, был Карл Густав Вейсман. «Месяцеслов» — адрес-календарь на 1770 г. сообщает, что он занимал должность почтмейстера в г. Пернове (Пярну) [7, с.75]. Если сопоставить вышеприведенные данные: доклад А. Е. Тимашева и сведения «Месяцеслова» — то можно предположить, что Карл Густав действительно начал свою службу в почтовом ведомстве в 60-е гг. XVIII в. Во-первых, до 1770 г. «Месяцеслов» не давал данных о местных почтмейстерах, а во-вторых, естественно, что Карл Густав не сразу стал городским почтмейстером, а, видимо, как и его потомки, начал службу с низших должностей. Карл Густав оставался перновским почтмейстером до 1793 г. С 1783 г. он именовался коллежским регистратором, т.е. получил первый классный чин, с 1786 г. — губернским секретарем (чин XII класса) [8, с.59; 9, с.52]. В 1794 - 1805 гг. в «Адрес-календарях» в качестве перновского почтмейстера фигурирует Христиан Вейсман [10, с.77; 11, с.92], с 1806 г. по 1813 г. — Отто Христианович Вейсман, с 1814 г. по 1833 г. — Отто Христианович Вейсман и Отто Карлов сын Вейсман [12, с.256; 13, с.287; 14, с.300; 15, с.582]. Можно подумать, что речь идет о разных людях, не имеющих отношения к Карлу Густаву Вейсману.

Между тем в нашем распоряжении имеются два формулярных списка перновского почтмейстера Вейсмана, датированные 1820 и 1833 гг., которые позволяют утверждать, что Христиан Отто Христианович — это одно и то же лицо, являвшееся сыном Карла Густава. В первом списке Вейсман именуется как Отто Христианович, во втором — как Отто Карлов сын Вейсман. О том, что это один и тот же человек, свидетельст-

вуют, во-первых, полное совпадение их служебной карьеры, а во-вторых, в обоих случаях фигурирует одна и та же жена — «купеческая дочь Амалия Брикнер» [30, л.25-26; 31, л.232-233]. Объяснение отмеченного расхождения в именах заключается в том, что в семьях лютеранского вероисповедания дети имели несколько имен, и в русские документы в разные годы нередко попадали разные имена одного и того же человека. Случалось и так, что второе имя «переводилось на русский язык» как отчество.

Таким образом, эстафету в управлении почтой г. Пернова принял сын Карла Густава — Отто Карлович Вейсман (1770 или 1773 — 20 апреля 1833). В эту почтовую контору он поступил копиистом в марте 1785 г., 23 октября 1791 г. был произведен в подканцеляристы, 30 марта 1793 г. «определен в ту контору (после смерти отца. — В.И.) почтмейстером». Первый классный чин коллежского регистратора Отто Карлович получил 31 декабря 1806 г. он стал титулярным советником. В обоих формулярных списках аттестовался он «способным и достойным». За 48 лет службы отпуск брал лишь трижды: 1812, 1819 и 1821 гг.

В 1826 г. Отто Карлович стал кавалером ордена Святой Анны 3-й степени. 22 августа 1828 г. ему был пожалован Знак отличия беспорочной службы за XXV лет, 22 августа 1830 г. — такой же знак за XXX лет, а 30 марта 1831 г. — орден Святого Владимира 4-й степени, делавший его потомственным дворянином. Менее чем через два года уездного почтмейстера ждала еще более редкая награда: 23 декабря 1832 г. Отто Вейсман был «всемиловитейше пожалован за ревностную службу и оказанное отличие бриллиантовым перстнем» [30, л.26 об.-28].

У Отто Вейсмана было два сына (Карл и Генрих) и две дочери (Иоанна и Оттилия) [30, л.27]. Дело деда и отца продолжил Карл Оттонович Вейсман (р. 1813). Согласно формулярному списку, он обучался в частном пансионе в г. Пернове. Но службу 15 января 1826 г., как и отец, начал копиистом. Уже через четыре месяца, 26 мая, он был произведен в подканцеляристы, 24 октября — в канцеляристы. В августе 1830 г. Карл стал «почтмейстерским помощником», а после смерти отца, с 4 мая 1833 г., исправ-

лял должность почтмейстера. Первый штатный чин, чин коллежского регистратора, он получил 31 декабря 1833 г. Служил Карл Оттович столь же усердно, как и его предки. За 31 год службы отпуск брал всего лишь четыре раза — в 1836, 1838, 1847, 1854 гг., общая продолжительность 47 дней. К концу 1850 г. дослужился до коллежского асессора, чин VIII класса. В феврале 1847 г. получил орден Святой Анны 3-й степени. Трижды — в 1836, 1845, 1849 гг. — получал денежные награды: 250 руб., 35 руб. серебром и 150 руб. Впервые в формулярном списке чиновников из рода Вейсманов у него отмечена недвижимость: каменный дом в г. Пернове, принадлежавший жене почтмейстера — Луизе Якоби. От этого брака он имел восемь детей: два сына и шесть дочерей [30, л.21-24].

Прослужив перновским почтмейстером 35 лет, Карл Оттонович в 1868 г. перебирается в столицу, где получил должность экспедитора Санкт-Петербургского почтамта. Через год он был уволен в отставку в чине коллежского советника (VI класс). К этому времени его жалованье составляло 1500 руб. в год, в том числе 300 руб. — секретно, по Высочайшему повелению. Официальная пенсия была установлена ему в размере 214 руб. 50 коп. в год [30, л.21-24; 24, л.1]. Однако, как упоминалось выше, в ноябре 1876 г. министр внутренних дел А. Е. Тимашев обратился к Государю за разрешением ежемесячно доплачивать К. О. Вейсману негласную пенсию в размере 214 руб. 44 коп. 26 ноября 1876 г. Александр II наложил на докладе А. Е. Тимашева резолюцию: «Высочайше разрешаю» [30, л.2]. Эти обстоятельства дают основания думать, что бывший перновский почтмейстер, во всяком случае в последние годы его службы, был официально причастен к делам перлюстрации.

Вполне возможно, что переездом в Санкт-Петербург Карл Оттович был обязан своему старшему сыну Карлу, который делал в столице успешную карьеру. Представитель четвертого поколения семьи Вейсманов, Карл Карлович (22.06.1837—18.11.1912) в 1855 г. закончил Перновское высшее уездное училище и уехал в столицу, где 31 января 1856 г. стал канцелярским служащим. С 7

марта 1857 г. он числится чиновником для иностранных языков Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов при Санкт-Петербургском почтамте [25, л.1об.-2; 28, л.74].

Был ли Карл Карлович Вейсман сразу допущен к «святая святых» — к перлюстрации, неизвестно. Обычно прежде чем допустить чиновника, занимавшегося цензурой иностранных газет и журналов, к секретной работе, на протяжении нескольких лет начальство внимательно присматривалось к нему. Во всяком случае, в 1871 г. коллежский асессор Карл Вейсман стал цензором. Карьера его развивалась стремительно. С 31 марта 1874 г. он — уже старший цензор Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов. 1 января 1879 г. ему был присвоен чин статского советского. К 1880 г. его официальное годовое жалованье составляло 2000 тыс. рублей [26, л.1], а мундир украшали многочисленные ордена: Святой Анны 3-й и 2-й степени, Святого Станислава 2-й и 1-й степени, австрийский командорский крест Франца-Иосифа 2-й степени, прусский орден Красного Орла 3-й степени [25, л.1об.-2].

Вершиной его карьеры стал 1886 год. 4 января начальник Главного управления почт и телеграфов писал Вейсману: «Милостивый государь Карл Карлович. Господин министр внутренних дел, по докладу моему, от 4 сего января изволил поручить управление Санкт-Петербургским почтамтом (в связи со смертью бывшего управляющего В. Ф. Шора. — В.И.)...Чернявскому, а отправление обязанностей по цензурной части возложить на Вас. ...Исходящие по цензурной части бумаги Вам следует подписывать — «за почт-директора» [26, л.1]. Таким образом, впервые руководство перлюстрацией в империи было возложено на старшего цензора Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов.

В связи с новым статусом К. К. Вейсману выделили казенную квартиру помощника директора Санкт-Петербургского почтамта. Но она не устроила старшего цензора. К этому времени у него было пятеро детей: Отто Карл Леопольд (р.1.05.1866-?), Луиза Генриетта Агнесса (26.01.1862-1921, Петро-

град), Александрина (р.11.07.1864-?), Ольга (р.18.06.1869-?), Софья Элеонора (р.21.09.1871 - 24.04.1948, Пирна, Германия). Поэтому в начале апреля 1886 г. он обратился с жалобой, что в новой семикомнатной квартире «нет места для кабинета», и просил присоединить соседнюю квартиру из четырех комнат. После некоторых проволочек просьба была удовлетворена, и глава российской перлюстрации мог теперь заниматься делами в удобном домашнем кабинете [26, л.2-5].

1 января 1887 г. Карлу Карловичу был пожалован орден Святой Анны 1-й степени [26, л.7]. А через пару месяцев служба перлюстрации добилась наивысшего успеха за всю свою деятельность. Благодаря перехваченному в конце января письму петербургского студента П. И. Андреюшкина своему товарищу И. Никитину в Харькове, Департамент полиции установил наблюдение за нелегальной группой Александра Ульянова. 1 марта 1887 г. готовившие покушение на Александра III были арестованы.

В последующие годы служба К. К. Вейсмана складывалась весьма благополучно. 1 января 1889 г. он стал тайным советником [28, л.66-73]. В марте 1891 г. по ходатайству министра внутренних дел ему была дана аренда с 21 апреля 1891 г. на 6 лет по 1800 руб. в год. Появилась недвижимость — дача на участке Лесного института (Песочная ул., д. 6 и 10) общей площадью 692 1/2 кв. саженей (примерно 14 соток) [27, л.8 об., 10]. 20 ноября 1891 г. Карл Карлович подал прошение об отставке с 1 января 1892 г., мотивируя это состоянием здоровья. Просьба была удовлетворена, назначена пенсия 3310 руб. в год (это было в полтора раза больше официального жалования. — В.И.) [27, л.1-3, 9об.]. После смерти К. К. Вейсмана, следовавшей в 1912 г., его вдове Агнессе Вильгельмине Христиановне (урожденной Гамберг) выплачивали 50 % пенсии — 1655 руб. в год [28, л.66]. Скончалась она летом 1916 г. Ее тело внучка Валентина отвезла в г. Пернов [29, л.36]. Это указывает, что семья на протяжении многих десятилетий сохраняла связи со своей «малой родиной».

«Семейное дело» продолжил единственный сын Карла Карловича — Отто. Он родился 1 мая 1866 г. В 1883 г. закончил

шесть классов Главного немецкого училища в Петербурге. Службу начал 31 января 1885 г. почетным старшиной Охтенского детского приюта по ведомству учреждений императрицы Марии. Но забота его о брошенных детях продолжалась не очень долго. 11 марта 1887 г. он был причислен к МВД с откомандированием в распоряжение начальника Главного управления почт и телеграфов, через год, 7 марта 1888 г., назначен чиновником, знающим иностранные языки, при Санкт-Петербургском почтамте.

По сравнению с отцом продвижение его по служебной лестнице было гораздо более медленным. Лишь 1 октября 1910 г. Отто стал переводчиком Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов, а с 1 декабря 1911 г. — младшим цензором. Тем не менее, чины и ордена получал он достаточно регулярно: 31 января 1907 г. стал статским советником, 6 декабря 1910 г. — действительным статским советником. К 1917 г. Отто имел ордена Святой Анны 3-й степени, Святого Станислава 3-й, 2-й и 1-й степени; Святого Владимира 4-й и 3-й степени; серебряную медаль в память царствования Александра II. Проживая в казенной квартире, он получал официальное жалование 1500 руб. в год, которое составляло примерно половину реального заработка чиновников «черных кабинетов». В 26 лет Отто Карлович женился на Клариссе Васс. У них было трое детей: сын Владимир (1.04.1893-?) и две дочери — Женни (12.12.1894-?) и Валентина (03.08.1896-?) [32, л.1-6].

Род К. К. Вейсмана продолжает существовать. Мужем дочери Луизы Генриетты Агнессы (26.01.1862-1921, Петроград) стал Пирс Фредерик Иоганн фон Моссин (13.04.1863-22.10.1940), органист. У них было четыре дочери: Елизавета, Нина, Лидия и Герда (прожила только 5 лет). Елизавета (в замужестве Селиванова) имела дочь Марину Павловну (1925-2015), которая стала инженером-кораблестроителем, ее муж, Власов Александр Федорович, тоже кораблестроитель. У них двое сыновей: Андрей и Юрий Власовы. У обоих - семьи. Лидия (20.08.1897- 15.01.1977, Ленинград) закончила Ленинградскую консерваторию в 1925 г. и в 1923 г. вышла замуж за Ницмана Рейнгольда Арнольдовича (29.06.1898, Рига-

30.01.1986), сына ломового извозчика. С 15 октября 1918 г. он служил на Балтийском флоте матросом, писарем, баталером (лицо, ведающее в частях военно-морских сил пищевым и вещевым довольствием личного состава), начальником отдела продовольственного и вещевого снабжения Учебного отряда Подводного плавания. Кандидат РКП (б) с 15.01.1924 г., член РКП (б) с 9.09.1924 г. С 17.03.1936 интендант третьего ранга (майор). Был уволен из кадров ВМФ в июле 1938 г. С 21 февраля 1941 г. вновь зачислен в кадры ВМФ: инспектор продовольственного отделения Ленинградского военного порта, начальник обозно-вещевого отдела Тыла Ленинградской морской базы Краснознаменного Балтийского флота. В годы ВОВ в 1944 г. был награжден орденами «Красной Звезды», «Красного Знамени», медалями. Впоследствии удостоился орденов Ленина и Великой Отечественной войны I степени. Полковник интендантской службы.

Их сын, Ницман Орест Рейнгольдович (р. 16.05.1935, Ленинград). Инженер, дизайнер, писатель. Жена (с 1969 г.) – Луцкова Ина Ивановна (р. 11.04.1941), ур. Жудро. Их сын Глеб (р.30.04.1972). Его жена, Подольская Анастасия Юрьевна (р. 27.02.1974). Их дочери – Анна (р. 10.04.2005) и Инга (р. 12.10.2022) [1, 37].

Через две недели после подачи Вейсманом прошения об увольнении от службы 6 декабря 1891 г. старший цензор А. Д. Фомин получил секретное предписание министра внутренних дел И. Н. Дурново: «Секретно. Предлагаю Вашему превосходительству со дня увольнения от службы тайного советника Вейсмана принять на себя управление почтовою цензурою и секретною частью не только в Санкт-Петербурге, но и над всеми подобными учреждениями в империи, по каковым делам Вы будете иметь непосредственно со мною сношения» [3, л.87 об.]. Это означало, что с этого дня А. Д. Фомин возглавил в Российской империи службу перлюстрации. Именно с Фоминым связана легенда о старичке, который, якобы, на протяжении нескольких царствований являлся к новому Государю с докладом о перлюстрации в империи. На самом деле, по утверждению М. Г. Мардарьева, ни он, ни Фомин,

«никогда личного доклада у Государя не имели». Зато «по вступлении в должность нового министра внутренних дел я, а до меня Фомин, - вспоминал М.Г. Мардарьев, - немедленно являлись к министру с первым докладом о положении перлюстрационной части и приносили с собой первый пакет перлюстрационных выписок. Пакет этот вручался министру лично, а последующие отправлялись на квартиру министра [2, л.49 об.].

В историко-популярной литературе на многие годы фигура А. Д. Фомина оказалось заслоненной М. Г. Мардарьевым. Этому способствовали показания последнего министра внутренних дел А. Д. Протопопова в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Отвечая на вопрос о перлюстрации, он упомянул о «заведовавшем перлюстрационным бюро» М. Г. Мардарьеве, заявив, что последний «уже тридцать лет вел это дело» [17, с.110]. Эта фраза была воспринята некоторыми историками как утверждение, что именно М. Г. Мардарьев несколько десятилетий руководил работой по перлюстрации.

На деле перлюстрацией в России с 6 декабря 1891 г. по 2 июня 1914 г. управлял Александр Дмитриевич Фомин. Он родился 8 июня 1845 г. в дворянской семье. В 1864 г. окончил Училище правоведения. Службу начал в Межевом департаменте Сената в чине губернского секретаря, т. е. чиновника XII класса, 16 мая 1864 г. уже через год он оказался за штатом и в ноябре 1865 г. был определен сверх штата в IV отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Это отделение возникло в октябре 1828 г., заменив собою канцелярию императрицы Марии Федоровны, и ведало воспитательными домами и «подведомственными опекунским советам учреждениям». В 1854 г. для управления этими учреждениями было создано «Ведомство учреждений императрицы Марии», а главноуправляющий IV отделением стал председателем Главного совета женских учебных заведений. В марте 1868 г. А. Д. Фомин оставил собственную канцелярию, перешел в канцелярию Святейшего Синода и служил здесь до ноября 1874 г. Здесь же он дослужился до

чина коллежского асессора (VIII кл) и получил свой первый орден – орден Св. Анны III ст. В июне 1874 г. А. Д. Фомин стал почетным членом С.-Петербургского совета детских приютов по Ведомству учреждений императрицы Марии и оставался им до января 1879 г. А поскольку это было придворное ведомство, в апреле 1877 г. его пожаловали званием камер-юнкера.

В ноябре 1876 г. «за выслугу лет» А. Д. Фомина произвели в народные советники (VII класс), а в декабре 1878 г. «за отлично-усердную службу и особые труды по С.-Петербургскому совету детских приютов» наградили орденом Св. Станислава 2 степени. В ноябре 1878 г. А. Д. Фомин опять вернулся в Синод, на этот раз членом Общего присутствия хозяйственного управления. Через шесть лет, в 1884 г., он стал статским советником. Ему было уже почти 40 лет, и, казалось, ничто не предвещало изменений в его карьере.

Но 22 декабря 1884 г. приказом по Министерству внутренних дел А. Д. Фомин был зачислен чиновником сверх штата при Главном управлении почт и телеграфов и командирован сначала в распоряжение московского почт-директора, а затем в распоряжение петербургского почт-директора. 9 апреля 1889 г. «за отличие» он был произведен в действительные статские советники (IV класс) и с 12 августа 1891 г. назначен старшим цензором Петербургского почтамта [23, л.1 об.-6].

С момента руководства службой перлюстрации А. Д. Фомин регулярно получал новые ордена: Св. Владимира 3 степени (1892 г.), Св. Станислава 1 степени (1895 г.), Св. Анны 1 степени (1899 г.), Св. Владимира 2 степени (1907 г.), Белого Орла (1912 г.). В апреле 1903 г. «за отличие» он был произведен в тайные советники (III класс).

Из сведений об отпусках можно заключить, что нес он службу весьма добросовестно, до 1899 г. почти не пользуясь отпусками. За первые 15 лет службы в Цензуре иностранных газет и журналов (1884-1898 гг.) А. Д. Фомин брал отпуск только два раза: в 1885 г. на 14 дней, в 1889 г. на два месяца. И лишь с 1899 г. он регулярно (раз в два года) в течение двух месяцев отдыхал за гра-

ницей и в империи. Единственное исключение из этого правила – 1909 г.

В мае 1914 г. А. Д. Фомин подал на имя Николая II прошение, в котором говорилось: «По болезни службу ... по почтово-телеграфному ведомству продолжать более не могу», и далее содержалась просьба «о назначении усиленной пенсии». 2 июня 1914 г. А. Д. Фомин был уволен в отставку. Согласно формулярному списку, он прослужил 50 лет и 16 дней.

Учитывая его многолетнюю службу, Николай II по докладу министра внутренних дел дал согласие на производство А. Д. Фомина в действительные тайные советники (II класс) с назначением пенсии 4000 руб. в год. Кроме того, министр внутренних дел Н. А. Маклаков 23 июня 1914 г. испросил согласия Николая II на выдачу А. Д. Фомину «добавочной пенсии из сумм почтово-телеграфного ведомства в размере одной тысячи руб. в год.»

За несколько дней до этого А. Д. Фомин подал еще одно прошение о назначении ему «единовременного пособия ввиду столь резкого изменения в [...] материальном положении и вызванных им неизбежных расходах». Но эта просьба уже не была удовлетворена [23, л.6 об.-8, 29,34,37,39]. После отставки А. Д. Фомин прожил недолго и умер 26 декабря 1916 г. [15, с.434].

Его преемником на посту главного перлюстратора Российской империи стал тайный советник М. Г. Мардарьев (25.04.1858-1918, Петроград). 1 июля 1914 г. он получил следующее распоряжение начальника Главного управления почт и телеграфов В. Б. Похвиснева: «Ввиду увольнения с 2-го июня 1914 г. от службы ... Фомина, предлагаю Вашему Превосходительству вступить во временное заведывание цензурой иностранных газет и журналов» [22, л.37]. Любопытна формулировка этого документа. В. Б. Похвиснев знал, в чем заключалась главная функция Цензуры иностранных газет и журналов, и понимал, что назначение нового руководителя перлюстрации не в его компетенции. Но и оставлять цензуру без начальника, даже на короткий срок, было нельзя. Отсюда и формулировка о временном назначении М. Г. Мардарьева без упоминания об «особой части». И только 11

сентября появился приказ министра внутренних дел Н. А. Маклакова: «Предлагаю Вам (т.е. М. Г. Мардарьеву – В.И.) принять управление цензурою иностранных газет и журналов и особую при ней частью в империи» [22, л.39].

Михаил Григорьевич Мардарьев родился 25 апреля 1858 г. в семье личного дворянина. В 1876 г. он окончил 6 классов реального училища при евангелическо-лютеранской церкви Св. Анны, хотя был православного вероисповедования [22, л.1об]. Кстати, это училище закончил и его брат Николай, также впоследствии служивший по перлюстрации [19, л.2].

С 1 мая 1877 г. М. Г. Мардарьева определили на службу канцелярским служителем в Санкт-Петербургский комитет иностранной цензуры. Служил он, видимо, прилежно, ибо за короткий срок ему дважды повышали жалованье, а с 15 октября 1879 г. по предложению председателя Комитета, поэта Аполлона Майкова, временно назначили исполнять должность экзекутра (ведаль хозяйственными делами) и казначея комитета. Как и положено, в апреле 1880 г. М.Г. Мардарьева произвели в коллежские регистраторы (XIV класс) со старшинством с 1 мая 1879 г. Теперь ему предстояло подниматься по длинной служебной лестнице, начав с самого низа.

В мае 1880 г. произошел решающий поворот в его службе. Приказом по МВД он был причислен к министерству с откомандированием в распоряжение санкт-петербургского почт-директора, а 27 апреля 1881 г. назначен чиновником, «знающим иностранные языки» (при Петербургском почтамте) [22, л.1об.]. По словам самого Михаила Георгиевича, (в ходе допроса 19-20 июня 1917 г.), первые три года службы в Отделении цензуры иностранных газет и журналов при Петербургском почтамте он «ничего не знал» о существовании Секретного отдела перлюстрации, ибо «в эти две комнаты никто из лиц, не посвященных в тайны перлюстрации, не имел доступа», и занимался своими прямыми обязанностями по цензуре [2, л.43]. В марте 1882 г. он был награжден орденом Св. Станислава 3 степени,

а в ноябре 1882 г. произведен в чин губернского секретаря (XII класс) [22, л.3-4].

«После трехлетней службы... - признавался М. Г. Мардарьев – я снискал к себе полное доверие почт-директора Шора и старшего цензора Вейсмана и, по приглашению Шора, принял участие в особом секретном отделе цензуры, занимавшемся перлюстрацией». Переход в особый отдел был обставлен целым рядом специальных правил. «По принятии меня в число сотрудников, - вспоминал Михаил Георгиевич, - я, как и все другие, вновь поступающие, дал клятву Вейсману хранить в совершенной тайне все мне известное о перлюстрации» и «по распоряжению Вейсмана я тогда же представлялся министру внутренних дел», который, в частности, сказал молодому сотруднику: «Тайна перлюстрации есть государева тайна» [2, л.43,44].

Поскольку это была государственная тайна, то чисто внешне ничего не произошло, и никаких изменений в формулярном списке М. Г. Мардарьева не последовало. 13 апреля 1882 г. он был назначен младшим цензором, после чего последовали ряд наград (орден Св. Анны 3 степени в марте 1885 г. и орден Св. Станислава 2 степени в апреле 1889 г.) и довольно быстрое продвижение по лестнице чинов: ноябрь 1885 г. – коллежский секретарь (X класс), ноябрь 1888 г. – титулярный советник (IX класс), ноябрь 1891 г. – коллежский асессор (VIII класс).

Но еще более важным для М. Г. Мардарьева стало его назначение 3 июля 1893 г. старшим цензором Петербургского почтамта, т.е. заместителем А. Д. Фомина.

Уже в ноябре 1893 г. «за отличие» М. Г. Мардарьев был произведен в надворные советники (VII класс), в ноябре 1896 г. в коллежские советники (VI класс). 1 января 1900 г. его пожаловали орденом Св. Владимира 4-й степени. Это произошло до появления в том же году указа, лишавшего права на потомственное дворянство лиц, награжденного орденом Св. Владимира 4-й степени. Поэтому 18 декабря 1900 г. М. Г. Мардарьев был произведен в потомственное дворянство [22, л.4-9]. В этой связи стал вопрос о внесении Михаила Георгиевича и членов его семьи в родословные книги российского дво-

рянства, а также о праве на именной герб. Департамент Герольдии Правительствующего Сената 23 ноября 1900 г. определил, что «коллежский советник Михаил Георгиев Мардарьев и дети его Николай, Александр, Михаил и Елизавета признаны в потомственном дворянстве с правом на внесение в третью часть Дворянской родословной книги» [33, л.13-13об.].

Забегая вперед, добавим, что, спустя ряд лет, по мере продвижения по службе, был подготовлен проект герба. Он представлял «В серебряном щите червлёный лапчатый крест, сопровождаемый снизу черною трубою. Щит увенчан Дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: три страусовых пера, из коих среднее червлёное, а крайние серебряные. Намет серебряный подложенный червлёному. Девиз «Верю и службою» черными буквами на серебряной ленте» [33, л.13-13об.].

15 апреля 1916 г. Гербовое отделение Департамента Герольдии Правительствующего Сената просило М. Г. Мардарьева «ознакомиться с проектом герба для рода Мардарьевых». Михаил Георгиевич 20 апреля ознакомился с проектом и сделал две приписки: «Девиз прошу поместить под гербом следующий: «Богу – вера, Царю – правда» и «проект моего герба оставить без изменений». 28 апреля Гербовое отделение проект утвердило и представило на усмотрение Герольдмейстера. 3 мая художнику [А. В.] Серебрякову было поручено «заняться нарисованием герба рода дворян Мардарьевых». 15 сентября 1916 г. в Сенате слушали прошение тайного советника М. Г. Мардарьева «об утверждении герба рода его и выдаче копии с герба». Постановили: «изготовив по правилам геральдики проект рода Мардарьевых, представить его установленным порядком на Высочайшее утверждение и по воследовании такового выдать» М. Г. Мардарьеву копию «с того герба». Вследствие политических перемен, Гербовое отделение 26 мая и 7 июня 1917 г. вновь просило М. Г. Мардарьева «пожаловать в Отделение по делу о гербе». 7 июня М. Г. Мардарьев сделал на рисунке герба приписку: «В отмену ранее изображенного мною девиза прошу поменять в гербе нижеследующие слова: «Верю и службою». 21 июня 1917 г. герб рода дво-

рян Мардарьевых был, наконец, утвержден Третьим Департаментом Правительствующего Сената с указанием «Эмблемы, изображенные в гербе дворян Мардарьевых, указывают: труба на службу родоначальника их коллежского советника Михаила Георгиева Мардарьева в почтовом ведомстве, а крест на пожалование ему ордена Св. Владимира четвертой степени, каковым приобрел он потомственное дворянство». Здесь любопытно то, что в июне 1917 г. еще сохранялась вера и надежда на сохранение дворянских титулов и гербов. 23 июня 1917 г. Гербовое отделение вновь поручило художнику [А.В.] Серебрякову этот заказ. Но в деле имеется приписка карандашом «Заказ не выполнен. 15 апреля 1918 г.» [39].

Но до этого было еще далеко. А пока в декабре 1904 г. М. Г. Мардарьев стал действительным статским советником. В декабре 1907 г. его наградили орденом Владимира 3-й степени, через два года – орденом Св. Станислава 1-й степени. В феврале 1913 г. он получил светло-бронзовую медаль, учрежденную в память 300-летия династии Романовых. С началом войны чиновники перлюстрации стали военными цензорами, но продолжали трудиться отдельно от специально созданного ведомства военной цензуры. В годы войны служебная деятельность М. Г. Мардарьева приобрела еще большее значение. В декабре 1916 г. он по совместительству был назначен членом Совета Главного управления по делам печати, а в январе 1917 г. – членом Статического совета МВД. 4 февраля 1917 г. ему была пожалована последняя награда – орден Св. Анны 1-й степени [22, л.4-9, 37, 39].

В ситуации начала Великой Российской революции 1917-1922 гг., свержения самодержавия и отречения Николая II от престола в феврале-марте 1917 г., М. Г. Мардарьев отдал распоряжение перлюстрационным пунктам империи, находившимся в его подчинении, прекратить свою деятельность, после чего уничтожил все черновые записки за 1916 г., отражавшие количество и характер перлюстрации [2, л.49; 21, л.23]. Приказом по Министерству почт и телеграфов от 10 июля 1917 г. чины перлюстрации, работавшие в цензуре иностранных газет и жур-

налов, были уволены с должности с 16 марта 1917 г. [18, с.272].

Но еще до появления приказа М. Г. Мардарьев постарался «уйти в тень». 11 апреля 1917 г. он обратился к начальнику Главного управления почт и телеграфов с просьбой о предоставлении двухмесячного отпуска «для поправления расшатанного здоровья и о назначении ... пособия на лечение». Из этого, правда, ничего не получилось. 15 мая судебный следователь В. И. Фененко обратился в Канцелярию Министерства внутренних дел с просьбой прислать копии формулярных списков М. Г. Мардарьева и «его помощника» Е. К. Самусьева [34, л.49, 52]. В июне-августе 1917 г. М. Г. Мардарьева трижды допрашивали в Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством «для расследования противозаконных по должности бывших министров и прочих должностных лиц» [2, л.43-53 об., 88-89].

На допросе 19-20 июня 1917 г. он заявил: «Всю жизнь свою я мечтал, что работаю на пользу родины, что благодаря деятельности перлюстрационных пунктов царь знает действительное положение дел в стране» [2, л.47]. При этом он утверждал, что «никаких письменных распоряжений и циркуляров по вопросам перлюстрации никогда не издавалось», умалчивая о наличии ряда документов, связанных с делами перлюстрации [2, л.48об.]. Видимо, он был убежден, что решить судьбу этих документов может лишь новая государственная власть. Как выяснилось позже, в первые дни революции он забрал эти документы из помещения почтамта и передал их на хранение офицеру Морского Генерального Штаба М. И. Дунину-Барковскому (заведующий Особым делопроизводством Морского Генерального Штаба, ведавшим контрразведкой – В.И.). После первого допроса 19 июня М. Г. Мардарьев забрал их и в четырех печатанных пакетах отвез в Министерство внутренних дел, намереваясь передать их лично министру. Пакеты были приняты секретарем товарища министра, а затем переданы в Чрезвычайную следственную комиссию. Это стало одной из причин дополни-

тельных допросов М. Г. Мардарьева [2, л.27, 53].

Любопытно, что М. Г. Мардарьев в конце XIX в. был не чужд интереса к историческим исследованиям. В частности, он опубликовал в журнале «Русская старина» статью «Император Николай I и академик [Г.Ф.] Паррот». Здесь были приведены тексты писем академика в 1827 г. о тяжелейшем положении Академии наук и необходимости учредить ее новое штатное расписание, а также проект 1846 г. о понижении уровня Чудского и Псковского озер [6, л.385-396]. Из переписки М. Г. Мардарьева с известным цензором К. А. Военским в 1899 г. известно, что Михаил Георгиевич работал над статьей о супруге царевича Алексея Петровича Шарлотте Брауншвейг-Вольфенбюттельской, матери будущего императора Петра II и тётке австрийской императрицы Марии-Терезии, и планировал новые исследования [16, л.1]. Негативный отзыв о М. Г. Мардарьеве, хотя и без всяких конкретных обоснований, можно найти в мемуарах товарища министра внутренних дел в 1913-1915 гг. В. Ф. Джунковского. Он вспоминал о М. Г. Мардарьеве следующими словами: «... к нему-то душа у меня и не лежала, хотя упрекнуть его я ни в чем не мог, но какое-то чувство недоверия к нему меня не покидало. Заменить его другим лицом у меня данных не было, а кроме того, я и не мог решиться на это — он слишком много знал, чересчур доверенный пост он занимал. Приходилось терпеть, держать его в руках: я рассчитывал, главное, на то, что Мардарьев, дорожа своей хорошо оплачиваемой должностью, и всецело зависевший от меня, не решится идти в разрез моим указаниям и требованиям, особенно после ухода [С.П.] Белецкого, на поддержку коего он уже рассчитывать не мог» [4, с.275].

В отличие от А. Д. Фомина, умершего холостяком, у М. Г. Мардарьева была семья: жена – Щеколдина Елизавета Михайловна (25.02.1859-?), сыновья Николай (05.12.1881-18.11.1916), Александр (15.02.1885-?) и Михаил (28.03.1889-?), дочь Елизавета (20.04.1894-?) [34, л.1 об.-2]. Александр провел 11 лет во 2-й мужской гимназии при 8-летнем сроке обучения и 4

июня 1904 г. получил аттестат зрелости, что говорит, конечно, о не очень больших успехах в учебе [36, л. 2, 2 об., 13]. 16 июня 1904 г. он подал прошение на зачисление в состав студентов китайско-монгольского отделения факультета Восточных языков С.-Петербургского университета. [36, л. 1]. Был зачислен в состав студентов в августе 1904 г., перевелся на юридический факультет и слушал лекции 1-го семестра в течение осеннего полугодия 1904 г. По прошению от 8 ноября 1905 г. уволен из числа студентов 1-го курса уже юридического факультета [36, л. 9,10]. Так что учеба в университете оказалась весьма недолгой. После этого 20-летний юноша избирает военную стезю. На 1 января 1913 г. он был в чине поручика младшим офицером 11-й роты 147-го пехотного Самарского полка [39]. Михаил Михайлович Мардарьев окончил Морской

кадетский корпус в 1908 г. Участник спасения жителей Мессины (Италия), пострадавших от землетрясения. Мичман (1910). Произведен в лейтенанты 6 декабря 1913 г. Служил помощником начальника Гидрографической экспедиции Балтийского моря, исполнял обязанности старшего офицера канонерской лодки «Маньчжур», в октябре 1914 г. был ранен в голову в бою с немецким крейсером «Эмден»; в 1915 г. командовал эсминцами «Грозный», «Беспощадный», «Властный» [35, л.1-15об.]. С 30 июня 1918 г. состоял в Сибирской флотилии, находившейся во Владивостоке, участник Белого движения. В эмиграции во Вьетнаме, в 1933-1935 гг. жил в Сайгоне [38]. К сожалению, установить дальнейшую судьбу А. М. и М. М. Мардарьевых и разыскать их потомков пока не удалось.

Список источников и литературы

1. Архив автора. Сообщено О.Р. Ницманом
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.1467. Оп. 1. Д.1001.
4. *Джунковский. В.Ф.* Воспоминания. Т.2. М.: Издательство имени бр. Сабашниковых, 1997.
5. *Извозик В.С.* «Черные кабинеты» в России: История российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М.: НЛЮ, 2015.
6. *Мардарьев М.* Император Николай I и академик Паррот // Русская старина. 1898. Ноябрь.
7. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Р.Х. 1770. СПб., 1770.
8. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Р.Х. на 1783. СПб. : Имп. Академия наук, 1783.
9. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Р.Х. на 1786. СПб.: Имп. Академия наук, 1786.
10. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Р.Х. на 1794. СПб.: Имп. Академия наук, 1794.
11. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1805 от Рождества Христова. СПб.: Имп. Академия наук, 1805.
12. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1805 от Рождества Христова. СПб.: Имп. Академия наук, 1813. Ч.1.
13. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1805 от Рождества Христова. СПб.: Имп. Академия наук, 1814. Ч.1.
14. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1805 от Рождества Христова. СПб.: Имп. Академия наук, 1833. Ч.1.
15. Новодевичье кладбище. СПб.: Белое и Черное, 2003. С. 434.
16. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф.152. Оп.2. Д.483.
17. Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. I V. Л., 1926.
18. Почтово-телеграфный журнал. 1917. №28-29. Отдел официальный. С. 272.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 779. Оп. 2. Д. 105.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1289. Оп 4. Д. 303.
21. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2775.
22. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2874.

23. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1289. Оп. 4. Д. 5122.
24. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1289. Оп. 21. Д. 44.
25. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 3. Д. 63.
26. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 3. Д. 93.
27. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 3. Д. 103.
28. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 3. Д. 275.
29. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 3. Д. 283.
30. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 3. Д. 370.
31. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 4. Д. 70.
32. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 4. Д. 725.
33. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 49. Д. 1047.
34. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1989. Оп. 4. Д. 2874.
35. Центральный Государственный архив Военно-Морского флота (ЦГА ВМФ). Ф. 406. Оп. 9. Д. 2420.
36. Центральный Государственный архив истории Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 14. Оп. 3. Д. 42318.

Измолик Владлен Семенович – д.и.н. профессор кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (г. Санкт-Петербург, Россия); izmozik@mail.ru

LEADERSHIP «BLACK CABINETS»: K. K. WEISMEN, A. D. FOMIN, M. G. MARDARIEV. THE END OF THE 19TH – THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY.

V. S. Izmozik

The article, first of all, on the basis of archival sources, examines the biographies of three senior censors of the St. Petersburg Post Office, who led the secret service of perлуstration in the Russian Empire from 1886 to 1917. The history of the Weisman family is of the greatest interest. Five of her generations have served in the post office since the 60s of the XVIII century. Of these, three of its last representatives were certainly involved in the perлуstration: Karl Ottovich, Karl Karlovich and Otto Karlovich Weismans. The story about the members of the Weizmann family has been brought to 2023. Compared with previous publications, the data on M.G.'s sons have been updated. Mardarieva.

Keywords: K. K. Weisman, O. K. Weisman, A. D. Fomin, M. G. Mardariev, Louise von Mossin (ur. Weisman), Lidia Nitzman (ur. Von Mossin), R. A. Nitzman, O. R. Nitzman, M. M. Mardariev.

References

1. The author's archive. Reported by O.R. Nitsman
2. State Archive of the Russian Federation (GARF). F. 1467. Op. 1. D. 1000.
3. State Archive of the Russian Federation (GARF). F. 1467. Op. 1. D. 1001.
4. Dzhunkovsky. V.F. Memoirs. T.2. M.: br Publishing House. Sabashnikov, 1997.
5. *Izmozik V. S. "Black cabinets" in Russia: The History of Russian perлуstration. XVIII – the beginning of the XX century. Moscow: UFO, 2015.*
6. *Mardariev M. Emperor Nicholas I and Academician Parrot // Russian Antiquity. 1898. November.*
7. A month with a painting of officials in the state for the summer from A.D. 1770. St. Petersburg, 1770.
8. A month with a painting of officials in the state for the summer of A.D. on 1783. St. Petersburg : Imp. Academy of Sciences, 1783.
9. Months with the painting of officials in the state for the summer of A.D. on 1786. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1786.
10. Months with the painting of officials in the state for the summer of A.D. on 1794. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1794.

11. Monthsword with the painting of officials, or the General staff of the Russian Empire for the summer of 1805 from the Birth of Christ. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1805.
12. The month book with the painting of officials, or the General staff of the Russian Empire for the summer of 1805 from the Birth of Christ. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1813. Part 1.
13. The Monthsword with the painting of officials, or the General staff of the Russian Empire for the summer of 1805 from the Birth of Christ. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1814. Part 1.
14. Monthsword with the painting of officials, or the General staff of the Russian Empire for the summer of 1805 from the Birth of Christ. St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1833. Part 1.
15. Novodevichy cemetery. St. Petersburg: White and Black, 2003. p. 434.
16. Department of Manuscripts of the Russian National Library (OR RNB). F.152. Op.2. d.483.
17. The fall of the tsarist regime: Verbatim reports of interrogations and testimony given in 1917 in the Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government. T. L., 1926.
18. Postal and Telegraph magazine. 1917. №28-29. Official Department. p. 272.
19. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 779. Op. 2. d. 105.
20. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1289. Op 4. d. 303.
21. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1289. Op. 4. D. 2775.
22. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1289. Op. 4. D. 2874.
23. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1289. Op. 4. d. 5122.
24. Russian State Historical Archive (RGIA). F.1289. Op. 21. D. 44.
25. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1349. Op. 3. D. 63.
26. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1349. Op. 3. d. 93.
27. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1349. Op. 3. D. 103.
28. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1349. Op. 3. D. 275.
29. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1349. Op. 3. d. 283.
30. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1349. Op. 3. d. 370.
31. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1349. Op. 4. D. 70.
32. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1349. Op. 4. D. 725.
33. Russian State Historical Archive (RGIA). F.1343. Op.49. d.1047.
34. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1989. Op. 4. D. 2874.
35. Central State Archive of the Navy (CGA of the Navy). F.406. Op.9. d.2420.
36. Central State Archive of the History of St. Petersburg (TSGIA SPb.). F. 14. Op. 3. d. 42318.

Izmozik Vladlen Semyonovich – Doctor of Historical science, Professor of the Department of History and Regional Studies, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications (St. Petersburg, Russia), izmozik@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 16.06.2023; принята к публикации: 25.09.2023.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Измозик В. С. Руководители «Черных кабинетов»: К. К. Вейсман, А. Д. Фомин и М. Г. Мардарьев. Конец XIX – начало XX в. // Социогуманитарные коммуникации. – 2023. – №3(5). – С. 7-18.

FOR CITATION:

Izmozik V. S. Rukovoditeli «CHernyh kabinetov»: K. K. Vejsman, A. D. Fomin i M. G. Mardar'ev. Konec XIX – nachalo XX v. [Leadership «Black cabinets»: K. K. Weismen, A. D. Fomin, M. G. Mardariev. The end of the 19th – the beginning of the 20th century.] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2023. № 3(5). P. 7-18.

БОЕВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ФРОНТОВЫХ И АРМЕЙСКИХ УЗЛОВ СВЯЗИ ПЕРЕД НАЧАЛОМ ВОЙНЫ

А. А. Вербицкий, С. А. Набойченко, М. Х. Филимоненков

Перед Великой Отечественной войной войска связи состояли из частей и подразделений. Они входили в состав соединений и частей различных родов войск и частей резерва Главного Командования (РГК) [1]. Войсковые части и подразделения связи предназначались для обеспечения связи как в мирное, так и в военное время. Их структура по мирному времени принципиально не отличалась от организации, принятой для войны. По мобилизации эти части лишь доводились до штата военного времени [1].

Ключевые слова: общегосударственная связь, радиосвязь, полевой узел связи, телеграфная связь, проводная связь

Накануне Великой Отечественной войны связь в оперативно-стратегическом и оперативном звеньях управления предусматривалось обеспечить по общегосударственной сети связи [1].

Необходимость развития сети общегосударственной связи в приграничных районах, вошедших в состав Советского Союза в 1939-1940 годах, потребовала срочных мероприятий, к которым были привлечены предприятия Наркомата связи, а также части связи военных округов и армий. Стояла задача в сжатые сроки телефонизировать 1152 сельсовета. До 01.01.1941 г. из них было телефонизировано 363. В плане на 1941 год предусматривалась телефонизация остальных [8]. Планировалось также широкое использование радиосвязи, о чем свидетельствуют приведенные данные в таблице 1. Предполагался рост парка магистральных радиосредств на 33,3%. Магистральную ра-

диосвязь предполагалось использовать на расстоянии 2-3 тыс.км., применяя радиопередатчики мощностью 120 и 60 кВт. Предусматривалось иметь 24 радиотелеграфные, 14 радиотелефонных и 7 факсимильных радиолний [9].

Планировалась замена нетиповых радиостанций аппаратурой промышленного производства [9]. Кроме того, существующие радиосредства низовой сети заменялись новыми типами аппаратуры. Все существующие передатчики должны были быть полностью укомплектованы комплексами вспомогательных средств [10].

Широкое применение к 1941 году получила телеграфная связь. На 01.01.1941 года в стране насчитывалось около 21 тысячи телеграфных аппаратов. В годы третьей пятилетки планировалось заменить устаревшие и разнотипные аппараты на современные [10].

№	Вид радиосвяти	Годы					
		до 1938 г.	1938	1939	1940	1941	1942
1.	Телефонная	77	83	85	90	99	103
2.	Телеграфная						
	а) Крид и слуховая	147	154	163	161	160	158

	Вид радиосвязи	Годы					
		до 1938 г.	1938	1939	1940	1941	1942
	б) Бодо радио	-	2	7	15	23	28
3.	Факсимильная	2	5	7	10	12	16
	Всего	226	244	262	272	294	305

Таб. 1 – Развитие средств магистральной радиосвязи в годы 3 пятилетки (1938-1942 гг.)

Основным видом связи, готовившейся в мирное время для фронтов и армий, являлась проводная («проволочная») по воздушным линиям. Вся сеть воздушных телеграфно-телефонных линий в мирное время, в зависимости от емкости операционных направлений, реконструировалась, дополнялась проводами в соответствии со следующим расчетом: штаб фронта – Генеральный Штаб – два телеграфных провода и цепь цветного металла для ВЧ; между соседними фронтами – два телеграфных провода; штаб фронта – штаб армии – один телеграфный провод, цепь цветного металла для ВЧ и цепь для НЧ с использованием средней точки для телеграфа; штаб армии – штаб корпуса – один телеграфный провод, цепь для НЧ с использованием средней точки для второй телеграфной связи [2].

Полевой узел связи фронта (армии), в соответствии с довоенными взглядами на организацию связи во фронтовой (армейской) операции, должен был представлять собой «центр системы связи объединения, обеспечивающий связь командования и взаимодействия по всем направлениям» [3].

Боевое применение полевых узлов и их организационно-техническое построение во многом определялось порядком управления, принятым в объединении и, в частности, порядком функционирования пунктов управления фронта и армии [1].

По взглядам, сложившимся к началу войны, управление войсками в оперативном звене предполагалось осуществить с единого пункта управления (командного пункта), расположенного на направлении главного удара [1].

Развертывание узлов связи командных пунктов (УС КП) фронтов и армий должно

было осуществляться силами и средствами отдельного полка связи во фронте и отдельного батальона связи в армии [1].

По опыту советско-финляндского конфликта и освободительного похода Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину, емкость узла связи командного пункта фронта должна была составить около 55 проводов, узла связи штаба ВВС фронта – 35 проводов, армейского узла – до 36 проводов [4].

В состав узла связи, командного пункта фронта (армии) входили следующие элементы:

- военно-телеграфная станция (ВТС);
- центральная телефонная станция (ЦТС);
- радиогруппа, объединяющая все радиосредства, обслуживающие командный пункт;
- пункт сбора и передачи донесений (ПС);
- пост воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОО);
- резерв сил и средств связи [5].

Перед войной существовало мнение, что телефонная связь в оперативном звене управления будет использоваться только в качестве внутренней связи на пунктах управления. Основным же видом связи являлась телеграфная связь, которая использовалась как для передачи оперативных документов, так и для прямых переговоров командования... Так, статья 322-я «Наставления по телеграфной службе» (1941 г.) гласила: «В условиях армии и фронта телеграфная связь является основным средством управления войсками...» [6].

Поэтому и основным элементом фронтовых и армейских узлов связи считалась во-

енно-телеграфная станция (ВТС), которая могла включать в себя следующие аппаратные: Кросс, Бодо, СТ-35, Морзе, Уитстона, а также зарядно-генераторную станцию и экспедицию. Количество развертываемой на ВТС аппаратуры зависело, прежде всего, от состава фронта (армии) и характера боевых действий [1].

Так, военно-телеграфная станция УС Северо-Западного фронта в советско-финляндском конфликте в своем составе имела: три телеграфных аппарата Бодо; семь аппаратов СТ-35 и два аппарата Морзе; а в составе ВТО 13 армии этого фронта имелись: один аппарат Бодо: один – СТ-35 и 6 аппаратов Морзе [1].

Размещалась военно-телеграфная станция в одном из нижних этажей здания, занятого штабом фронта (армии) [1].

В 1940-1941 гг. под руководством Управления связи Красной Армии проводилась большая работа по совершенствованию организационной структуры узловых частей связи. Так, в феврале 1941 года, в Прибалтийском особом ВО была проведена ко-

мандно-штабная игра на тему: «Армейская наступательная операция в условиях Западного ТВД». На период штабной игры для развертывания основного и резервного узлов связи армии, был создан отдельный полк связи, который состоял из телефонно-телеграфного батальона, радиобатальона и роты подвижных средств. В полку имелось в наличии 32 телеграфных аппарата, 8 радиостанций, а в качестве подвижных средств связи 10 бронеобъектов, 16 автомашин и 16 мотоциклов [7].

Такая структура и состав отдельного полка связи были близки к той структуре и составу, которые кроме громоздкого отдельного батальона связи, имеющего значительное количество устаревшей техники, никакими другими узловыми частями и подразделениями не располагали. Таким образом, управление войсками фронта (армии) перед войной предполагалось осуществить с помощью одного полевого узла связи (УС КП) и нескольких ВОУ, расположенных в полосе действия объединения [1].

Список источников и литературы:

1. *Зайцев В. П., Жарский А. П.* Фронтовые и армейские узлы связи в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) (Краткий текст лекций) – Л. 1985 г.
2. История военной связи. – М. Воениздат. 1983, т.2, с.337-338.
3. Наставление службы связи (проект). – М.: Воениздат, 1941, с.18.
4. История военной связи. – М.: Воениздат, 1983 г., т.2, с.338-339.
5. Наставление службы связи (проект). – М.: Воениздат, 1941 г., с.63-64.
6. Наставление по телеграфной службе. – М.: Воениздат, 1941 г., с.218.
7. ЦАМО СССР, ф.32 ОПС, оп.16787, б.1, л. 41-51.
8. ЦГАНХ, Ф.3527, оп.8, д.42.
9. ЦГАНХ, Ф.3527, оп.8, д.175.
10. Материалы исследований по военно-научной работе «История военной связи». Раздел – Военная связь в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.). Книга 1 – Военная связь в первом (1941-1942 гг.) и втором (1943 г.) периодах Великой Отечественной войны.

Вербицкий Александр Анатольевич – к.в.н., старший научный сотрудник, Военная академия связи имени С. М. Будённого (г. Санкт-Петербург, Россия), verbicki@yandex.ru

Набойченко Сергей Александрович – к.в.н., доцент, старший научный сотрудник, Военная академия связи им. С.М. Будённого (г. Санкт-Петербург, Россия), fire30@mail.ru

Филимоненков Михаил Хрисанфович – к.в.н., старший научный сотрудник, Военная академия связи имени С. М. Будённого (г. Санкт-Петербург, Россия), mfilemonenkov@list.ru

COMBAT USE OF FRONT-LINE AND ARMY COMMUNICATION CENTERS BEFORE THE START OF THE WAR

A. A. Verbitsky, S. A. Naboychenko, M. K. Filimonenkov

Before the Great Patriotic War formations were made up of units and departments. They were part of the formations and units of various branches of the armed forces and units of the reserve of the High Command (RGK) [1]. Military units and communications units were intended to provide communications both in peacetime and in wartime. Their structure in peacetime did not fundamentally differ from the organization adopted for war. Upon mobilization these units were only brought up to the state of wartime [1].

Keywords: nationwide communications, radio communication, field communications center, telegraph communications, wired communication

References

1. Zaitsev V. P., Zharsky A. P. Front-line and army communication centers during the Great Patriotic War (1941-1945) (Brief text of lectures) - L. 1985.
2. History of military communications. – M. Military Publishing House. 1983, vol. 2, pp. 337-338.
3. Communication service guidance (project). – M.: Military Publishing House, 1941, p.18.
4. History of military communications. – M.: Military Publishing House, 1983, vol. 2, p. 338-339.
5. Communication service guidance (project). – M.: Military Publishing House, 1941, p.63-64.
6. Manual on telegraph service. – M.: Military Publishing House, 1941, p.218.
7. TsAMO USSR, f.32 OPS, op.16787, b.1, l. 41-51.
8. TsGANKH, F.3527, op.8, d.42.
9. TsGANKH, F.3527, op.8, d.175.
10. Research materials on the military scientific work “History of Military Communications”. Section – Military communications in the Great Patriotic War (1941-1945). Book 1 – Military communications in the first (1941-1942) and second (1943) periods of the Great Patriotic War.

Verbitsky Aleksandr Anatol'evich – Ph.D., senior researcher, Budyonny Military Academy of the Signal Corps (St. Petersburg, Russia), verbicki@yandex.ru

Naboychenko Sergej Aleksandrovich – Ph.D. of Military Sciences, associate professor, senior researcher, Budyonny Military Academy of the Signal Corps (St. Petersburg, Russia), fire30@mail.ru

Filimonenkov Mikhail Khrisanfovich - Ph.D., senior researcher, Budyonny Military Academy of the Signal Corps (St. Petersburg, Russia), mfilemonenkov@list.ru

Статья поступила в редакцию: 18.04.2023; принята к публикации: 26.09.2023.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Вербицкий А. А., Набойченко С. А., Филимонов М. Х. Боевое применение фронтовых и армейских узлов связи перед началом войны // Социогуманитарные коммуникации. – 2023. – № 3(5). – С. 19-22.

FOR CITATION:

Verbitsky A. A., Naboychenko S. A., Filimonenkov M. K. Boevoe primeneniye frontovykh i armejskikh uzlov svyazi pered nachalom vojny [Combat use of front-line and army communication centers before the start of the war] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2023. № 3(5). P. 19-22

УДК 94(47).084

**Ю. А. КРАСИН. СОВЕТСКИЙ И РОССИЙСКИЙ ФИЛОСОФ И СОЦИОЛОГ
(07.06.1929, ПЕНЗА – 02.06.2023, МОСКВА)**

В. С. Измозик

Статья посвящена видному советскому и российскому философу и обществовед-ду, великолепному лектору и педагогу, организатору науки Юрию Андреевичу Красину. Его отличали высочайший профессионализм, глубокая образованность, широчайшая научная эрудированность и кругозор, истинный демократизм в отношениях с людьми.

Ключевые слова: Ю. А. Красин, В. П. Тугаринов, В. Ф. Ли, Ю. В. Егоров, Ю. А. Нацваладзе, Б. Н. Пономарев, В. А. Медведев

2 июня 2023 г. на 94 году ушел из жизни видный советский и российский философ и обществовед Юрий Андреевич Красин. Доктор философских наук, профессор, Почетный доктор Института социологии, автор трёх десятков монографий и более 700 научных работ, он успел сделать очень много не только как ученый, но и как организатор науки. Его творческий путь не был простым и легким. Он родился 7 июня 1929 г. в Пензе. В годы ВОВ его отец, Андрей Андреевич, техник-интендант 2 ранга, 18 апреля 1942 г., находясь в окружении, попал в немецкий плен. На Юру, единственного ребенка в семье, легли все хозяйственные заботы по дому. Тогда, по его словам, он научился пилить бревна на козлах, один двуручной пилой; мелкие поленья колот топором, а крупные – колуном. Носил воду с колонки. Зимой топка печей и уборка снега, а летом – посадка и полив овощей. И, конечно, учеба в школе. Окончил школу в 1947 г. с золотой медалью. К этому времени вернулся домой после тяжелейшего трехлетнего плена и годичной службы в Красной армии отец, где по-прежнему работал бухгалтером. По воспоминаниям Юрия Андреевича, «отец прошел фильтрацию, но тяжкий груз «плена» еще долго висел и на нем, и на мне. Его время от времени, всегда к ночи, вызывали на допросы в местную контору КГБ, якобы в связи с какими-то вновь открывшимися обстоятельствами, что создавало нервную обстановку в семье. Для меня «плен отца» стал занозистым пунктом биографической анкеты, создававшим разного рода неприят-

ности и порождавшим ощущение некой гражданской неполноценности» [1].

Впервые этот «занозистый пункт биографической анкеты» проявился при поступлении в вуз. Золотой медалист хотел подать документы на философский факультет МГУ, но пункт анкеты об отце, бывшем в плену, сделал это невозможным. Узнав о недоборе на философский факультет ЛГУ имени Жданова, Юрий приехал в Ленинград и здесь на вопрос анкеты «Были ли родственники на оккупированной территории» ответил «нет». Золотого медалиста приняли без экзаменов. Летом 1949 г. Юрий был одним из руководителей строительства силами студентов сельской электростанции в Ефимовском районе Ленинградской области. На 3-ем курсе, завоевав авторитет отличной учебой и общественной работой, подал заявление в комитет комсомола с признанием о пребывании отца в плену. Дело ограничилось строгим выговором. Это было достаточно распространенной формой обхода неправового циркуляра.

В 1952 г. университет был закончен с красным дипломом. Декан философского факультета В. П. Тугаринов рекомендовал Юрия Красина в аспирантуру. Но опять вылез пункт «плен отца». Декан пригласил выпускника в свой кабинет и прямо сказал: «Я бы хотел видеть вас аспирантом, но ничего не могу поделать – комиссия из Москвы все решает, и она против». Молодой специалист получил право на самостоятельное трудоустройство. Нашлись хорошие люди, и Юрий Андреевич стал лаборантом на кафедре философии в Ленинградском педагогическом институте им. М. Н. Покровского,

а вскоре был допущен к занятиям со студентами [1]. Дальше многое зависело от самого человека. И в 1955 г. прошла успешно защита кандидатской диссертации «Ленинская теория перерастания демократической революции в социалистическую».

Летом 1956 г. состоялось мое знакомство с Юрием Андреевичем. ЦК ВЛКСМ объявил о направлении студентов на уборку невиданного целинного урожая. 18 июля студенческий отряд пединститута им. М. Н. Покровского на станции Московская-Товарная погрузился в один из товарных вагонов. Впереди было 9 дней до места назначения: совхоз им. Пушкина Павлодарской области. Нам невиданно повезло с командованием отряда. Командиром был Ю. А. Красин, комиссаром – будущий д.и.н., профессор Владимир Федорович Ли. Между командованием и рядовыми находились два «вольнотеряющихся»: аспирант 1 курса Юрий Васильевич Егоров (будущий д.и.н., профессор) и Юрий Александрович Нацвалдзе, сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (в Интернете ему посвящено немало признательных слов). Моим идеологическим воспитанием в первую очередь занялся Юра Егоров. Но никогда не забуду, как однажды Юрий Андреевич в разговоре сказал: «Каким прекрасным человеком был Николай Иванович Бухарин». Думаю, что сегодняшним читателям трудно представить, каким ударом по мозгам 18-летнего юноши, только что закончившего первый курс истфака, были эти слова. Да, это было после 20 съезда, после прослушивания доклада Хрущева в актовом зале пединститута, но Бухарин был официально реабилитирован только в 1988 г. Бригадный стан находился в 18 км от центральной усадьбы. Жили в палатках. Рядом стояли палатки механизаторов и группы рабочих из Ленинграда. Работали по 12 часов на току и копнильщиками на комбайнах. Юрий Андреевич трудился на тракторе. В свободное время отдыхали, беседовали, пели песни. Девочки сочинили нашу на основе стихотворения Киплинга «День, ночь; день, ночь мы идем по Африке». Она начиналась: «День, ночь; день, ночь капает на мозги нам; День, ночь; день, ночь льет и днем и по ночам; И только дождь,

дождь, дождь сквозь палатки наши льет; И все ж не пускают домой студентов», но заканчивалась оптимистично «Дождь, дождь, дождь, дождь ... кончился». Юрий Андреевич приятным голосом пел любимую «Отраду». Вернулись в Питер в начале октября. Ю. А. Красин читал лекции на географическом факультете, где были целинники. По мнению всех, сложные постулаты диамата и истмата объяснял доступно для понимания и запоминания. В 1957 г. институт имени Покровского объединили с ЛГПИ им. А. И. Герцена.

В 1960 г. Юрий Андреевич прошел по конкурсу на должность доцента кафедры философии в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук при МГУ. Начался новый этап его биографии. Осенью 1963 г. его после ряда собеседований зачислили в группу консультантов Международного отдела ЦК КПСС. Этот отдел, хотя туда тоже проникали консервативные настроения и предрассудки, все же выделялся в аппарате ЦК своим относительным, конечно, свободомыслием, меньшим догматизмом. Как шутил впоследствии мой учитель и старший друг, член-корреспондент РАН Р. Ш. Ганелин, в СССР не было многопартийности, но была многоподъездность. Недаром в этом отделе работали такие активные сторонники Перестройки, как К. Н. Брутенц, А. С. Черняев, Г. Х. Шахназаров и многие другие. По словам самого Юрия Андреевича, «Благодаря работе в центральном органе правящей партии мне довелось познакомиться с практической политикой, с механизмом принятия политических решений, освободиться от многих наивных представлений. Специфика международного отдела, требовавшая частых выездов за границу, позволила мне за эти годы объездить полмира, ознакомиться с реальной ситуацией в зарубежных странах, увидеть нашу советскую действительность в глобальном контексте, глубже оценить наши потребности и задачи. В коллективе умных и талантливых людей я прошел великолепную политическую и организаторскую школу» [1]. Он продолжал преподавать в ИПК при МГУ, много писал. В эти годы из-под его пера вышли книги «Ленин, революция, современность» (1967), «Проблемы революции и со-

временность. М., 1967»; «Диалектика революционного процесса. М., Политиздат, 1972»; «Социология революции. Марксистская оценка (на англ. яз.). М., Прогресс, 1972», в которых он стремился дать возможное современное толкование ленинских идей; то, что у лучших историков того времени получило наименование «новое прочтение» или «новое направление». Историки - сторонники этих идей (А. Я. Аврех, П. В. Волобуев, В. П. Данилов, К. Н. Тарновский и др.) были официально осуждены ЦК КПСС в 1973 г. за «ревизионизм». Ю. А. Красину досталось за несколько лет до этого. В статье «За ленинскую партийность в освещении истории КПСС» (Коммунист. 1969. № 3), среди авторов которой значились помощник Брежнева В. А. Голиков и заведующий сектором Отдела пропаганды ЦК КПСС И. И. Чхиквишвили, за «ревизионизм» в общественных науках критиковался ряд известных ученых, в том числе Ю. А. Красин. Этот выпад задевал весь отдел, в том числе его главу, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС Б. Н. Пономарева. Юрий Андреевич написал письмо М. А. Сулову и в журнал «Коммунист», где прямо обвинял авторов статьи в ревизии линии XX съезда и отстаивал свою правоту. А. Е. Бовин через помощника Сулова довел содержание письма до сведения адресата. На этом инцидент на время закончился [1].

Поддерживая связи с различными людьми, Юрий Андреевич не забывал о тех, с кем он ранее работал, кто помогал ему в прошлые годы. Узнав, что руководство ЛГПИ имени А. И. Герцена собирается уволить участницу ВОВ, профессора, доктора философских наук Лию Самойловну Мерзон в связи с эмиграцией ее сына, он позвонил в вуз и восстановил справедливость по отношению к человеку. Среди его знакомых были и диссиденты, но он считал, что исходивший от них революционный радикализм мешает эволюционной демократизации советского общества. Тем не менее, компрометирующая информация вышла наверх. В его кабинете был сделан негласный обыск и обнаружена западная литература, необходимая ему для работы. Поскольку времена были «вегетарианские», Юрия Андреевича пере-

вели в Академию общественных наук при ЦК КПСС сначала заместителем, потом руководителем кафедры. В 1978 г. после слияния Академии с Высшей партийной школой новый ректор В. А. Медведев пригласил его стать проректором по научной работе. А в 1987 г. Ю. А. Красин был утвержден ректором Института общественных наук при ЦК КПСС (неофициально именовавшегося «ленинской школой»), где обучались представители зарубежных коммунистических, рабочих и революционно-демократических партий.

В эти годы у него выходит еще ряд монографий, в которых он отстаивал необходимость творческого развития марксизма на современном этапе. Выделю среди них: «Теория социалистической революции: ленинское наследие и современность. М., Мысль, 1977», «Революционная теория и революционная политика. М., Политиздат, 1979 (соавтор Б. М. Лейбзон)», «Революционный процесс современности. Теоретические очерки, М., Политиздат, 1981», «Революционный процесс: национальное и интернациональное. М., Мысль, 1985 (рук. автор. коллектива)», «В. И. Ленин и проблемы социальной революции современности. М., Мысль, 1987». В ситуации развала СССР Юрий Андреевич сосредотачивается на научной работе. В 1992 г. на площадях Института общественных наук обосновался Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд), с которым он тесно сотрудничал. Стал одним из создателей Института социологии РАН, где трудился до конца жизни.

В постсоветское время возобновилось наше личное общение. В 1995 г. я защитил в Москве докторскую диссертацию по абсолютно новой теме «Политический контроль в советской России. 1918—1928 гг.». Юрий Андреевич проявил интерес к моей книжке. В Ленинграде прошло несколько встреч с участием бывших целинников. Были встречи в Москве. Шел обмен работами и размышлениями по электронной почте. Мы с удовольствием в журнале "Клио" напечатали большой отрывок из его воспоминаний о студенческой стройке колхозной электростанции силами студентов ЛГУ. Моя жена,

Людмила Васильевна Обухова, одна из «целинников» того студенческого отряда, всегда с огромной любовью и уважением вспоминала Юрия Андреевича. Время от времени разговаривали по телефону.

На протяжении 30 лет Юрий Андреевич настойчиво размышлял над проблемами демократической реформации российского общества. Этому были посвящены его работы 1990-х – 2000-х гг. Среди них «Критика российского авторитаризма. М., Институт социологии РАН, 1995 (соавтор А. А. Галкин)», «Россия на перепутье. Авторитаризм или демократия: варианты развития. М., Весь мир, 1998 (соавтор А. А. Галкин), «Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты. М., Инсти-

тут социологии РАН, 2009», «Российская реформация: параметры, противоречия, перспективы. Saarbrücken, Lambert Academic Publishing, 2015». В 2022 г. Ю. А. Красин завершил работу над книгой «Ростки из-под асфальта: Синописис симпозиума Научного совета АОН при ЦК КПСС и ИОН при ЦК КПСС по проблемам мирового революционного процесса (1977–1989) / Ю. А. Красин. М.: Политическая энциклопедия, 2022». Мне представляется, что в эти годы Юрий Андреевич окончательно стал социал-демократом в лучшем смысле этого слова.

Уверен, что память о Юрии Андреевиче Красине, большом ученом и незаурядном светлом человеке, навсегда сохранится в сердцах знавших его людей.

Список источников и литературы

1. Автобиографические реминисценции Ю. А. Красина на основе беседы с Н. Митрохиным (Москва, 19.04.2007) // Архив автора.

Измозик Владлен Семенович – д.и.н. профессор кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (г. Санкт-Петербург, Россия); izmozik@mail.ru

YU. A. KRASIN. SOVIET AND RUSSIAN PHILOSOPHER AND SOCIOLOGIST (06/07/1929, PENZA – 06/02/2023, MOSCOW)

V. S. Izmozik

The article is devoted to a prominent Soviet and Russian philosopher and social scientist, an excellent lecturer and teacher, organizer of science Yuri Andreevich Krasin. He was distinguished by the highest professionalism, deep education, the widest scientific erudition and outlook, true democracy in relations with people.

Keywords: YU. A. Krasin, V. P. Tugarinov, V. F. Li, Yu. V. Egorov, Yu. A. Natsvaladze, B. N. Ponomarev, V. A. Medvedev

References

1. Autobiographical reminiscences of Yu. A. Krasin based on a conversation with N. Mitrokhin (Moscow, 04/19/2007) // Author's archive.

Izmozik Vladlen Semyonovich – Doctor of Historical science, Professor of the Department of History and Regional Studies, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications (St. Petersburg, Russia); izmozik@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 16.07.2023; принята к публикации: 20.09.2023.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Изmozик В. С. Руководители Ю. А. Красин. Советский и российский философ и социолог (07.06.1929, Пенза – 02.06.2023, Москва) // Социогуманитарные коммуникации. – 2023. – №3(5). – С. 23-27.

FOR CITATION:

Izmozik V. S. YU. A. Krasin. Sovetskij i rossijskij filosof i sociolog (07.06.1929, Penza – 02.06.2023, Moskva) [Soviet and Russian philosopher and sociologist (06/07/1929, Penza – 06/02/2023, Moscow)] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2023. № 3(5). P. 23-27

УДК 355/359

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ СВЯЗИ В СОЕДИНЕНИЯХ И ЧАСТЯХ ОГРАНИЧЕННОГО КОНТИНГЕНТА ВОЙСК В АФГАНИСТАНЕ (1979-1989 ГГ.)

А. А. Вербицкий, С. А. Набойченко, П. П. Карпенко, М. В. Башкинцева

На основе обобщения, изучения и анализа опыта применения войск связи ВС СССР на территории Демократической Республики Афганистан во время боевых действий частях ограниченного контингента войск в Афганистане в данной статье показаны некоторые основные особенности в организации и обеспечении связи в соединениях и частях при действиях в сложных физико-географических и климатических условиях Афганистана.

Ключевые слова: управление, связь, Афганистан, физико-географические условия, линия связи, узел связи, система связи, тропосферная станция, радиорелейная станция, приёмно-передающий радиоцентр, телефонная станция, телеграфная станция, станция космической связи, военный советник, спецаппаратная

Особенности организации управления ограниченного контингента советских войск в Афганистане определялись физико-географическими условиями горно-пустынной местности территории страны, а также спецификой повседневной и боевой деятельности частей и подразделений советских войск на территории республики.

В свою очередь, всё это оказывало существенное влияние на размах и состав систем связи частей и соединений, для развёртывания которых были задействованы стационарные и полевые силы и средства связи [1, с. 98-99].

Особое значение для обеспечения устойчивости связи в войсках при любых условиях обстановки имела стационарная опорная сеть связи. Это обусловлено обеспечением повседневной деятельности войск, сложными условиями их снабжения всем необходимым, и прежде всего многообразием форм боевого применения частей и соединений различных родов войск.

Однако государственная сеть связи на территории ДРА не могла служить сколь угодно надёжной основой для создания военной СОСС в силу слабого развития экономической инфраструктуры. Кроме того, мятежные бандформирования практически непрерывно вели активные диверсионные действия, направленные на разрушение и уничтожение линий и узлов связи. Обслуживающий персонал узлов связи и линейных сооружений имел низкую квалификацию,

а в ряде случаев просто нелоялен по отношению к государственной власти.

Поэтому основу СОСС составляли тропосферные и радиорелейные линии связи, а также объединённые гарнизонные узлы связи, развёрнутые в местах постоянной дислокации войск и обслуживаемые личным составом частей и подразделений связи. Всего было развёрнуто более 70 тропосферных и радиорелейных линий. Основными из них являлись тропосферные линии [1, с. 101-102]:

Термез — Пули-Хумри — Кабул — Р-410;
Кушка — Герат — Шинданд — Р-412;
Кабул — Желалабад — Р-412;
Кабул — Гардез — Р-412.

Связь на остальных направлениях обеспечивалась с помощью радиорелейных станций Р-409 и Р-405 [1, с. 102].

Магистральные линии проводной связи практически не применялись в связи с тяжёлым грунтом, сложным рельефом и диверсиями бандформирований.

Для обеспечения всех потребностей управления войсками и территории Афганистана развёртывались объединённые гарнизонные узлы связи (ОГУС): армий, дивизий, отдельных бригад полков.

Объединённые гарнизонные узлы связи обслуживались как штатным личным составом, так и личным составом подразделений и частей связи, дислоцирующихся в данном гарнизоне. Нередко (для расширения возможностей ОГУС) он усиливался новыми средствами связи.

В состав объединённого гарнизонного узла связи дивизии входили [1, с. 104]:

- приёмно-передающий радиопередатчик;
- телефонная станция;
- телеграфная станция;
- группа радиорелейных станций.

Электропитание аппаратуры гарнизонного узла осуществлялось с помощью бензоэлектрических или дизельэлектрических агрегатов различной мощности.

Гарнизонные узлы связи отдельных мотострелковых бригад и полков включали в себя все перечисленные элементы, которые были несколько меньшими по своему составу.

Особенности боевой деятельности войск и физико-географические условия были учтены в организационно-штатной структуре частей и подразделений связи:

1. Отдельный полк связи в своем составе имел: полевых узлов связи — 2, батальон мобильных узлов и привязки, роту связи ПУ, пункт контроля безопасности связи, ремонтный взвод, хозяйственный взвод, студийный комплекс, радиовещательный комплекс.

В батальоне мобильных узлов и привязки средства связи роты ПУ смонтированы на бронированной транспортной базе. В нём пелась рота связи главного военного советника (ГВС).

2. В отдельном батальоне связи дивизии кроме обычных подразделений имелась станция космической связи Р-440А, а также абонентский пункт.

3. Рота связи отдельной мотострелковой бригады состояла из двух радиовзводов, телефонного взвода, мастерской связи, звуковещательной станции и отделения ФПС.

Особые условия боевого применения омсбр обусловили введение в состав роты связи станции космической связи Р-440А, также спецаппаратной.

4. Отдельные части связи включали отдельный радиорелейный батальон; тропосферный батальон.

Рассмотрим кратко влияние физико-географических условий на организацию и обеспечение связи [2, с. 328-331].

Опыт организации связи в условиях горно-пустынной местности показал, что основным средством связи здесь является ра-

диосвязь. При этом резко возрастает значение КВ радиосвязи. Это объясняется значительно меньшим поглощением коротких волн при работе земной волной над скальной и песчаной поверхностью, способностью их к дифракции.

Анализ работы КВ радиополос подтвердил, что в переходные часы суток (18.30-20.00 и 6.30-7.00) наблюдается резкое возрастание помех, ослабление сигнала и сверхдальний приём работающих посторонних радиостанций. В дневное время на частотах 6-12 МГц и ночью на частотах 2-4,5 МГц связь более устойчива.

В зонах песчаных равнин во время бурь наблюдалось значительное увеличение помех, обусловленных разрядами статистических зарядов. Отмечались заметные искажения формы диаграммы направленности антенн из-за переизлучающего действия местных предметов. Одновременно значительное увеличение дальнее связи земной волной отмечалось при прохождении трассы вдоль ущелья, в котором установлены ЛЭП. Последнее объясняется канализирующим эффектом проводов ЛЭП.

При работе ионосферными волнами на трассах до 200-300 километров необходим тщательный выбор частот, пригодных как по условиям распространения, так и по помеховой обстановке. Анализ показал, что наблюдаемые перерывы связи в переходные часы суток (5.30-7.00 и 18.30-20.00) происходят в периоды па более резкого изменения максимально применимых частот (МПЧ). Для достижения устойчивости связи в переходные часы суток необходимо обязательное предварительное прогнозирование суточного хода МПЧ.

Явления сверхдальнего приёма объясняются изменением наклона слоёв ионосферы в районе зон перехода от дня к ночи обратно.

Несмотря на сложный рельеф и погодные условия, радиосвязь на УКВ радиосредствах находит достаточно широкое применение в условиях горно-пустынной местности. Это гарантировалось правильным учётом свойств подстилающей поверхности, растительного покрова, выбором места развёртывания радиостанции, осуществлением ма-

нёвра частотами и антеннами, использование возможностей усиления дифракционной волны на препятствии канализирующих свойств естественных «волноводов», образованных склонами горных ущелий.

Уровень сигнала в значительной степени зависит от электрических свойств подстилающей поверхности в месте развёртывания УКВ радиостанций. При использовании несимметричных вертикальных вибраторов радиостанцию предпочтительно устанавливать над влажной, хорошо проводящей поверхностью. При использовании штыревой антенны на песчаной площадке её КПД снижается в 2-2,5 раза по сравнению с данными, получаемыми при её использовании над солончаковой поверхностью. При развёртывании УКВ радиостанции с АШ на сухой или каменистой почве необходимо применять противовесы, а также направленные антенны, входящие в комплект УКВ радиостанций, в частности антенну бегущей волны (АБВ). Эффективное использование направленных свойств можно обеспечить Х-образными и вертикальными полуромбическими (ВПР) антеннами.

Манёвр антеннами необходимо проводить и при изменении метеоусловий. Зимой, в сильные морозы (что имеет место в высокогорных районах) эффективно работает АБВ. При оттепели и мокром снеге целесообразно использовать Х-образную антенну или ВПР.

Важное значение в условиях гор имеют переприёмные и ретрансляционные пункты.

При работе УКВ радиосредств в движении непрерывно меняются условия приёма вследствие явлений интерференции, изменения профиля трассы, расстояний до корреспондента и при переизлучающих горных склонах. Поэтому необходимо постоянно следить за уровнем сигнала, а при необходимости выбрать новое место и провести сеанс связи с короткой остановки. В горных ущельях с крутыми склонами и резкими изломами можно обеспечить дальнюю УКВ радиосвязь по природному «волноводу» за счёт многократного отражения волны от их склонов. Если такой возможности не представляется, то на изгибах ущелья необходимо организовать переприёмные или ретрансляционные пункты.

Обеспечение радиорелейной связи в рассматриваемых физико-географических условиях чрезвычайно осложняется. Это обусловлено, прежде всего, трудностями выбора доступных расчётных площадок для развёртывания промежуточных станций, большим расходом станций при развёртывании линий, сложностью материально-технического обеспечения и охраны. Поэтому радиорелейную связь целесообразно организовывать на одном интервале. Вместе с тем это не исключает возможности обеспечения радиорелейной связи на значительные расстояния вдоль долин и ущелий с помощью явления отражения, особенно в местах выходов скальных пород.

В условиях гор прямая видимость между антеннами двух радиорелейных станций может достигать 100 километров и более.

Тропосферная связь в горах может осуществляться за счёт тропосферного рассеяния, дифракции на клиновидном препятствии, отражения от склонов горных образований.

Тропосферное рассеяние может быть успешно использовано в метровом диапазоне волн при применении радиостанции Р-137М. Обязательным условием при этом является правильный выбор площадки для развёртывания станции. В частности, необходимо свободное пространство перед антенной (50-100 метров), чем обеспечивается неискажённое формирование диаграммы направленности и эффективное использование отражённого от Земли луча.

При обеспечении тропосферной связи следует серьёзным образом учитывать и климатические особенности, которые обуславливают изменения в структуре и состоянии тропосферы. Так, в частности, на тропосферных линиях Р-410 наблюдается существенное увеличение уровня шумов в каналах в утренние (6.00-10.00) и вечерние (19.00-21.00) часы. Это обусловлено изменением температуры прогрева тропосферных слоёв и появлением ветров. Грозы, ливневые дожди, сильные снегопады так же существенно ухудшают качество тропосферной связи.

Кроме того, в процессе эксплуатации ТРС установлено, что высокие температуры и большой уровень солнечной радиации вызывают перегрев аппаратуры, а системы ох-

лаждения недостаточно эффективны в этих условиях. Следствием этого является, например, выход из строя ламп ГС-35Б передатчика ТРС Р-411 и ГС-15Б передатчика ТРС Р-412.

Практика применения средств космической связи показал, что линии космической связи работают, как правило, устойчиво.

Физико-географические условия района оказывают серьёзное влияние на обеспечение фельдъегерско-почтовой связи. Сложность маршрутов, вызванная резкой пересечённостью рельефа, затрудняет, а в ряде случаев исключает доставку секретной и обычной корреспонденции наземным транспортом. Высокогорье оказывает значительное влияние на устойчивость работы двигателей, а обилие пыли вызывает их преждевременный износ и выход из строя. Разреженность воздуха понижает мощность двигателей вертолётов, что существенно уменьшает полезную нагрузку и затрудняет доставку грузов в гарнизоны, расположенные в труднодоступных местах.

Рассмотрим кратко некоторые основные особенности организации связи в общевойсковых (танковых) частях и подразделениях [2, с. 335-337].

Боевые действия частей и подразделений в период проведения операций характеризуются большим пространственным размахом, скоротечностью и ожесточённостью. Обеспечение устойчивого управления в этих условиях является одним из решающих факторов успешного выполнения боевой задачи.

Как правило, подразделения действуют на разобщённых направлениях, на значительно большем, чем в обычных условиях, удалении от пунктов управления, не имея при этом непосредственной связи друг с другом.

Резкая пересечённость рельефа, активные действия разведывательно-диверсионных групп противника затрудняют, а в большинстве случаев исключают, применение всех средств связи, кроме радио.

Радиосвязь планируется и применяется на всех уровнях управления до отделения включительно. При этом связь КВ радиосредствами доводится до роты, если послед-

няя действует в отрыве от главных сил. Однако следует учитывать особенности прохождения КВ радиосвязи в различных районах и в различное время суток. При достаточно высокой подготовке экипажей, своевременной смене частот, правильном использовании штатных антенн, своевременном манёвре ими обеспечивается устойчивая радиосвязь в течение всех суток. Несмотря на недостаточно высокую помехозащищённость КВ радиосвязи в условиях песчаных и пыльных бурь, выбор рабочих частот в верхнем участке диапазона позволяет несколько снизить уровень помех.

При действиях в пешем порядке обычно используются переносные радиостанции КВ диапазона Р-129 и Р-143. Радиостанция Р-129 при антенне «штырь» обеспечивает дальность связи 10-50 километров, а при антенне «симметричный диполь» - до 80 километров.

По опыту войск, при боевых действиях в горах экипаж переносной радиостанции должен состоять из двух человек. Экипировка радиста, как правило, состоит из оружия, боеприпасов (7-7,5 килограммов); радиостанции (22,5 килограммов). Общий вес достигает 29 килограммов, что является критической нагрузкой для человека в горных условиях при высокой температуре воздуха. Второй член экипажа переносит упаковку с антенным имуществом (18,5 килограммов), продукты и воду на двух человек, поэтому его нагрузка тоже близка к критической.

В комплекте радиостанции вместе с антенным имуществом обязательно переносится полевое зарядное устройство (ПЗУ), которое позволяет в случае разрядки аккумуляторных батарей обеспечить напряжение питания для радиостанции. При этом требуется равномерно вращать педали генератора, контролируя напряжение по вольтметру. В местах отдыха и на стоянках ПЗУ используется по своему прямому назначению.

Поступающая на вооружение радиостанция Р-143 имеет меньшую массу (11 килограммов), но уступает радиостанции Р-129 технической надёжности и не комплектуется ПЗУ.

В условиях слаборазвитой дорожной сети, высоких и труднопроходимых горных

массивов мотострелковые батальоны, роты, иногда и взводы, усиленные артиллерией и поддерживаемые авиацией, могут выполнять самостоятельную задачу, находясь при этом от остальных войск и пунктов управления на расстоянии десятков и даже сотен километров. Таким подразделениям для связи могут выделяться КШМ (Р-145БМ, БМП-1КШ) или радиостанции КВ диапазона на бронезащитной базе типа Р-156. Это позволяет обеспечить надёжную связь и защиту командиров (офицеров) от огня противника.

Следует отметить, что для обеспечения связи в горах, особенно при нахождении в движении, табельные антенны АЗИ и «штырь» оказываются малоэффективными, поэтому для обеспечения устойчивой связи необходимо сделать остановку, развернуть антенну «симметричный диполь», подняв мачту на половину высоты без укрепления её оттяжками, и обеспечить переговоры. Развертывание антенны занимает 5-6 минут. На дальности до 100 километров для радиостанций Р-129 и Р-143 нет необходимости поднимать мачту высотой 10,5 метров, достаточно поднять её на колышках высотой до 1 метра, хотя такая антенна в комплекте радиостанции не предусмотрена.

При планировании связи УКВ радиосредствами в горах необходимо более тщательно изучить характер изломов ущелий каньонов, направленных долин, наличие скальных «зеркал» и углы их отражения. На карте по кромкам ущелья прокладывается предполагаемый ход радиолуча, после чего следует оценить возможность обеспечения связи. Как показал опыт, связь радиосредствами УКВ диапазона довольно широко применяется для управления подразделениями, действующими вдоль долин, ущелий, идущих без резкого изменения направления.

Связь может обеспечиваться на значительные расстояния за счёт неоднократного отражения радиолуча от скальных поверхностей по природному «волноводу». При этом обычно используются радиостанции Р-111 КШМ, Р-145БМ, Р-142Н и БМП-1КШ.

При действии подразделений вне дорог в пешем порядке УКВ радиосвязь обеспечивается переносными радиостанциями Р-107, Р-105, Р-159 на антенну «штырь» в движении и антенну АБВ на остановках.

Большую роль в условиях гор играют переприёмные и ретрансляционные пункты, оборудованные на господствующих высотах радиостанциями Р-107 и Р-159 с выделением необходимой охраны.

С целью исключения потери связи из-за поражения радистов или повреждения радиостанции в каждом подразделении должны быть подготовлены один-два резервных радиста со средствами связи. Их радиостанции должны быть заранее настроены на рабочую частоту и готовы к немедленному применению.

Особое значение приобретает организация устойчивой связи с тактическими воздушными десантами. Управление ими до посадки и во время посадки в вертолёты осуществляется по каналам СОСС или по специально созданной радиосети аэродромной службы. Радиосвязь в период полёта и десантирования поддерживается по каналам группы боевого управления авиации. Совместно с группой захвата площадки, десантируемой в первую очередь, высаживается авиационный наводчик с радиостанцией Р-809М2, который обеспечивает целеуказания боевым вертолётам и руководит действиями остальных вертолётов десанта.

После захвата площадки развёртываются собственные КВ и УКВ радиостанции десанта, и устанавливается связь с КП ОГ. При этом широко применяются самолёты-ретрансляторы, барражирующие в районе высадки тактического воздушного десанта.

В некоторых случаях приходится снимать с шасси Р-142Н, кузов с аппаратурой, переносить его на внешней подвеске вертолёта МИ-8 и устанавливать на площадке, заблаговременно выбранной и проверенной группой захвата. При этом значительно возрастает устойчивость управления боевыми действиями десанта.

Войсковая разведка велась штатными и нештатными разведывательными органами, отдельной ротой спецназа, специальными средствами, а также всеми мотострелковыми, танковыми, парашютно-десантными и десантно-штурмовыми подразделениями.

Разведывательные задачи в предполагаемых районах дислокации противника выполнялись группами и отрядами численностью от 10 до 50 человек. В каждой группе

имелось 2-3 радиста с радиостанциями КВ и УКВ диапазонов, а также радиостанцией для связи с боевыми вертолётами, которые включаются в радиосети начальника разведки оперативной группы и боевого управления армейской авиации.

Управление действиями и огнём артиллерии обеспечивалось КП руководства с использованием выделяемых для начальника артиллерии командно-штабных машин (Р-145БМ, Р-142Н). Уточнение целей осуществ-

лялось артиллерийскими корректировщиками, которые находились вместе с командирами рот с помощью штатных радиостанций УКВ диапазона Р-159, Р-107, а при необходимости и радиостанции КВ диапазона Р-143.

Таковы некоторые основные особенности в организации и обеспечении связи в соединениях и частях при действиях в сложных физико-географических и климатических условиях Афганистана.

Список источников и литературы

1. Белов А. И. Воспоминания маршала войск связи. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Ириас, 2017 – 122 с.
2. Воспоминания фронтовых связистов // Под редакцией генерал-лейтенанта Г.Г.Савина. – СПб.: ВАС, 1995 – 430 с. – С. 203-210.

Вербицкий Александр Анатольевич – к.в.н., старший научный сотрудник, Военная академия связи имени С. М. Будённого (г. Санкт-Петербург, Россия), verbicki@yandex.ru

Набойченко Сергей Александрович – к.в.н., доцент, старший научный сотрудник, Военная академия связи им. С.М. Будённого (г. Санкт-Петербург, Россия), fire30@mail.ru

Карпенко Петр Павлович – научный сотрудник, Военная академия связи имени С. М. Будённого (г. Санкт-Петербург, Россия), pkarpenko1959@gmail.com

Башкинцева Мария Викторовна – младший научный сотрудник, Военная академия связи им. С.М. Будённого (г. Санкт-Петербург, Россия), bachkinceva@gmail.com

FEATURES OF THE ORGANIZATION AND PROVISION OF COMMUNICATIONS IN FORMATIONS AND UNITS OF A LIMITED CONTINGENT OF TROOPS IN AFGHANISTAN (1979-1989)

A. A. Verbitsky, S. A. Naboychenko, P. P. Karpenko, M. V. Bashkintseva

Based on the generalization, study and analysis of the experience of the use of the USSR Armed Forces communications troops on the territory of the Democratic Republic of Afghanistan during the fighting of the units of a limited contingent of troops in Afghanistan, this article shows some of the main features in the organization and provision of communications in formations and units during operations in difficult physical, geographical and climatic conditions of Afghanistan.

Keywords: management, communications, Afghanistan, physical and geographical conditions, communication line, communication node, communication system, troposphere station, radio relay station, receiving and transmitting radio center, telephone exchange, telegraph station, space communication station, military adviser, special equipment.

References

1. *Belov A. I.* Memoirs of the Marshal of the Signal Corps. – 2nd ed., revised. and additional – М.: Irias, 2017 – 122 p.
2. Memoirs of front-line signalmen // Edited by Lieutenant General G.G. Savin. – SPb.:VAS, 1995 – 430 p. – pp. 203-210.

Verbitsky Aleksandr Anatol'evich – Ph.D., senior researcher, Budyonny Military Academy of the Signal Corps (St. Petersburg, Russia), verbicki@yandex.ru

Nabojchenko Sergej Aleksandrovich – Ph.D. of Military Sciences, associate professor, senior researcher, Budyonny Military Academy of the Signal Corps (St. Petersburg, Russia), fire30@mail.ru

Karpenko Petr Pavlovich – researcher, Budyonny Military Academy of the Signal Corps (St. Petersburg, Russia), pkarpenko1959@gmail.com

Bashkinceva Mariya Viktorovna – junior researcher, Budyonny Military Academy of the Signal Corps (St. Petersburg, Russia), bashkinceva@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 18.04.2023; принята к публикации: 21.09.2023.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Вербицкий А. А., Набойченко С. А., Карпенко П. П., Башкинцева М. В. Особенности организации и обеспечения связи в соединениях и частях ограниченного контингента войск в Афганистане (1979-1989 гг.) // Социогуманитарные коммуникации. – 2023. – № 3(5). – С. 28-34.

FOR CITATION:

Verbitsky A. A., Naboychenko S. A., Karpenko P. P., Bashkintseva M. V. Osobennosti organizacii i obespecheniya svyazi v soedineniyah i chastyah ogranichennogo kontingenta vojsk v Afganistane (1979-1989 gg.) [Features of the organization and provision of communications in formations and units of a limited contingent of troops in Afghanistan (1979-1989)] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2023. № 3(5). P. 28-34

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБЩЕНИЯ КААРЛЕ КРОНА И В. П. НАЛИМОВА: К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.

И. Н. Котылева

В статье впервые представлены свидетельства общения Каарле Крона с начинающим коми этнографом, студентом Московского университета В. П. Налимовым во время его стажировки в университете в Гельсингфорсе (Хельсинки) в 1908-1909 гг. В этом контексте рассмотрена статья Налимова В. П. «Калевала» и роль университета в Гельсингфорсе на развитие российского финно-угроведения. Представлены новые данные влияния Э. Сетеля на В. П. Налимова. На примере школы в Тервайоки обозначено влияние ученых Юлиса и Каарле Кронов и Э. Сетеля на формирование в Княжестве Финляндском системы национального образования на уровне начальной школы в конце XIX - начале XX века.

Ключевые слова: Каарле Крон, В.П. Налимов, Э. Сетеля, «Калевала», школа в Тервайоки

С 2003 г. по 2013 г. в фонды Национального музея Республики благодаря Ирине Васильевне Налимовой и Марине Геннадьевне Рябовой поступили более ста предметов, связанных с Василием Петровичем Налимовым. До этого в фондах музея практически не было экспонатов, рассказывающих о научной деятельности и судьбе первого профессионального коми этнографа, уничтоженного в жерновах советских репрессий. Только в конце 1990-х годов имя Василия Петровича стало воскресать в исследованиях по истории региона, появились первые публикации о его судьбе и исследованиях. [8, 9]

Василий Петрович Налимов (1879 – 1939) этнограф, географ, коми-зырянин по национальности, выходец из крестьян, получивший высшее образование, он стал одним из лидеров изучения фольклора и традиционной культуры народа коми. В 1906 г. он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, где учился до 1912 года по специальности «антропология и география». В студенческие годы Василий Петрович изучал этнографию и антропологию народов Севера России под руководством Д. А. Анучина. С 1917 года в звании магистра и должности приват-доцента преподавал в Казанском университете. С 1922 по 1938 годы был профессором Московского университета. Исследовал верования и обычаи финно-угорских народов, в экспедициях собирал

коми песни, сказки, предания, легенды. Активно сотрудничал с журналом «Коми му», где опубликовал ряд работ этнографического характера. Кроме этого проводил полевые исследования в Большеземельной тундре, Казахстане, у саамов под Мурманском, на Ижме и Печоре, среди удмуртов Вотской автономной области и Закамья. В 1938 году был обвинён в шпионаже в пользу Финляндии и подрывной деятельности. Одним из главных аргументов в пользу причастности Налимова к сепаратистам стала совместная экспедиция финского профессора Уно Таави Сирелиуса и В. П. Налимова в 1907 году. В конце 1939 года профессор В. П. Налимов умер в изоляторе Сыктывкарской тюрьмы. В 1960 году он был реабилитирован по настоянию его сына Василия Васильевича Налимова, который сам прошёл через сталинские лагеря, а после стал крупнейшим ученым страны, одним из основоположников кибернетики. [4,8,9]

Уже первые поступившие в фонды музея памятники открыли для исследователей неизвестного В. П. Налимова, обогатив сведения о его научной деятельности, научных контактах, семейной истории. На выставке «Неизвестный Налимов». К 125-летию со дня рождения крупнейшего коми этнографа Василия Петровича Налимова», представленной в Национальном музее Республики Коми в 2003 г., были показаны уникальные документы и предметы, связанные

с разными периодами жизни В. П. Налимова.[4]

Одним из значимых памятников, переданных дочерью Василия Петровича Ириной Васильевной Налимовой, является книга «Калевала. Финская народная эпопея», изданная в 1889 году. [2] Время появления этой книги у Василия Петровича не определяется, но однозначно, что интерес к финским рунам у Налимова был профессиональный, что подтверждает его статья «Калевала» в энциклопедии 1913 г. издательства Гранат. [5, с.166-168] Следует отметить, что в переизданной энциклопедии в 1936 г. отдельной статьи «Калевала» уже нет, материал о карело-финском эпосе включён в статью «Финляндия». Потенциально значимо и то, что в списке авторов статей в энциклопедическом словаре 1913 г. представлены «профессора Г. Вихман (Гельсингфорс), Б. Ф. Адлер, Д. Н. Анучин, Л. С. Берг». Со всеми ими В. П. Налимов был знаком и сотрудничал и данные контакты требуют специального рассмотрения.

В самом начале статьи Налимов обращает внимание на то, что «впервые финские руны были изданы в безсистемном виде в 1822 г. З. Топелиусом», но «Э. Леннроту удалось собрать материал и издать в виде отдельной поэмы под названием «Калевала» в 1835 г. и более полное из 22793 стихов в 50 рун 1849 г.». Так же он сообщает, что в 1887 г. А. Форсман издал более полное собрание рун. [5, с.166].

В данной энциклопедической статье Василий Петрович упоминает издание «Калевалы» на русском языке в переводе Л. И. Бельского. В книге «Калевала», которая принадлежала Налимову, в вводной статье за авторством Бельского, в тексте подчеркнута: «Калевала, представляя собою переходную ступень народного эпоса между более древним, когда предметом песнопения служат только боги и стихии... и позднейшим, эпосом героическим, в котором с трудом раскрываются древнейшие черты поэзии о богах и стихиях... Финский эпос – поэзия стихий, тесно связанная с поэзией героической и бытовой. Он имеет неопределимое достоинство, что раскрывает подробно связь между героями и порождающими их стихийными силами...» [2, с.5] Обратил внима-

ние Налимов и на положение Бельского, что «по воззрениям Калевалы, всемогущество заключается в познании сущности вещей, т.е. их происхождения и бытия».

В своей статье в энциклопедии Налимов отмечает, что «Калевала, финский народный эпос, богатейший источник для изучения быта, понятий, мировоззрения, творчества финского народа. ...Руны Калевалы имеют свою историю и заключают в себе как древнейшие и самобытные черты финского народа, так и позднейшие наслоения, в которых есть и следы чуждаго влияния и много апокрифического. Поэтому изучение Калевалы связано с изучением развития и происхождения рун». [5, с.168]

Василий Петрович в своей статье акцентирует внимание на позицию К. Крона на исследование Калевалы. «Исходным пунктом развития рун профессор Каарле Крон, отец историко-географического метода, считает ингерманландские и эстонские песни, которые распространялись с юга на север и с запада на восток. На северо-востоке эти занесенные песни становятся полнее, богаче красками, переливами; полного же расцвета песни достигают в Архангельской губернии, где они соединяются и сосредотачиваются около крупных событий». [5, с. 168].

В. П. Налимов был лично знаком с Каарле Кроном, о чём свидетельствует брошюра К. Kroon «Suomalaisten pakanallisten Jumalar» (Финские языческие боги), которая так же была передана И. В. Налимовой в фонды Национального музея РК (НМРК – КП-13094-32) и впервые была представлена на выставке «Неизвестный Налимов» [4]. Важно, что на первой странице есть посвящение Налимову за подписью К. Крона, что является значимым доказательством их личного знакомства.

Примечательно, что публикация К. Крона «Suomalaisten pakanallisten Jumalar» начинается с информации о том, что первые сведения о финских языческих богах были собраны М. Агриколой, создателя финской письменности в XVI в. В 1908 г. 21 июня в Выборге был открыт памятник Агриколе (Агрикола был первым епископом Выборга и был похоронен в кафедральном соборе). Семья Кронов, проживающая в Выборге на протяжении нескольких десятилетий, спо-

способствовала появлению памятника Агриколе в Выборге.

Логично предположить, что знакомство Василя Петровича и Каарле Крона состоялось во время обучения Налимова в Хельсинки 1908-1909 гг., которое было в рамках сотрудничества студента-зырянина московского университета. Налимов был одним из основателей и руководителей студенческого научного кружка, интересы которого находились в области этнографии, географии и естествознания. Статьи, рецензии и доклады, с которыми регулярно выступал молодой коми исследователь, быстро сделали его заметной фигурой в гуманитарной науке того времени. Его работы по коми этнографии заинтересовали финских учёных. В 1907 г. во время пребывания в России доцент Александрийского университета (Гельсингфорс/Хельсинки) В. Мансикка встречался с В. П. Налимовым и предложил ему сотрудничество с Финно-Угорским обществом, признанным центром изучения культуры финно-угорских народов и языков. [7, с.18] Активное сотрудничество с Финно-Угорским обществом продолжалось пять лет, за это время Налимов провёл две экспедиции к коми-зырянам, одну к коми-пермякам. В 1907 г. Принял участие в экспедиции к зырянам известного финского этнографа У. Т. Сирелиуса. В 1908 г. Налимов сопровождал финского археолога А. М. Тальгрена в его поездке по Казанской губернии.

В 1908 г. Финно-угорское общество приглашает В. П. Налимова в Гельсингфорс для занятий финским языком и этнографией. Вероятно, именно в этот год состоялось знакомство Василя Петровича и Каарле Крона. Следует отметить, что Мансикка был учеником К. Крона. Каарле Крон (Крун) (1863 – 1933) был финским фольклористом, профессором и разработчиком географо-исторического метода исследования фольклора. [10, с.429] Он интересовался языками финно-угорских народов, как и его отец знал зырянский язык, что следует из его переписки с крупнейшим фольклористом того времени А. Н. Веселовским. К. Крон посвятил большую часть своей жизни изучению эпи-

ческой поэзии, составляющей основу финского национального эпоса «Калевала».

Огромное влияние на становление Каарле как учёного оказал его отец Юлиус Крон. Немец по происхождению Юлиус Крон (1835 – 1888), ученый, журналист, писатель, был одним из активных феноманов, сторонником активного использования финского языка как в обыденной жизни, так и в журналистике, литературе, науке. Первоначально Юлиус Крон изучал в университете в Гельсингфорсе философию, лингвистику, литературу. Основные его научные интересы были связаны с «Калевалой». Некоторые представления Ю. Крона о «Калевале» были в последствии оспорены, но в XIX в. его труды вывалили интерес и способствовали развитию финно-угроведения. Юлиус изучал венгерский, зырянский (коми), т.к. он считал, что истоки «Калевалы» не только карельские, но уходят вглубь культуры разных народов финно-угорской языковой группы и прежде всего финнов и еми (тавастов). Юлиус Крон имел огромное влияние на развитие культуры в Хельсинки, где он последние годы работал, и Выборге, где родился и влиял на жизнь города до конца своей жизни. [3; с.286-288]

Каарле Крон в своих исследованиях во многом следовал за своим отцом. Следует отметить, что также как и его отец, он изучал зырянский язык, а после его смерти продолжил переписку с Г. С. Лыткиным, которую вёл Ю. Крон. Для нашего исследования важны также сведения, что Каарле свободно владел немецким, шведским и финским, понимал, как он сам отмечает в письмах Веселовскому, французский и русский. [6] Логично предположить, что Налимов и Крон общались на русском или на зырянском языке.

В 1888 г. Каарле Крон году был назначен доцентом кафедры финской и сравнительной литературы в Гельсингфорском университете. В 1889 году он стал исполняющим обязанности профессора финской и финской литературы. В 1898 году Крон стал профессором финского и сравнительного фольклора в Гельсингфорском университете. [10, с. 429] Позже, в 1908 году, когда была открыта постоянная кафедра финского

и сравнительного фольклора, он стал ее первым преподавателем. В 1917 году он стал председателем Финского литературного общества. Крон был соучредителем журналов *Virittäjä* (1896) и *Finno-ugrische Forschungen* (финно-угорские исследования) вместе с Эмилом Нестором Сетяля (1901).

Примечательно, что именно в 1908 году, когда Крон уже работает на кафедре финского и сравнительного фольклора, происходит знакомство В. П. Налимова и Каарле Крона. В этот период Каарле Крон уже значимая фигура в исследованиях древних пластов финской культуры. Его «историко-географический» подход к сопоставлению фольклорных текстов имеет определенную поддержку в научном сообществе, он известен за пределами Финляндии был своими исследованиями сказок.

Пока не выявлены конкретные темы научных контактов В. П. Налимова и К. Крона, но значимым доказательством их общения стала фотография (Рис. 1), которая первоначально была зафиксирована как «В. П. Налимов с учениками народной школы» (НМРК КП-13094-34). Благодаря последним исследованиям понятно, что фотография сделана с учениками школы в с. Тервайоки. На фотографии кроме В. П. Налимова точно определяются Каарле Крон (на фото располагается прямо за Василием Петровичем) и Аугуст Юннола (директор школы, на

фото располагается рядом с Каарле Кроном, справа). Предположительно, слева от Каарле Крона стоит В. Мансика.

Школа в Тервайоки располагается (школа продолжает работать, ныне Тервайоки называется с. Большое поле) недалеко от имения Кронов в Кийспила (15 км от Выборга) и была организована по инициативе семей Кронов, Эрнов, Ментов и Аренбергов [3, с.269-271].

Днём рождения школы считается 28 мая 1855 г. Изначально предполагалось, что в школе будут учиться дети соседних деревень, и начальное образование будет проходить на финском языке. Для XIX в. это во многом было революционной концепцией, т.к. до этого времени обучение в школах княжества Финляндского проходило на немецком или шведском языках. Во второй половине XIX в. стали появляться русские и финские школы. Прежде всего, такие школы появлялись в городах, например, в Выборге. Появление школы в Тервайоки состоялось благодаря благотворителям и феноманам, которые поддерживали идеи Кронов. Первые годы школа принимала небольшое количество учеников, в зимнее время некоторые из них учились в доме Кронов в Выборге. К началу XX века школа разрослась, стало больше учеников и преподавателей, было построено новое здание. С 1906 г. на протяжении многих лет директором школы был Аугуст Юн-

Рис. 1 Налимов В.П. с учащимися и гостями школы в Тервайоки. 1908.

нола. [3, с. 286]

Есть предположение, что фотография сделана 28 мая 1908 г. На фотографии могут быть и другие деятели культуры из Хельсинки и Выборга, приехавшие на празднование дня создания школы. Данный вопрос, потенциально значимый для исследования ряда тем, требует дополнительного исследования.

Развитие школы в Тервайоки во многом перекликались с предложением Э. Сетеля по развитию национального образования в Финляндии в рамках Российской империи.

Эмиль Нестор Сетеля (1864-1935) – филолог, политик, государственный деятель, занимался фольклором, историей, этнографией финно-угорских народов. Один из основоположников финно-угорского сравнительно-исторического языкознания. В 1888 – 1890 гг. совершил поездки к ливам, води, вепсам для изучения их языков и этнографии. Как уже отмечалось, с 1901 г. издавал вместе с К. Кроном журнал «*Finno-ugrische Forschungen*». Сетеля и Крона объединяли не только научные поиски, но родственные связи. Эмиль Сетеля был женат на сестре Каарле Крона Хельме и неоднократно бывал в имении Кронов в Кийспила. Исследователи истории школы в Тервайоки особо не уделяют внимание роли Сетеля в её развитии. Однако идеи Сетеля о значимости использования национального языка для преподавания в начальной школе пересекаются с программой школы в Тервайоки. Сетеля специально подготовил брошюру «*Suomen kielen Oppikirja Alkeisopetusta Varten*», посвященную использованию финского языка в начальной школе. Для нашего исследования особо значимо, что эта брошюра с автографом Сетеля была у В. П. Налимова (НМРК КП-13094-36).

В. П. Налимовым поддерживал идеи преподавания в начальных школах зырянского края на зырянском языке. Такую концепцию образования предлагал ученый и писатель К. Ф. Жаков, корнями связанный

с зырянской землей [1]. Жаков имел контакты с Сетеля. Возможно, Жаков и Налимов обсуждали концепцию начальной национальной школы

Рассмотрение коллекции В. П. Налимова через сопоставление с фактами деятельности финских исследователей позволило дополнить сведения о предметах из коллекции Налимова в фондах Национального музея Республики Коми и определить новые направления в изучении контактов Василия Петровича с исследователями традиционной финно-угорской культуры. Исследование коллекции Налимова свидетельствует о значимости контактов с учеными Гельсингфорса (Хельсинки) для становления коми этнографа. Исследователи научного пути В. П. Налимова в большой степени обращали внимание на его сотрудничество с У. Сирелиусом.

Ряд предметов из коллекции Налимова свидетельствуют о его контактах с финскими учеными Ю. Вихманом, Э. Сетеля, А. Тальгреном. Фокусирование внимания на статью Налимова о Калевале, исследование фотографии с учениками школы из Тервайоки позволяют говорить о контактах В. П. Налимова и Каарле Крона.

Особое место в этом контексте занимает исследование Крона «*Suomalaisen pakanallisten Jumalain*» (Финские языческие боги), учитывая, что Налимов в начале своего научного пути сделал публикации по зырянской мифологии. Представляется, что исследование фондов У. Сирелиуса, К. Крона, Ю. Вихмана и Э. Сетеля может принести новые сведения о периоде активного сотрудничества В. П. Налимова и Финно-угорского общества. Детальное рассмотрение контактов Налимова и ученых Гельсингфорса перспективно в контексте изучения развития финно-угроведения в России в начале XX в.

Список источников и литературы

1. Журналы Устьсысольского Уездного Земского Собрания чрезвычайного созыва 2 августа и XXXIX очередной сессии 1908 года с приложениями. Устьсысольск, 1908.
2. Калевала. Финская народная эпопея. Перевод Л. И. Бельского. Санкт – Петербург. Издание журнала «Пантеон Литературы». 1889.
3. *Костоломов М.* Wiborgiana. Краеведческие очерки. Санкт – Петербург: Издательский центр «Остров». 2018.
4. *Котылева И. Н.* Неизвестный Налимов// Арт, 2004, №3, С.178 – 183.
5. *Налимов В. П.* Калевала // Энциклопедический словарь т-ва «Бр.А и И. Гранатъ и К=0». 1913. Седьмое, совершенно переработанное издание под редакцией проф. Ю.С. Гамбарова, проф. В.Я. Железнова, проф. М.М. Ковалевского, проф. С. А. Муромцева и проф. К.А. Тимирязева. Т.» №23 (Кабанель – Каутский), С.166 -168.
6. Наследие Александра Веселовского. Исследования и материалы. СПб.: Наука. 1992.
7. *Несанелис Д. А., Семёнов В. А., Терюков А. И.* Пути «инородца» в России. Василий Петрович Налимов// Налимов В.П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. Ижевск – Сыктывкар. 2010.
8. *Семёнов В. А., Несанелис Д. А.* Профессор Налимов – «финский шпион»// Родники Пармы. Сыктывкар, 1996, С.194 – 199.
9. *Семёнов В. А., Несанелис Д. А.* Профессор В. П. Налимов // Молодежь Севера. 27 ноября 1992г.
10. *Терюков А. И.* История этнографического изучения народов коми. СПб.: МАЭ РАН 2011.

Котылева Ирина Николаевна - к.и.н., Национальный музей Республики Коми, (г. Сыктывкар, Россия), kotylevairina@rambler.ru

EVIDENCE OF COMMUNICATION BETWEEN KAARLE KRON AND V. P. NALIMOV: ON THE ISSUE OF THE DEVELOPMENT OF FINNO-UGRIC STUDIES IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY.

I. N. Kotyleva

The article presents for the first time evidence of communication between Kaarle Kron and the aspiring Komi ethnographer, student at Moscow University V.P. Nalimov during his internship at the university in Helsingfors (Helsinki) in 1908-109. In this context, the article by Nalimov V.P. is considered. "Kalevala" and the role of the university in Helsingfors on the development of Russian Finno-Ugric studies. New data on the influence of E. Setel on V.P. are presented. Nalimova. Using the example of a school in Tervajoki, the influence of scientists Julis and Kaarle Kron and E. Setel on the formation of a national education system at the primary school level in the Principality of Finland at the end of the 19th - beginning of the 20th century is indicated.

Keywords: Kaarle Kron, V. P. Nalimov, E. Setela, "Kalevala", school in Tervajoki

References

1. Journals of the Ustsysolsky District Zemstvo Assembly of the extraordinary convocation of August 2 and the XXXIX regular session of 1908 with appendices. Ustsysolsk, 1908.
2. Kalevala. Finnish folk epic. Translated by L. I. Belsky. Saint-Petersburg. The publication of the magazine "Pantheon of Literature". 1889.
3. *Kostolomov M.* Wiborgiana. Local history essays. St. Petersburg: Publishing Center "Island". 2018.
4. *Kotyleva I. N.* Unknown Nalimov// Art, 2004, No. 3, pp.178-183.
5. *Nalimov V. P.* Kalevala // Encyclopedic dictionary of t-va "Br.A and I. Garnet and K = 0". 1913. The seventh, completely revised edition edited by prof. Y. S. Gambarov, prof. V. Ya. Zheleznov, prof. M.M. Kovalevsky, prof. S. A. Muromtsev and prof. K. A. Timiryazev. T." No. 23 (Kabanell – Kautsky), pp.166 - 168.

6. The legacy of Alexander Veselovsky. Research and materials. St. Petersburg: Nauka. 1992.
7. *Nesanelis D. A., Semenov V. A., Teryukov A. I.* The ways of the "alien" in Russia. Vasily Petrovich Nalimov. // Nalimov V.P. Essays on ethnography of Finno-Ugric peoples. Izhevsk – Syktyvkar. 2010.
8. *Semenov V. A., Nesanelis D. A.* Professor Nalimov – "Finnish spy" // Springs of Parma. Syktyvkar, 1996, pp.194 – 199.
9. *Semenov V. A., Nesanelis D. A.* Professor V. P. Nalimov // Youth of the North. November 27, 1992
10. *Teryukov A. I.* History of ethnographic study of the Komi peoples. St. Petersburg: MAE RAS 2011.

Kotyleva Irina Nikolaevna - candidate of historical sciences, National Museum of the Komi Republic, (Syktyvkar, Russia), kotylevairina@rambler.ru

Статья поступила в редакцию: 20.05.2023; принята к публикации: 23.09.2023.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Котылева И. Н. Свидетельства общения Каарле Крона и В. П. Налимова: к вопросу о развитии финно-угроведения в России в начале XX в. // Социогуманитарные коммуникации. – 2023. – № 3(5). – С. 35-41.

FOR CITATION:

Kotyleva I. N. Svidetel'stva obshcheniya Kaarle Krona i V. P. Nalimova: k voprosu o razvitiy finno-ugrovedeniya v Rossii v nachale XX v. [Evidence of communication between Kaarle Kron and V. P. Nalimov: on the issue of the development of Finno-Ugric studies in Russia at the beginning of the twentieth century.] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2023. № 3(5). P. 35-41

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 005.7

ИНФОРМАЦИОННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ. СОЦИОТЕХНИЧЕСКИЙ ПОДХОД.

А. А. Уфимцев

В статье информационный менеджмент рассматривается через призму социотехнического подхода. С помощью краткой ретроспективы эволюции менеджмента показана зависимость развития науки об управлении от научно-технического прогресса. В общих чертах описана концепция социотехнических систем. Определены элементы социальной и технической составляющих информационного менеджмента, требующие первостепенного внимания при развитии предприятия.

Ключевые слова: информация, информационный менеджмент, ресурсы управления, управление предприятием, социотехнические системы

Введение

Ускорение научно-технического прогресса в наше время приводит к увеличению объема генерируемых данных. Рост информатизации связан с использованием современных технических средств сбора данных, с расширением границ рынков и с тенденцией к кастомизации запрашиваемых товаров и услуг. Динамичное изменение внешней среды приводит к усложнению взаимодействия подразделений предприятия. Быстрое устаревание получаемой из вне информации является причиной потери актуальности принимаемых управленцами решений. Для поддержания конкурентоспособности организации, в условиях стремительного увеличения объема информации, менеджмент должен реагировать незамедлительно.

Информация, как продукт деятельности человека, является частью социальной среды. С другой стороны, сбор, хранение и обработка информации осуществляется с помощью технических средств и технологий. Таким образом информацию можно определить и как элемент техносферы. Взаимодействие социальной среды и техносферы принято описывать в рамках социотехнического подхода. Предприятие в этом случае является открытой социотехнической системой, состоящей из двух подсистем - социальной и технической. Информационный менеджмент отражается в подсистемах и обладает отли-

чительными характеристиками свойственными каждой из них.

Создание новых информационных продуктов, управление информационными потоками, интеграция современных средств сбора, хранения и обработки данных, обеспечение информационной безопасности, своевременное предоставление достоверной информации потребителям – это актуальные задачи управленческого слоя социотехнических систем.

1. Информация как ресурс управления

Согласно периодизации эволюции менеджмента по Д. Беллу существует три этапа развития науки об управлении. Каждый из этапов связан с уровнем научно-технического прогресса, а границами этапов являются промышленные революции. Первый этап - доиндустриальный, самый продолжительный и занимает несколько тысячелетий (начиная с эпохи Древнего мира, до середины XVIII века). В этот период менеджмент еще не формируется как отдельное практическое и научное направление. Однако проявляются предпосылки в виде выделения группы людей, не участвующих в производственной деятельности и занимающихся исключительно задачами управления. Основными ресурсами управления в данный период являются земля и труд [1].

Следующий этап эволюции менеджмента - индустриальный, начинается в середине XVIII века и включает в себя первую и вторую промышленные революции. В этот период, благодаря использованию станков, паровых двигателей и двигателей внутреннего сгорания, происходит замещение ручного труда человека машинным [2]. Стремительно растут производственные мощности предприятий, а, следовательно, появляется нужда в найме профессиональных управленцев. Кроме того, рост промышленности, международная торговля, развитие банковского дела и ослабление влияния церкви способствуют появлению нового ресурса управления - капитала [3]. Таким образом, в эпоху индустриального общества менеджмент формируется как слой трудового коллектива, управляющий землей, трудом и капиталом.

Научно-техническая революция (третья промышленная революция) стала точкой отсчета нового этапа эволюции менеджмента. Этап, начавшийся в середине XX века, называется постиндустриальным. Развитие технологий и появление новых материалов сделало возможным удовлетворение растущего спроса потребителей на персонифицированные товары и услуги. В условиях индивидуализации производства информация начинает играть важную роль в управлении предприятием, а знания рассматриваются как неотъемлемый атрибут принятия решений [4].

В наши дни очередным витком эволюции менеджмента, в рамках постиндустриального этапа, считается формирование четвертой промышленной революции, называемой «Индустрия 4.0». На этом этапе происходит процесс цифровизации производства, торговли и экономики в целом. Цифровизация заключается в использовании передовых информационных технологий, способных частично заместить труд человека в процессе сбора, хранения, преобразования и распространения информации. Стремительное развитие технологий делает информацию главным ресурсом и источником конкурентных преимуществ организации.

2. Предприятие как социотехническая система

Будучи явлением объективным и противоречивым, цифровизация стала новым

вызовом для менеджеров. Именно поэтому одной из важнейших задач науки об управлении в XXI веке является поиск баланса между технологическими новшествами и персоналом [5]. Дифференциация предприятия на две составляющие - техническую (технологические новшества) и социальную (персонал), описывается в рамках понятия «социотехническая система». Это понятие впервые было предложено в 60-х годах прошлого века. Его авторами стали Эрик Трист и Фред Эмери - ученые Тавистокского института.

Согласно современному видению данной концепции социотехническая система это открытая, самоорганизующаяся система, состоящая из взаимозависимых технической и социальной подсистем, функционирующих в окружающей среде и преобразующая вход в выход [6, 7, 8, 9].

Социальная подсистема в организации представлена коллективом, имеющим определенную управленческую структуру, систему поощрений и состоящим из людей, которые в свою очередь обладают персональными качествами (знаниями, умениями, настроением, ценностными установками, отношением к выполняемым функциям) [6, 10]. Функционирование подсистемы заключается в управлении персоналом, подборе, обучении и продвижении кадров, распределении функций и ответственности между участниками производства, применении более эффективных систем оплаты труда, планировании и др. [11]. Целью подсистемы является осуществление предприятием эффективной деятельности по производству товаров и услуг посредством управления технической составляющей. Деятельность социальной составляющей слабо предсказуема, поскольку реакция человека на поступающие команды не однозначна и отчасти определяется законами психики [7].

Техническая подсистема состоит из элементов, созданных в результате человеческой деятельности, а именно: технических средств, технологий, материалов, инструментов, информационных платформ и комплексов, включающих перечисленные элементы. Главной задачей подсистемы является обслуживание потребностей социаль-

ной компоненты и преобразование входа в выход [6, 10]. Для достижения поставленных целей подсистема должна постоянно модернизироваться посредством внедрения инновационных материалов и технологий. Деятельность технической составляющей предсказуема и в высшей степени контролируема [7].

В отличие от теорий технологического детерминизма, социотехнический подход основывается на принципе тесного взаимодействия человека и технологий, в результате которого возникает синергетический эффект, и система приобретает новые свойства [6].

На вход социотехнической системы из внешней среды поступают сырьевые, технические, технологические, кадровые, пространственные, информационные и финансовые ресурсы. На выходе системы формируются товары или услуги, имеющие заранее определённые характеристики (количество, качество, состав и т.д.) [12]. В данном случае информация рассматривается не как актив предприятия, а как входной элемент системы, требующий обработки подсистемами для создания запрашиваемого рынком товара или услуги. В некоторых случаях информация может выступать в роли товара.

Примером преобразования энергии в энергию может послужить гидроэлектростанция. На вход станции поступает энергия потока воды. Взаимозависимое функционирование силовых машин, систем управления и персонала станции генерирует электрическую энергию на выходе [13].

Преобразование энергии в услуги происходит на железной дороге. В это социотехнической системе энергия топлива преобразуется в услуги по перемещению людей и товаров. Социальной составляющей выступают железнодорожные службы, а технической - подвижной состав, вокзал, мониторинговые системы и т.д. [13].

Если представить информацию в роли входного элемента, то как пример можно рассматривать систему идентификации лиц. В аэропорту «Шереметьево» у выхода на посадку установлен турникет с камерой, который определяет прошел ли пассажир предполетную проверку. Результатом преобразо-

вания входной информации социотехнической системой является безопасность авиаперевозок [14].

Информация может выступать и в роли выхода системы. Так, лабораторные исследования, включающие деятельность ученых и применение технических средств, генерируют информацию в виде новых научных знаний [15].

3. Роль информации в развитии предприятия

Как видим, наличие информационной составляющей в управлении очевидно, так как она является основой всего управленческого процесса [16]. В целом к информации принято предъявлять следующие требования:

- необходимое и достаточное количество и качество;
- достоверность и точность;
- своевременность получения;
- полнота;
- полезность;
- технологические характеристики информации (плотность размещения, возможность сохранения, скорость обработки, извлечения, распечатки, представления и т.д. [17].

Питер Друкер - один из самых влиятельных теоретиков менеджмента XX века - считал, что принятие управленческих решений - это базовая функция менеджера [18]. Результат принятия решения существенно зависит от процесса управления информацией. Ключевым критерием при принятии менеджером управленческого решения является высокая скорость передачи информации при ее минимальных искажениях. В этих целях управленец должен использовать объективную и своевременную информацию, собираемую, обрабатываемую, сохраняемую и распространяемую с помощью современных научных методов и технических средств, а также уметь осмысливать информацию и делать выводы [16].

Проблемы управления информацией на предприятии изучаются в рамках информационного менеджмента - самостоятельной области знаний в менеджменте. На практике информационный менеджмент - это круг задач управления, решение которых обеспечи-

вает достижение целей предприятия за счет эффективного и согласованного управления ресурсами информационных технологий и ресурсами предприятия [16]. Информационные, технические, программные, математические, организационные, правовые, эргономические, лингвистические, технологические и других средства, а также персонал предприятия, предназначенные для формирования управленческой информации, совокупно составляют информационную систему [19].

Как мы видим, существует две составляющие информационного менеджмента - формальная и неформальная. К формальной составляющей относятся непосредственно технологии и средства необходимые для развития информационной системы. Формальная компонента обрабатывает данные с использованием заранее установленных алгоритмов. Процесс принятия управленческих решений на базе информационной системы относится к неформальной составляющей. Обработка данных в неформальной компоненте включает в себя в значительной степени знания, суждения и даже интуицию [16, 20].

Используя социотехнический подход оценим роль информации в развитии предприятия. Представители социальной подсистемы - специалист организации, работник, руководитель - являются не просто потребителями, которым поставляется информация, а непосредственными участниками информационного процесса [21]. Согласно концепции информационной экономики, основополагающей целью развития экономики должна быть не максимизация дополнительной стоимости за счет использования дешевого труда, а создание товаров и услуг нового поколения за счет знаний персонала предприятия. Достижение этой цели возможно только при наличии критической массы трудовых ресурсов высокой квалификации [22].

В настоящее время, по причине развития цифровых технологий, сбор и управление информацией становятся все более сложными, многоэтапными. Собираемая информация требует детального и междисциплинарного анализа. Для поддержания баланса между технической и социальной подсистемами необходима подготовка высококвали-

фицированных специалистов, затраты на которую весьма существенны. Основными навыками, которыми должны обладать современные менеджеры, являются: исследование и анализ данных, особенно разноформатных, безопасное хранение информации и умение ею манипулировать. Таким образом, одной из доминант в развитии предприятия становится человек, а именно: его знания, творческие возможности, образование, нравственные и культурные ценности. При этом должен быть обеспечен вертикальный и горизонтальный обмен знаниями между всеми членами коллектива, так как распространение знаний способствует их умножению [22].

Техническая подсистема организации представлена материалами, техникой и технологиями. Для создания конкурентных преимуществ современные предприятия стремятся развивать информационные технологии, которые способны своевременно обеспечивать человека, принимающего решения, необходимой информацией надлежащего качества. Платформенные системы, включающие в себя весь спектр требуемых средств информатизации как правило дорогостоящи. Несмотря на это подавляющее большинство предприятий приобретают информационные системы, во избежание потери конкурентоспособности. Всё чаще используются средства коммуникации, позволяющие обеспечивать удаленный режим работы и проведение онлайн совещаний. Информационные системы в наши дни представлены, например, для сбора данных - SCADA, для хранения данных - Big Data, для обработки данных - Artificial Intelligence.

Информация, не доступная конкурентам, становится не только ресурсом, но и ценным товаром. С другой стороны, утечка данных в некоторых случаях приводит к непоправимым негативным последствиям для бизнеса. По этой причине большое значение придается информационной безопасности. Применение информационных технологий способствует накоплению массивов данных, на базе которых выполняется прогнозирование и планирование деятельности предприятия [20]. Таким образом, информация, ко-

торой обладает организация, является одним из ключевых стратегических ресурсов для развития.

Заключение

Современные тенденции в научно-техническом прогрессе и, связанное с ними, увеличение объема циркулируемых данных, выдвинули информацию на первое место среди ресурсов управления предприятием. Обладание и эффективное управление информацией в наши дни является залогом успешного развития хозяйствующего субъекта. Отлаженная работа информационного менеджмента позволяет своевременно снабжать лиц, принимающих решения информацией необходимой для совершения стратегически важных управленческих шагов. Кроме того, надежное хранение накопленной информации и защита авторских разработок способствует наращиванию производственного потенциала организации.

Представление предприятия в виде социотехнической системы делает возможным проведение демаркационной линии между важными аспектами информационного менеджмента - человеком и техникой. Различие в природе составных частей системы требует применения разных инструментов анализа процессов функционирования подсистем. Рассматривая отдельно каждую из компонент системы, но не забывая о синергетическом эффекте, можно сформулировать ключевые ресурсы для их перспективного развития. Таким образом, для приобретения конкурентных преимуществ за счет управления информацией организация должна параллельно заниматься усовершенствованием используемых информационных технологий и повышением уровня квалификации сотрудников.

Список источников и литературы

1. Кононова Н. Н. Техничко-технологическое обеспечение развития экономических систем / Н. Н. Кононова, А. В. Улезько, А. П. Курносков // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2019. – Т. 12, № 3(62). – С. 114-123. – DOI 10.17238/issn2071-2243.2019.3.114. – EDN JYPAFL.
2. Британская промышленная революция в глобальной картине мира / пер. с англ. Н. В. Автономовой; науч. ред. перевода В. С. Автономов. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2014. – 448 с.
3. Тесленко И. В. История менеджмента : учебное пособие / И. В. Тесленко. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2011. – 140 с. – ISBN 978-5-321-01545-2. – EDN SXUQHF.
4. Nurulin Y., Skvortsova I., Tукkel I., Torkkeli M. (2019). Role of Knowledge in Management of Innovation. Resources. 8. 87. 10.3390/resources8020087.
5. Рячкин А. Ю. Трансформация менеджмента в условиях цифровизации экономики / А. Ю. Рячкин // Актуальные проблемы развития управленческой и сервисной деятельности в цифровой среде : Материалы Всероссийской молодежной научно-практической конференции, Омск, 19–20 марта 2020 года / Редколлегия: Е.В. Яковлева [и др.]. – Омск: Омский государственный технический университет, 2020. – С. 152-156. – EDN ZHSVAS.
6. Проталинский О. М. Системный анализ и моделирование слабо структурированных и плохо формализуемых процессов в социотехнических системах / О. М. Проталинский, И. М. Ажмухамедов // Инженерный вестник Дона. – 2012. – № 3(21). – С. 179-187. – EDN PJZWIF.
7. Сурова Л. В. Социотехнические системы: проблемы исследования безопасности / Л. В. Сурова // Путь науки. – 2014. – № 1(1). – С. 109-111. – EDN SCYBIB.
8. Хомоненко А. Д. Информационно-аналитические методы социотехнической системы на основе концепции Умного города / А. Д. Хомоненко, Н. В. Иванова, Х. Руохомаа // Интеллектуальные технологии на транспорте. – 2021. – № 2(26). – С. 49-54. – EDN IXBUET.
9. Дубровский Д. И. Проблема эргономической оценки эволюционирующих социотехнических систем с искусственным интеллектом / Д. И. Дубровский, С. Ф. Сергеев // Эргодизайн. – 2022. – № 3(17). – С. 206-213. – DOI 10.30987/2658-4026-2022-3-206-213. – EDN CVPLTX.
10. Чимшир В. И. Проектное управление сложными социотехническими системами на основе рефлексии // ВЕЖПТ. 2011. №2 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektnoe-upravlenie-slozhnymi-sotsiotekhnicheskimi-sistemami-na-osnove-refleksii> (дата обращения: 15.08.2023).

11. *Кобец Е. А., Кобец С. Н.* Организация труда как социотехническая система // Известия ЮФУ. Технические науки. 2011. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-truda-kak-sotsiotehnicheskaya-sistema> (дата обращения: 15.08.2023).

12. *Скурихина Т. Г.* Менджмент экономической безопасности социотехнических систем / Т. Г. Скурихина // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 10. – С. 25-32. – EDN NBPFRD.

13. Самоорганизация и интеллектуальное управление развитием социотехнических систем. Ч. 1: Состояние и пути решения проблемы / В. Н. Добрынин, С. В. Ульянов, М. В. Лобачева [и др.] // Системный анализ в науке и образовании. – 2010. – № 3. – С. 12-42. – EDN MUTNEL.

14. *Глухова А. Д.* Использование цифровых технологий в управлении социотехническими системами: единая биометрическая система в АО "Международный аэропорт Шереметьево" / А. Д. Глухова, В. С. Казакова // Актуальные проблемы науки: взгляд студентов : Материалы Всероссийской с международным участием студенческой научной конференции. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 18 января 2022 года. Том Часть 1. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2022. – С. 257-259. – EDN NLSAYC.

15. *Караткевич С. Г.* Социальные технологии управления социотехническими системами: проблемы и пути решения / С. Г. Караткевич, В. Н. Добрынин, Е. А. Окладникова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2011. – Т. 11, № 3. – С. 94-102. – EDN OIGBNR.

16. *Давликанова Н. В.* Роль информационного менеджмента в документационном обеспечении управления / Н. В. Давликанова, М. К. Белова // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. – 2015. – № 3. – С. 193-197. – EDN VLQRVD.

17. *Трифонова Т. А.* Роль информационных систем в менеджменте / Т. А. Трифонова, М. Е. Чаганова // Общество и экономика знаний, управление капиталами : Материалы XI Международной научно-практической конференции, Краснодар, 29–30 мая 2020 года / Науч. редактор В.В. Ермоленко. Том Выпуск 11. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. – С. 103-112. – EDN WZVQSI.

18. *Drucker P. F.* The practice of management. N.Y.: Harper & Brothers Publ., 1954. 416 p. (Russ. ed.: Drucker, P. Praktika menedzhmenta. Moscow: Williams Publ., 2003. 398 p.).

19. *Цветкова В. А.* Особенности информационного обеспечения в системах управления знаниями на примере топливно-энергетического комплекса / В. А. Цветкова, А. И. Бачурин // Информационные ресурсы России. – 2018. – № 3(163). – С. 2-8. – EDN URQLSL.

20. *Морозов В. А.* Методы информационного менеджмента и успешный бизнес / В. А. Морозов // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2020. – № 3. – С. 34-41. – DOI 10.33983/2075-1826-2020-3-34-41. – EDN UNIKWB.

21. *Горноста́й Л. Ч.* Информационный менеджмент: направления, цели и задачи / Л. Ч. Горноста́й, Е. А. Игнатова // Проблемы и перспективы развития науки и образования в XXI веке : Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, Нефтекамск, 25 апреля 2022 года. – Нефтекамск: Научно-издательский центр "Мир науки" (ИП Вострецов Александр Ильич), 2022. – С. 144-149. – EDN JBWTJG.

22. *Ващук А. Э.* Роль информационных ресурсов в управлении бизнесом и обеспечение их надежной безопасности / А. Э. Ващук, В. О. Титов, И. А. Блажих // Вестник ТИСБИ. – 2019. – № 1. – С. 133-143. – EDN RZYBXO.

Уфимцев Алексей Александрович – аспирант, институт промышленного менеджмента, экономики и торговли, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (г. Санкт-Петербург, Россия), Ufimtsev.aa@edu.spbstu.ru

**INFORMATION MANAGEMENT.
SOCIOTECHNICAL APPROACH.**

A. A. Ufimtsev

The article examines information management through the prism of a sociotechnical approach. Using a brief retrospective of the evolution of management, the dependence of the development of management science on scientific and technological progress is shown. The concept of sociotechnical systems is described in general terms. The elements of the social and technical components of information management that require primary attention in the development of the enterprise have been identified.

Keywords: information, information management, management resources, enterprise management, sociotechnical systems

References

1. *Kononova N. N.* Technical and technological support for the development of economic systems / N. N. Kononova, A. V. Ulezko, A. P. Kurnosov // *Bulletin of the Voronezh State Agrarian University*. – 2019. – Vol. 12, No. 3(62). – pp. 114-123. – DOI 10.17238/issn2071-2243.2019.3.114. – EDN JYPAFL.
2. *The British Industrial Revolution in the global picture of the world / translated from the English by N. V. Autonomova; scientific ed. of the translation by V. S. Avtonomov.* – M. : Publishing House of the Gaidar Institute, 2014. – 448 p.
3. *Teslenko I. V.* History of management: textbook / I. V. Teslenko. – Yekaterinburg : Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 2011. – 140 p. – ISBN 978-5-321-01545-2. – EDN SXUQHF.
4. *Nurulin Y., Skvortsova I., Tukkel I., Torkkeli M.* (2019). Role of Knowledge in Management of Innovation. *Resources*. 8. 87. 10.3390/resources8020087.
5. *Ryachkin A. Y.* Transformation of management in the conditions of digitalization of the economy / A. Y. Ryachkin // *Actual problems of development of management and service activities in the digital environment : Materials of the All-Russian Youth Scientific and Practical Conference, Omsk, March 19-20, 2020 / Editorial Board: E.V. Yakovleva [et al.].* – Omsk: Omsk State Technical University, 2020. – PP. 152-156. – EDN ZHSVAS.
6. *Protalinsky O. M.* System analysis and modeling of poorly structured and poorly formalized processes in sociotechnical systems / O. M. Protalinsky, I. M. Azhmukhamedov // *Engineering Bulletin of the Don*. – 2012. – № 3(21). – Pp. 179-187. – EDN PJZWIF.
7. *Surova L. V.* Sociotechnical systems: problems of security research / L. V. Surova // *Path of Science*. – 2014. – № 1(1). – Pp. 109-111. – EDN SCYBIB.
8. *Khomonenko A.D.* Information and analytical methods of a sociotechnical system based on the concept of a Smart city / A.D. Khomonenko, N. V. Ivanova, H. Ruohomaa // *Intelligent technologies in transport*. – 2021. – № 2(26). – Pp. 49-54. – EDN IXBUET.
9. *Dubrovsky D. I.* The problem of ergonomic evaluation of evolving sociotechnical systems with artificial intelligence / D. I. Dubrovsky, S. F. Sergeev // *Ergodesign*. – 2022. – № 3(17). – Pp. 206-213. – DOI 10.30987/2658-4026-2022-3-206-213. – EDN CVPLTX.
10. *Chimshir V. I.* Project management of complex sociotechnical systems based on reflection // *VEZHPT*. 2011. No. 2 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektnoe-upravlenie-slozhnyimi-sotsiotehnicheskimi-sistemami-na-osnove-refleksii> (date of reference: 15.08.2023).
11. *Kobets E. A., Kobets S. N.* Labor organization as a sociotechnical system // *Izvestiya SFU. Technical sciences*. 2011. No.11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-truda-kak-sotsiotehnicheskaya-sistema> (accessed: 08/15/2023).
12. *Skurikhina T. G.* Management of economic security of sociotechnical systems / T. G. Skurikhina // *Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. - 2009. – No. 10. – PP. 25-32. – EDN NBPFR.
13. *Self-organization and intellectual management of the development of sociotechnical systems. Part 1: The state and ways of solving the problem / V. N. Dobrynin, S. V. Ulyanov, M. V. Lobacheva [et al.] // System analysis in science and education*. - 2010. – No. 3. – PP. 12-42. – EDN MUTNEL.

14. *Glukhova A. D.* The use of digital technologies in the management of sociotechnical systems: a unified biometric system in Sheremetyevo International Airport JSC / A.D. Glukhova, V. S. Kazakova // Actual problems of science: students' view : Materials of the All-Russian Student Scientific Conference with international participation. In 2 parts, St. Petersburg, January 18, 2022. Volume Part 1. – St. Petersburg: A.S. Pushkin Leningrad State University, 2022. – pp. 257-259. – EDN NLSAYC.
15. *Karatkevich S. G.* Social technologies of management of sociotechnical systems: problems and solutions / S. G. Karatkevich, V. N. Dobrynin, E. A. Okladnikova // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Socio-economic Sciences. – 2011. – Vol. 11, No. 3. – pp. 94-102. – EDN OIGBNR.
16. *Davlikanova N. V.* The role of information management in the documentation support of management / N. V. Davlikanova, M. K. Belova // Bulletin of the Tver State Technical University. Series: Social Sciences and Humanities. – 2015. – No. 3. – pp. 193-197. – EDN VLQRVD.
17. *Trifonova T. A.* The role of information systems in management / T. A. Trifonova, M. E. Chaganova // Society and economics of knowledge, capital management : Materials of the XI International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, May 29-30, 2020 / Scientific editor V.V. Ermolenko. Volume Issue 11. – Krasnodar: Kuban State University, 2020. – pp. 103-112. – EDN WZVQSI.
18. *Drucker P. F.* The practice of management. N.Y.: Harper & Brothers Publ., 1954. 416 p. (Russ. ed.: Drucker, P. Praktika menedzhmenta. Moscow: Williams Publ., 2003. 398 p.).
19. *Tsvetkova V. A.* Features of information support in knowledge management systems on the example of the fuel and energy complex / V. A. Tsvetkova, A. I. Bachurin // Information resources of Russia. – 2018. – № 3(163). – Pp. 2-8. – EDN URQLSL.
20. *Morozov V. A.* Methods of information management and successful business / V. A. Morozov // Management and business administration. – 2020. – No. 3. – PP. 34-41. – DOI 10.33983/2075-1826-2020-3-34-41. – EDN UNIKWB.
21. *Gornostay L. Ch.* Information management: directions, goals and objectives / L. Ch. Gornostay, E. A. Ignatova // Problems and prospects of development of science and education in the XXI century : Materials of the International (correspondence) scientific and practical conference, Neftekamsk, April 25, 2022. – Neftekamsk: Scientific Publishing Center "World of Science" (IP Vostretsov Alexander Ilyich), 2022. – pp. 144-149. – EDN JBWTJG.
22. *Vashchuk A. E.* The role of information resources in business management and ensuring their reliable security / A. E. Vashchuk, V. O. Titov, I. A. Blagikh // Bulletin of TISBI. – 2019. – No. 1. – pp. 133-143. – EDN RZYBXO.

Ufimtsev Alexey Aleksandrovich – graduate student, Institute of Industrial Management, Economics and Trade, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia), Ufimtsev.aa@edu.spbstu.ru

Статья поступила в редакцию: 29.08.2023; принята к публикации: 06.10.2023.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Уфимцев А. А. Информационный менеджмент. Социотехнический подход. // Социогуманитарные коммуникации. – 2023. – № 3(5). – С. 42-49.

FOR CITATION:

Ufimtsev A. A. Informacionnyj menedzhment. Sociotekhnicheskij podhod. [Information management. Sociotechnical approach.] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2023. № 3(5). P. 42-49

УДК 316.421

ПОНЯТИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СИНЕРГЕТИКИ*М. Р. Зобова*

В данной статье автор анализирует такие понятия как естественно-научная и социальная синергетика, приводя в пример таких исследователей как Р. Клаузиус, В. П. Бранский, Ф. Шеллинг и других. С помощью применения химико-физических законов автор объясняет некоторые исторические явления.

Ключевые слова: социальная синергетика, социальные системы, саморегулирующиеся системы, диссипативная структура, конечная цель развития социума.

Мир можно рассматривать как совокупность систем. Существующие системы можно подразделить на малые, большие и саморазвивающиеся.

Малые (простые) системы — это системы порядка 10^3 элементов; большие (саморегулирующиеся) - до 10^6 элементов и саморазвивающиеся - $10^6 - 10^{14}$ элементов. Для малых систем суммарные свойства их частей исчерпывающе определяют свойство целого. Это, как правило, механические системы (паровые машины, станки, часы и т.д.). В XIX в. биологические и социальные системы пытались рассматривать тоже как механические, что было в корне не верно. Малые (простые) системы часто вообще не называют системами, а называют агрегатами.

Большие системы дифференцируются на относительно автономные подсистемы, в которых происходит массовое стохастическое взаимодействие элементов. Целостность такой системы предполагает наличие в ней особого блока управления, прямые и обратные связи между элементами и подсистемами. В технике такие системы представляют собой заводы-автоматы, системы управления космическими кораблями и т. п. В природе — это организмы, популяции, биоценозы. В обществе — социальные объекты и структуры. Целое здесь уже не исчерпывается свойствами частей; возникает системное качество целого. Часть внутри целого и часть вне целого обладает разными свойствами.

Например, подросток, взятый вне подросткового коллектива, обладает положительными характеристиками. Он не способен на хамство, насилие, агрессию. Рассматри-

ваемый в соответствующем бандитском коллективе, тот же подросток приобретает новые интегральные качества, присущие банде, такие как насилие над другими, хамство, агрессивность и т. п.

Сложные саморегулирующиеся системы можно рассматривать как устойчивые состояния еще более сложной целостности — саморазвивающиеся системы. Этот тип системных объектов характеризуется развитием, в ходе которого происходит переход от одного вида саморегуляции к другому. Этим системам присуща иерархия уровней организации элементов и способность порождать в процессе развития новые уровни. Причем каждый новый уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложившиеся, перестраивая их, в результате чего система обретает новую целостность. Примеры саморазвивающихся систем: биологические и социальные объекты, рассматриваемые в аспекте их функционирования и развития, эволюция Вселенной (теория Большого Взрыва) и т. п. [1].

Строгое определение системы дать крайне трудно, поэтому его следует принять исходным и до конца неопределяемым. Под системой подразумевается совокупность элементов, их взаимосвязей и взаимодействий, благодаря которым возникают новые целостные, интегральные свойства, которые присущи целому и отсутствуют у отдельных элементов. Например, кучу металлолома можно считать малой системой или агрегатом, так как ее размер, масса, плотность и т. д. складываются из размеров, масс и плотности частей, ее составляющих. Автомобиль же можно рассматривать как боль-

шую (саморегулирующуюся) систему, так как ее элементы находятся во взаимодействии и определяют такие свойства автомобиля как целого, которые отсутствуют у отдельных его частей, например, свойство движения.

Наименьшие единицы системы называют элементами, большие автономные ее части — подсистемами. Хотя, конечно же, различие — это весьма относительно. Так, если взять человеческий организм за систему, то такие его крупные автономные части, как

эндокринная система, сердечно-сосудистая, пищеварительная и др., можно рассматривать как подсистемы, а органы в подсистемах — как элементы. Но если мы возьмем отдельный орган, то его можно считать подсистемой, а клетки, его составляющие, — элементами.

Каждая система взаимодействует с другими системами. Системы, с которыми данная система взаимодействует непосредственно, называют внешней средой системы.

Существующие системы можно подразделить на открытые и закрытые (изолированные). Открытые системы - это системы, обменивающиеся с окружающей средой веществом или энергией, или информацией, или и тем, и другим, и третьим, причем, когда речь идет о социальных системах, то подразумевают только обмен информацией. Закрытые системы - это системы, не обменивающиеся с окружающей средой ни веществом, ни энергией, ни информацией. Отличие между открытыми и закрытыми системами относительное. Так, открытые системы могут стать закрытыми, а закрытые перейти в ранг открытых.

В рамках тех или иных систем можно изучать обратимые, так и необратимые процессы. Обратимые процессы – это процессы, способные после определенного круга развития возвращаться к исходному состоянию, т. е. в системе не происходит никаких изменений во времени (движение планет по орбитам, колебание маятника и т. п.). Необратимые процессы не могут вернуть систему в исходное состояние, со временем в системе происходят существенные изменения (возникновение новых видов и исчезновение

старых, рассеяние тепла, химические реакции, социальные революции и т.п.).

Необратимые процессы впервые стали изучаться в классической физике, а точнее, в классической термодинамике, которая возникла в XIX в. из обобщения многочисленных фактов, описывающих явления передачи, распространения и превращения тепла. Было показано, что распространение тепла представляет собой необратимый процесс. Классическая термодинамика опирается на два закона или начала.

Первый закон термодинамики (Р. Клаузиус). Внутренняя энергия системы показывает, что тепло, полученное системой не исчезает, а затрачивается на увеличение внутренней энергии.

Второй закон термодинамики (Р. Клаузиус). Энтропия замкнутой системы при протекании необратимых процессов постоянно возрастает. Энтропия в замкнутой системе при протекании обратимых процессов постоянна, она то увеличивается, то уменьшается.

Понятие энтропии было введено Р. Клаузиусом. В переводе с греческого энтропия означает «поворот», «превращение». Под энтропией понимается хаос, беспорядок, дезорганизация в системе. Энтропия также подразумевает постепенное забвение частицами своей первоначальной асимметрии и переход к состоянию симметрии и энергетического выравнивания. По достижении максимума энтропии все макроскопические процессы в системе прекращаются, и система переходит в состояние полного теплового равновесия. Такое состояние называют «тепловой смертью», ибо никакие макроскопические процессы в таком состоянии оказываются невозможными. Множество составных элементов структуры данной системы переходит из состояния упорядоченности в состояние полного беспорядка (хаоса). Этот процесс с макроскопической точки зрения необратим. Например, если в сосуд, разделенный перегородкой на две части, помещенный в оболочку, исключаящую всякий обмен с внешней средой, налить жидкости, синюю и красную, а затем убрать перегородку в сосуде, то произойдет процесс диффузии, т. е. спонтанного перемешивания жид-

кости, в результате чего жидкость станет однородного бурого цвета. Возможен ли обратный процесс — разделения на первоначальные цвета? Опыт показывает, что невозможен, ибо это нарушило бы второй закон термодинамики. Однако один из создателей классической термодинамики австрийский физик Л. Больцман в XIX в. доказал, что хотя крупномасштабных (макроскопических) флуктуаций в замкнутой физической системе никогда не наблюдалось, но теоретически они возможны. Вероятность перехода от полученного хаоса к прежнему порядку не превышает вероятности того, что, например, обезьяна, произвольно стуча по клавишам пишущей машинки, отпечатает один из сонетов У. Шекспира.

Классическая термодинамика доказала, что в замкнутых системах практически невозможен процесс макроскопической самоорганизации (возникновения порядка из хаоса).

С 1947 по 1969 г. в физике происходило формирование новой термодинамики — термодинамики открытых систем. Самоорганизация, которая оказалась практически невозможной в замкнутых системах, оказалась возможной и реально происходящей в открытых системах. Центральной проблемой теории самоорганизации является проблема взаимоотношения хаоса и порядка. Различные типы хаоса и порядка нестабильны и склонны переходить друг в друга: то тут, то там упорядоченные структуры становятся неупорядоченными, а неупорядоченные — упорядоченными (порядок переходит в хаос, а хаос — в порядок).

С точки зрения физики смысл этих переходов состоит в «поиске устойчивости», т. е. достижении такого состояния, при котором переходы между состояниями системы прекращаются. Поиск устойчивого состояния проявляется в двух тенденциях: стремлении к максимально неупорядоченному состоянию (хаосу) в замкнутых системах и к тем или иным формам упорядоченности в открытых системах. Мерой беспорядка (дезорганизации) является энтропия (S), а мерой порядка (организованности) является отрицательная энтропия ($-S$), называемая негэнтропией, или информацией. Первая

тенденция выражается в законе возрастания энтропии в изолированной системе, а вторая тенденция — в законе уменьшения энтропии или возрастания негэнтропии в открытой системе.

Как уже отмечалось, грань между открытой и закрытой системой относительна: закрытая система может стать открытой вследствие нарушения ее изоляции; открытая система может стать закрытой вследствие изоляции ее от среды. Следовательно, рост энтропии может смениться ее уменьшением, а уменьшение — ростом.

В первой половине XX в. в естествознании был открыт целый ряд новых структур (диссипативных структур), лежащих в основе самоорганизующейся системы. К этим структурам можно отнести гидродинамические ячейки Бенара (1900 г.), «химические часы» Белоусова (1951 г.), брюсселятор И. Пригожина (1967 г.) и др. В качестве примера самоорганизующейся системы можно взять работу лазера, прибора, с помощью которого получают мощные оптические излучения. После включения лазера и подкачки его определенной порцией энергии частицы излучения вместо хаотического движения начинают колебаться сообща, в одинаковой фазе, вследствие чего мощность лазерного излучения многократно увеличивается, причем увеличивается несоизмеримо с количеством подкаченной энергии. Исследуя процессы, происходящие в лазере, немецкий физик Г. Хакен назвал это новое направление исследования синергетикой, что в переводе с древнегреческого означает «совместное действие», «взаимодействие».

Примером самоорганизации в естествознании могут служить химические реакции. Самоорганизация здесь связана с поступлением в систему из окружающей среды веществ, обеспечивающих реакцию и ее продолжение, с одной стороны, и выведением в окружающую среду продуктов реакции, с другой стороны. Внешне такая самоорганизация может проявляться в виде концентрических волн или в периодическом изменении цвета реагируемого раствора (например, с синего на красный, с красного на синий и т.д.). Подобную химическую реакцию поставил и подробно исследовал бельгий-

ский химик русского происхождения И. Р. Пригожин. Эта реакция была названа брюсселятором в честь города Брюсселя, где была поставлена. «Предположим, что у нас имеются молекулы двух сортов: «красные» и «синие». Из-за хаотического движения молекул можно было бы ожидать, что в какой-то момент в левой части сосуда окажется больше «красных» молекул, а в следующий момент больше станет «синих» молекул и т.д. Цвет смеси с трудом поддается описанию: фиолетовый с беспорядочными переходами в синий и красный. Иную картину мы увидим, разглядывая химические часы: вся реакционная смесь будет иметь синий цвет, затем ее цвет резко сменится на красный, потом снова на синий и т.д. Смена окраски происходит через правильные интервалы времени. Для того чтобы одновременно изменить свой цвет, молекулы должны каким-то образом поддерживать связь между собой. Система должна вести себя как единое целое» [2]. И. Пригожин подвел под эти и подобные открытия теоретическую базу, показав, что в природе существует совершенно новый способ стремления материальной системы к устойчивому состоянию — своего рода синтез порядка и хаоса, вместо их замены друг другом, как это считалось ранее. Выше упоминавшийся брюсселятор или химические часы могут служить ярким примером диссипативной структуры.

Специфика диссипативной структуры выражается в том, что ее существование поддерживается постоянным обменом со средой веществом, энергией или и тем и другим одновременно. При прекращении такого обмена диссипативная структура разрушается и исчезает. Термин «диссипация» означает рассеяние вещества и энергии. Самая важная особенность диссипативной структуры в том, что она сочетает порядок с хаосом. Установление порядка в диссипативной структуре (или системе) означает уменьшение ее энтропии, но оно происходит за счет увеличения беспорядка в окружающей среде, т. е. за счет роста энтропии среды. Диссипативная система отдает часть своей энтропии среде или, можно сказать, поглощает часть неэнтропии среды. Диссипативная структура (система) возникает и существует за счет

поглощения порядка из среды и, следовательно, усиления там хаоса.

Синергетика показала, что синтез порядка и хаоса, осуществляемый диссипативной структурой, состоит в том, что в ней упорядоченная структура не может существовать без неупорядоченной, порядок не может существовать без хаоса. Порядок и хаос вместо того, чтобы исключать друг друга, как это имеет место в «равновесных» системах (например, кристаллах), оказываются связанными — дополняют друг друга, так что ни порядок не может существовать без поддерживающего его хаоса, ни хаос без порождающего его порядка: «Хаос и порядок оказались связанными совершенно неожиданным образом» [3].

Таким образом, синтез порядка и хаоса в понятии диссипативной структуры имеет два аспекта: а) ее «порядок» существует лишь за счет «хаоса», вносимого в среду; б) благодаря своему «порядку» она приобретает способность адекватно реагировать на хаотические воздействия среды и этим сохранять свою устойчивость [4].

К свойствам диссипативной системы можно отнести открытость, неравновесность и нелинейность. Открытость означает способ обмена с внешней средой. Это может быть обмен веществом, энергией, информацией или тем и другим одновременно. Неравновесность предполагает наличие макроскопических процессов обмена энергией и информацией между элементами самой системы. Нелинейность — это способность самой системы к самодействию. Различают тройной смысл нелинейного характера связи действия с причиной. 1. Неоднозначность действия (стохастичность, нелинейность первого рода). 2. Диспропорциональность действия и причины (нелинейность второго рода). Так, малые воздействия на самоорганизующуюся систему могут привести к очень большим последствиям («мышь родит гору»), а большие - к совершенно незначительным («гора родит мышь»). Например, упавший из-под ноги маленький камушек, может вызвать в горах мощный обвал; или небольшая подкачка лазера энергией вызовет многократное усиление мощности его излучения. 3. Реактивность причины и действия

(их обратная связь, нелинейность третьего рода).

Иерархия диссипативных систем создает основу для возникновения разных степеней синтеза хаоса и порядка. Очевидно, что возможны переходы между диссипативными системами с различной иерархической структурой. Не все они обладают одинаковой устойчивостью. Есть, однако, среди них такой переход, который соответствует принципу максимальной устойчивости. Этот переход и образует то, что естественно назвать развитием. Таким образом, развитие можно определить, как рост степени синтеза порядка и хаоса, обусловленный стремлением диссипативной системы к максимальной устойчивости. И. Пригожин считал, что «Эволюцию можно рассматривать как проблему структурной устойчивости» [5].

Теперь следует попытаться ответить на вопросы о том, как происходит развитие, почему оно происходит и к чему оно стремится, какова его своего рода конечная цель.

Если предположить вслед за Ч. Дарвиным, что развитие есть отбор лучшего, жизнеспособного, прогрессивного, то тогда следует ответить на вопросы: 1) из чего производится отбор; 2) кто его производит; 3) с помощью чего он осуществляется. В. П. Бранский предложил ответы на эти вопросы, назвав первый ответ тезаурусом, второй — детектором, и третий — селектором.

Тезаурус в переводе означает «сокровищница», т. е. множество вариантов отбора, существующих в данной системе. Чем больше таких вариантов, тем больше шансов выбрать наиболее оптимальный вариант. Но как возникают эти варианты, какова их природа? Ответ на этот вопрос может дать понятие бифуркации.

Термин «бифуркация» происходит от английского слова *fork* — вилка. Под бифуркацией в синергетике понимается точка ветвления, деления, образование целого спектра возможных путей перестройки системы. Число ветвей, исходящих из данной бифуркационной точки, определяет набор новых возможных диссипативных структур, в любую из которых может перейти данная структура. Каждая из таких структур соответствует возможным отношениям между

элементами системы. Каждая из них есть результат нового возможного кооперативного эффекта. Этот эффект есть самосогласованное взаимодействие элементов реально существующей (исходной) самоорганизующейся системы. Поэтому набор новых возможных диссипативных структур есть набор новых возможных самосогласованных взаимодействий. Прохождение системы через точку бифуркации означает совершение системой выбора того или иного варианта дальнейшего развития. Совершенный выбор закрывает иные пути и делает тем самым эволюционный процесс необратимым. Идея бифуркации имеет глубокие аналогии в культуре. Все помнят сказочного богатыря, стоящего в задумчивости на перекрестке дорог, и выбор им пути должен определить его дальнейшую судьбу. Эволюция биологических видов может быть представлена в виде эволюционного дерева, с ветвящимися путями эволюции живых существ.

Однако прохождение системы через точку бифуркации и сам выбор может быть реализован только тогда, когда система находится в критическом состоянии, в состоянии неравновесности, нестабильности. И. Пригожин писал: «В равновесии материя слепа, а вне равновесия прозревает» [6].

Фундаментальным принципом самоорганизации является возникновение порядка через флуктуации. Флуктуации — это случайные отклонения системы от некоторого среднего положения. Вначале, когда система еще достаточно стабильна, флуктуации подавляются системой. В открытых системах благодаря обмену с окружающей средой возрастает неравновесность, флуктуации накапливаются, что со временем приводит к «расшатыванию» прежнего порядка и необходимости построения нового. Флуктуации носят случайный характер, поэтому ряд ученых предполагает, что появление нового в диссипативных системах связано с действием случайных факторов. Вспомним детскую сказку о репке. Посадил дед репку, а вытащить ее из земли, когда она выросла и созрела, не может. Стал он искать себе помощников: бабку, внучку, собаку Жучку, кошку (отдельные флуктуации) и, наконец, мышку. Казалась бы, у мышки меньше всего

сил, но именно она явилась той последней каплей (флуктуацией), которая «расшатала» и разрушила систему (репку в земле).

Создается впечатление, что переход к новой структуре в точке бифуркации ничем не детерминирован, случаен. Однако, присмотревшись внимательно, можно увидеть, что ответственность за выбор ложится на внутреннее взаимодействие между элементами системы, которое выполняет роль детектора. Детектор — тот, кто осуществляет выбор. Взаимодействие представляет собой столкновение противодействующих причин, часть из которых находится в отношении конкуренции, а другая часть в отношении кооперации. Конкуренция — деятельность в различных или даже противоположных направлениях. Кооперация — деятельность в одном направлении или совместная деятельность. Результат отбора будет определяться в общем случае равнодействующей всех взаимодействующих причин. Эта равнодействующая будет определяться не только качественным, но и количественным аспектом взаимодействия (соотношением сил). Но от чего будет зависеть само взаимодействие между элементами?

От внешнего воздействия на систему со стороны среды (случайные флуктуации).

От собственной активности элементов системы (субвнутреннее взаимодействие).

От всей истории взаимодействия между элементами в прошлом, а не только от состояния системы в предшествующий данному состоянию момент.

На первый взгляд кажется, что для осуществления выбора вполне достаточно тезауруса и детектора. Однако один и тот же детектор может выбрать из одного и того же тезауруса разные элементы, если он будет руководствоваться разными установками, а разные детекторы из разных тезаурусов могут выбрать одно и то же, если их установки совпадают.

Поэтому следует ввести третий фактор отбора — селектор, который является руководящим правилом, на основании которого осуществляется выбор. В диссипативной системе в качестве такого правила может выступать объективный закон, которому подчиняется взаимодействие. Таким законом

является принцип устойчивости. В диссипативных системах «поиск устойчивости играет роль естественного отбора» [7].

Необходимыми и достаточными условиями отбора является сочетание тезауруса, детектора и селектора. Получается следующая картина отбора. Случайные количественные изменения, накапливаясь и достигая критического порога, создают для отбора новый в качественном отношении материал. Закон устойчивости, которому это взаимодействие подчиняется, производит предварительную сортировку материала, выполняя роль фильтра. Результатом отбора является мутация или флуктуация, которая подталкивает систему к реализации одной из бифуркационных структур. Тезаурус, детектор и селектор действуют совместно и сливаются в процессе отбора в нечто единое. Оно и придает процессу отбора вид случайности и непредсказуемости. Для тех, кто не знает описанных факторов отбора и их взаимоотношения, появление нового качества как комбинации элементов замысловатой структуры кажется иррациональным актом, не поддающимся рациональному объяснению [8].

Проблемы, рассматриваемые в теории самоорганизации (синергетике), выходят за рамки физических и химических процессов; они затрагивают также биологические и социальные процессы. В результате ряда обобщений теория самоорганизации приобрела общенаучный характер.

В 90-х годах XX в. стала формироваться социальная синергетика, а к началу XXI в. она приобретает форму концепции синергетического историзма, которая отражает закономерности социальной организации.

Надо различать: 1) естественнонаучную и социальную синергетику; 2) прикладную и фундаментальную социальную синергетику; 3) модельный и концепционный подходы к фундаментальной социальной синергетике [4]. Для модельного подхода характерно рассмотрение одной из сторон процесса самоорганизации. Например, модель самоорганизации как чередование двух «режимов с обострением» — LS и HS режимов. В социальной области чередование таких режимов соответствует чередованию лока-

лизации и децентрализации, централизации и децентрализации и т. п. Анализ этих процессов показывает, что они являются важными компонентами таких более общих и сложных процессов, как иерархизация и деиерархизация диссипативных структур. Описанная модель относится к явлению самоорганизации, но ничего не говорит по поводу ее сущности и конечной цели (к чему она стремится) [10]. При этом не ставится задача комплексного рассмотрения всех категорий фундаментальной социальной синергетики с целью раскрытия их взаимосвязи и взаимодействия. Напротив, концепционный подход ставит своей главной целью построение системы фундаментальных понятий этой синергетики. Для этого он подходит к предмету фундаментальной социальной синергетики всесторонне, включая в сферу своего рассмотрения как явления самоорганизации, так и их сущность, и конечную цель. Таким образом, в своей развитой форме фундаментальная социальная синергетика неизбежно принимает форму концепции синергетического историзма.

Социальная синергетика исследует общие закономерности социальной самоорганизации, т. е. взаимоотношения порядка и хаоса. Синергетика — теория развития, но она вносит нечто новое и существенное в традиционное понимание развития. Традиционная теория (диалектическая концепция Г. Гегеля, К. Маркса и др.) рассматривала развитие как процесс перехода от одного порядка к другому. Хаос при этом вообще не учитывался или расценивался негативно. Для синергетики характерно представление о хаосе как о таком же закономерном процессе развития, как и порядок. Развитие рассматривается как многократное чередование хаоса и порядка. В синергетической концепции хаос рассматривается как обладающий творческой силой рождать многообразие, а на его основе — новый порядок. При этом рождение нового порядка не нуждается в какой-то внешней силе, а имеет спонтанный характер. Изучение взаимоотношений хаоса и порядка не сводится к исследованию их взаимопереходов. Оно предполагает изучение синтеза хаоса и порядка, т. е. изучение вопроса о том, каким образом стираются

различия между хаосом и порядком [4]. Простейшая форма такого синтеза диссипативная структура.

В отличие от равновесной структуры, диссипативная структура может существовать лишь при условии постоянного обмена со средой веществом, энергией и информацией.

Посредством этого обмена она поддерживает свою упорядоченность за счет усиления беспорядка во внешней среде. Синтез хаоса и порядка в диссипативной структуре имеет два аспекта: а) «порядок» этой структуры существует лишь за счет «хаоса», вносимого в окружающую среду; б) благодаря своему «порядку» диссипативная структура приобретает способность адекватно реагировать на хаотические воздействия внешней среды и этим сохранять свою устойчивость.

Главная специфика социальных диссипативных структур, в отличие от физических диссипативных структур, состоит в том, что первые могут существовать только при условии обмена не только веществом и энергией, но и информацией. Количественно информация измеряется негэнтропией ($I = -S$) как мерой упорядоченности. Информация как совокупность смыслов появляется только тогда, когда происходит раздвоение материального объекта на знак и значение. Информация как совокупность смыслов представляет собой нечто идеальное, противоположное материальному. Информация подразделяется на констатирующую и оценочную. Специфика социальных диссипативных структур (в отличие от биологических) состоит в том, что они могут существовать при обмене с окружающей средой не только веществом и энергией, но и оценивающей информацией. Это выражается в том, что люди руководствуются в своей деятельности и выборе идеалами и системами ценностей. В социальной синергетике, как и в физической, надо поставить вопрос, как протекает самоорганизация, почему она существует, куда в конечном счете, приводит. Эти три проблемы В. П. Бранский определяет, как самоорганизованную критичность [12], телеологическую причинность и существование суператтрактора.

Богатый опыт социального развития на протяжении многих тысячелетий однозначно свидетельствует в пользу того, что социальная самоорганизация выступает как чередование двух исключаящих друг друга процессов — иерархизации и деиерархизации.

Иерархизация представляет собой последовательное объединение элементарных диссипативных структур в диссипативные структуры более высокого порядка; деиерархизация — последовательный распад сложных диссипативных структур на более простые. Практически это проявляется в периодическом образовании грандиозных империй и их последующем катастрофическом распаде. Подобная картина наблюдается не только в сфере политических, но и любых других социальных институтов.

Самоорганизованная критичность состоит в переходах между простым и странным аттракторами, образующими критические точки в процессе самоорганизации. Это чередование процессов порядка и хаоса, иерархизации и деиерархизации диссипативных структур. Диссипативные структуры могут объединяться в разной последовательности, по разным правилам, в результате чего возникают сложные иерархические системы разного типа. В случае деиерархизации диссипативная система может распасться на более простые разные способы, в результате этого в роли простейших структур могут оказаться диссипативные структуры разного типа. Причем при каждом новом распаде (деиерархизации) образуются различные элементарные структуры.

Спектр направлений, в которых может протекать иерархизация или деиерархизация, отнюдь не произволен; он задается природой той системы, которая претерпевает указанную эволюцию. Как мы уже знаем, он определяется бифуркацией, т. е. разветвлением старого качества на конечное множество вполне определенных потенциально новых качеств. Переход социальной системы от одного состояния к другому требует выбора из множества возможных новых структур какой-то одной.

Цепочка бифуркаций может не только увести самоорганизующуюся систему от исходного состояния, но и вернуть ее в это со-

стояние. Для конкретной системы, взаимодействующей с конкретной средой, существует свой аттрактор — предельное состояние, достигнув которого система уже не может вернуться ни в одно из прежних состояний. Процесс иерархизации в условиях взаимодействия с внешней средой не может продолжаться бесконечно: достигнув некоторого предельного состояния (простой аттрактор), он останавливается. То же самое происходит и с процессом деиерархизации: распад системы заканчивается, достигнув некоторого предельного состояния (странный аттрактор).

Таким образом, диссипативная структура претерпевает множество бифуркаций, как бы балансируя между простыми и странными аттракторами.

Обратимся теперь к еще одному важному понятию синергетики — понятию аттрактора. Это понятие происходит от английского термина *attract*, что переводится, как «привлекать, притягивать». Можно сказать, что понятие «аттрактор» близко к понятию цели. Это понятие можно раскрыть как целеподобность, направленность поведения системы, как устойчивое конечное состояние. В синергетике под аттрактором понимают относительно устойчивое состояние системы, которое как бы притягивает к себе все многообразие траекторий системы, определяемых разными начальными условиями.

Перейдем теперь к смыслу проблемы причинности или к вопросу, почему имеет место самоорганизация. Проблема эта сводится к выбору вариантов развития. Мы уже показали, что движущей силой самоорганизации является отбор, соединяющий в себе три фактора: тезаурус, детектор и селектор.

Перейдем теперь к последнему вопросу, к вопросу о конечной цели самоорганизации, к проблеме суператтрактора [13].

Сперва представляется, что данный вопрос не имеет смысла, ибо все, что создается, затем разрушается, не оставляя после себя никакого следа. Существует ли вообще высший, глобальный предел усложнения системы, который реально недостижим и выступал бы как некий сверхидеал (суператтрактор)? И. Пригожин дает на этот вопрос

отрицательный ответ: «Сложность в природе невозможно свести к некоторому принципу глобальной оптимальности; потому пределов для структурной устойчивости не существует» [14].

Но можно поставить вопрос о том, существует ли обратная связь между результатами отбора и самим механизмом отбора. Можно ли говорить об отборе самих факторов отбора, т. е. отборе тезауруса, детектора и селектора – об осуществлении суперотбора. Так, если в тезаурусе оказываются более сложные структурные образования, а в роли детектора выступает более квалифицированное взаимодействие, подчиняющееся более мудрому закону, то результат отбора будет резко отличаться по своему качеству от предыдущих.

Возникает также вопрос, к чему приведет постоянный рост степени синтеза порядка и хаоса в процессе развития диссипативных структур. Существует ли конечный итог в таком росте? Максимальная устойчивость диссипативной структуры может быть достигнута только, когда исчезнет различие между хаосом и порядком. Полный синтез порядка и хаоса, при котором пропадет различие, и будет означать возникновение диссипативной структуры, устойчивой по отношению к любым изменениям внешней среды. Это будет движение к глобальному аттрактору, т. е. суператтрактору. Как, однако, можно представить себе суператтрактор? Из вышеизложенного понятно, что должен существовать недостижимый предел культурного развития человечества (предел технического и художественного развития).

Во-первых, это есть не что иное, как абсолютное техническое произведение. Это можно назвать сферой полного господства коллективного разума или ноосферой. Во-вторых, это есть абсолютное художественное произведение. Это можно назвать общезначимым чувством или эстетосферой. Следовательно, суператтрактор можно определить, как синтез ноосферы и эстетосферы, т.е. синтез величественного технического и величественного художественного ансамблей.

В результате такого синтеза человек с его относительной свободой и моралью

превратится в сверхчеловека с абсолютной моралью и свободой. Если суператтрактор, в соответствии с идеями социальной синергетики, действительно должен сформироваться, тогда смысл глобальной социальной самоорганизации (смысл всемирной истории) состоит в супермензе - формировании сверхчеловека и сверхчеловечества и переходе к сверхжизни. Под сверхжизнью В. П. Бранский понимает управление глобальной социальной системы суператтрактором.

В связи с рассмотрением проблемы суператтрактора получает решение древняя философская проблема о возможном конце человеческой истории. У всемирной истории в одном отношении есть конец, а в другом такого конца нет. С одной стороны, должен существовать предел культурного развития человечества, но, с другой стороны, движение к этому пределу должно быть бесконечно. При приближении к этому пределу человечество разрешает свои социальные противоречия. Но разрешение одних противоречий порождает новые. Суперотбор минимизирует вновь возникающие противоречия (мы извлекаем уроки из своей истории). Благодаря такой тенденции и возникает возможность бесконечно приближаться к суператтрактору, не достигая его никогда за конечный промежуток времени. Аналогами суператтрактора в литературе и философии выступают: «рай» Данте, легендарная «Шамбала» Н. Рериха, «точка Омега» Тейяра де Шардена, «мировой дух» Г. Гегеля, «универсальная воля» А. Шопенгауэра и др.

При большой внешней схожести не стоит, однако, отождествлять суператтрактор с целевой причиной Аристотеля или с Богом. Подобное отождествление будет некорректным по ряду причин.

Стремление социальной системы к суператтрактору обусловлено ее стремлением к максимальной устойчивости. Стремление к устойчивости может проявиться в виде стремления к цели, а может вообще быть с ней не связано.

Суператтрактор есть предельное состояние самоорганизующейся социальной системы. Такое состояние есть результат столкновения разных целенаправленных

действий, могущих мешать осуществлению друг друга. А потому в этом отношении движение к суператтрактору бесцельно.

Суператтрактор, в отличие от Аристотелевой причины, является зависимым от действующих причин, ибо является продуктом сложного и тонкого внутреннего взаимодействия элементов системы и внешнего взаимодействия системы с окружающей средой [12].

Проблема суператтрактора выходит за рамки физической синергетики и становится в полной мере проблемой синергетики социальной. Создание социальной синергетики позволяет по-новому рассмотреть и разрешить такие проблемы, как историческое развитие человечества, проблемы свободы, религии, смысла человеческой истории и др., при этом освобождая их от спекулятивности и умозрительности и придавая ясный эмпирический смысл.

Чтобы оценить должным образом научное и практическое значение социальной синергетики, следует сравнить синергетическое понимание истории (синергетический историзм) с известными историческими концепциями, которые условно подразделяют на классические (V-XIX вв.) и модернистские (конец XIX-XX вв.). Первые в свою очередь можно подразделить на три группы: концепции божественного проявления (Августин, Аврелий и др.), концепции исторического круговорота (Дж. Вико и др.) и концепции глобального прогресса (Ж. Кондорсе, И. Гердер, Г. Гегель, О. Конт, К. Маркс и др.) Вторые (модернистские) концепции подразделяются на две группы: концепции локальных цивилизаций (Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин и др.) и абсолютного хаоса (философский деконструктивизм последней трети XX в.).

Социальная синергетика представляет собой возрождение концепции глобального прогресса. Однако это уже не тот бесконечный прямолинейный прогресс, о котором говорили основоположники прогрессизма. В социальной синергетике прогресс приобретает нелинейный и асимптотический (бесконечного приближения) характер. Более того, этот прогресс вырастает на руинах эво-

люции локальных цивилизаций, и само его формирование невозможно без такой эволюции. Картина глобального прогресса усложняется еще и в том отношении, что прогрессивное развитие выглядит теперь как чередование порядка и хаоса. Хаос органически вплетается в картину прогресса, но при этом сохраняет свой творческий характер, порождая новый порядок.

Наконец, картина глобального прогресса под определенным углом зрения выглядит как появление абсолютного человека в образе сверхчеловека. Под «абсолютным человеком» подразумевается духовная общность людей всех поколений, живших в прошлом, живущих в настоящем и тех, которые будут жить в потенциальном будущем.

В отличие от обычного исторического человека, обладающего относительной свободой и относительной моралью, сверхчеловек является носителем абсолютной свободы и абсолютной морали. Последняя должна представлять итог совершенствования человеческой морали на протяжении всей мировой истории. Поэтому она совпадает с общечеловеческой моралью в самом общем смысле [4].

Затрагивает социальная синергетика и интересующую всех проблему «смысла истории». Но прежде чем попытаться ответить на вопрос о смысле истории, надо уточнить саму постановку этого вопроса. С точки зрения В. П. Бранского, обсуждаемая проблема сводится к трем вопросам: существует ли доминирующее направление в развитии событий в мировом историческом процессе; существует ли в этом направлении конечный пункт; (если такой пункт существует) достигим ли он за конечный исторический период или нет?

Вопрос о направлении социальной истории не следует рассматривать изолированно от вопроса о направлении развития природы. Направление развития в природе определяется законом суперотбора. Специфика суперотбора применительно к социальной сфере состоит в действии через посредство закона дифференциации и интеграции идеалов. Смысл этого закона состоит в постепенном формировании и реализации абсолютно, т. е. общечеловеческого идеала. Этот

процесс и составляет основную тенденцию в развитии общества, причем именно она определяет основополагающее направление социального развития. Это процесс, однако, невозможен без борьбы и смены частно-человеческих идеалов. В ходе этой борьбы идеалы вначале расцветают, а затем неизменно терпят крушение. К. Ясперс определил историю как «кладбище идеалов». В ходе крушения идеалов отбрасываются их частные черты и сохраняются общечеловеческие.

Поэтому смысл борьбы идеалов заключается в идеализации самих идеалов, в результате чего из множества терпящих крушение частных идеалов постепенно формируется и реализуется общечеловеческий (абсолютный) идеал. Без периодического испытания на прочность относительных идеалов невозможно уяснить себе содержание абсолютного идеала, ибо крах утопических черт в частных идеалах означает выделение инвариантов (общего, неизменного) в идеалах разных народов и эпох.

Упомянутый выше суператтрактор есть не что иное, как результат реализации общечеловеческого идеала. Этим и объясняется его устойчивость — «абсолютное художественное произведение» (Ф. Шеллинг) или «нетленный космос красоты» (В. Соловьев). Мировая история, т. е. процесс социальной самоорганизации, может поэтому рассматриваться как глобальное художественное творчество. В роли творца в данном случае выступает человечество в целом, а в роли художественного произведения — весь преобразованный человеком мир.

Синергетический подход существенно продвинул вперед разработку проблемы свободы и необходимости. Жизнь и творческую деятельность человека можно представить, как цепочку бифуркаций. В каждой такой точке человек должен сделать выбор из множества возможных сценариев какого-то одного. Набор таких сценариев (возможностей данной системы) в точку бифуркации ограничен и не зависит от воли человека. Суть самоорганизации социума состоит в том, что нельзя ни прибавить к заданному набору сценариев дополнительный сцена-

рий, ни убрать какой-то из потенциально возможных сценариев.

Понятно, что, выбирая, к примеру, сценарий a_1 , человек выбирает тем самым в будущем новый набор сценариев v_1 и v_2 ; выбирая же, к примеру, a_3 человек выбирает новый набор из четырех сценариев v_3 , v_4 , v_5 , v_6 . Таким образом, выбор, который осуществляется в точке бифуркации, влияет на характер будущих возможностей для новых актов выбора. В данном случае наглядно проявляется единство свободы и необходимости, которое дает социальная синергетическая концепция. Свобода личности заключается именно в возможности осознанного выбора из определенного для данной системы набора сценариев (необходимость) [17].

Сама возможность выбора является необходимым, но не достаточным признаком свободы. Для того чтобы эта возможность стала не только необходимым, но и достаточным признаком свободы, необходимо выполнение двух дополнительных условий.

Во-первых, выбор должен быть самопроизвольным, а не вынужденным (продиктованным какой-то внешней силой). Самопроизвольность означает, что выбор производится на основе собственной ценностной установки (собственного идеала). Во-вторых, выбор должен быть сознательным, а не бессознательным (неосозанным, случайным). При таком строго научном понимании свободы свобода личности освобождается от иррационалистической и даже мистической интерпретации.

Из вышесказанного понятно, что синергетическая философия свободы принципиально отличается от той философии свободы, которая получила широкое распространение в новоевропейской философии (XIX-XX вв.) и которую условно можно обозначить термином «иррациональный персонализм» (С. Кьеркегор, Н. Бердяев, Л. Шестов, А. Камю и др.). Основная идея иррационального персонализма состоит в том, что приоритет человеческой деятельности, связанной с выбором, отдается индивидуальному (уникальному, неповторимому), а не общезначимому (рациональному). На сегодняшний день в отечественной философии

подобные идеи развивает В. Н. Сагатовский [18].

Исходным принципом синергетической философии свободы является подчеркивание качественного отличия человеческого выбора от выбора в биологическом мире. Это отличие состоит в характере селектора для отбора — тропизмы у растений, инстинкты у животных и ценностные ориентиры (в конечном счете — идеалы) у людей. Под тропизмами и инстинктами подразумеваются определенные правила приспособления к миру, а под идеалами — правила преобразования мира. Первые связаны с конформизмом, а вторые с трансформизмом.

В случае ценностных ориентиров существуют два типа селекторов — индивидуальные идеалы и общезначимые (коллективные, массовые) идеалы. Следствием этого является два типа выбора: 1) индивидуальный выбор, связанный с деятельностью одиночки, действующего независимо от других членов общества на свой страх и риск; и 2) «синергичный» выбор, когда человек из нескольких возможных действий в данной объективной ситуации выбирает одно определенное действие, руководствуясь при этом идеалом, общим у него с другими людьми. Такой выбор называют солидарным или соборным. Вспомним, что само слово «синергия» означает совместную деятельность, в отличие от энергии — индивидуальной деятельности.

Основная идея свободы в синергетике состоит в том, что грань между индивидуальным и общезначимым идеалом не абсолютна, а относительна.

Это означает, что индивидуальный идеал со временем может приобрести необычайную популярность и стать общезначимым, а общезначимый идеал может постепенно потерять свое влияние и вновь стать достоянием одиночки. Таким образом, в истории происходит периодическая синергизация индивидуального. Пока же индивидуальное является абсолютно «уникальным» и «неповторимым», оно остается интересным только для своего обладателя и не имеет никакого общественного значения, а тем самым не представляет и никакой общественной ценности. Только приобретая

общезначимый характер, индивидуальное начинает интересовать и других, только тогда оно создает социальные ценности и благодаря этому начинает вносить вклад в культуру. Однако иррациональный персонализм считает появление нового индивидуального самоцелью, поскольку оно якобы обладает самоценностью.

Основной ошибкой иррационального персонализма можно считать абсолютизацию индивидуального, при которой отрицается диалектический характер взаимоотношения индивидуального и общезначимого (способность этих противоположностей переходить друг в друга).

Отметим, что человек в принципе может быть свободен не только в либеральном, но и в деспотическом, авторитарном и даже тоталитарном обществе. Это возможно тогда, когда он делает выбор под влиянием такой индивидуальной ценностной установки, которая совпадает с ценностной установкой правящего диктатора. Например, граждане СССР, искренне верившие в коммунистический идеал и служившие ему верой и правдой, идя на громадные жертвы во имя реализации этого идеала, были свободными в точном научном смысле этого слова [19]. Несвободными были те члены советского общества, которые не верили в коммунистический идеал и были вынуждены делать выбор на основе насильственного навязывания этого идеала. Они верили в другие идеалы (либеральный, христианский и т.п.), но не имели возможности сделать свой выбор в соответствии с требованиями этих идеалов.

Степень возможности беспрепятственного выбора тем больше, чем ближе индивидуальный идеал к общезначимому. Вот почему, живя в обществе, нельзя быть свободным от него. Чем более «синергичен» выбор, тем более свободной является личность, тем больше у нее возможностей для самовыражения и самоутверждения.

Отметим, что еще одно заблуждение иррационального персонализма состоит в игнорировании синергетики выбора, т. е. выбора на основе общезначимого идеала. Подлинная роль уникальности «я» в истории состоит именно в придании этой уникальности «синергичного» характера, а не в выпя-

чивании своей исключительности и непохожести на других.

Объективное взаимодействие свободных личностей в обществе обязательно включает в себя идеалы этих личностей. Поскольку идеалы разных групп различны, то выбор сценария развития социальной системы определяется не какой-то одной социальной группой (социальной силой), а соотношением сил, взаимодействием всех групп. Это взаимодействие объективно в том смысле, что оно существует до, вне и независимо как от индивидуального, так и от коллективного сознания, познающего это взаимодействие субъекта (историка, группы историков). Таким образом, социальная реальность обязательно содержит в качестве одной из важнейших компонент и набор идеалов свободных личностей.

Творческую деятельность личности как последовательность актов выбора в точках бифуркаций можно рассматривать как частный случай управления. Управление есть последовательность актов выбора из множества возможных решений в социуме какого-то одного решения. Управление зависит отчасти от того, как делается выбор, а отчасти от того, какие бифуркации поставляет социальная самоорганизация. Примерно половина успеха зависит от бифуркаций, а вторая половина — от степени познания бифуркаций и ценностных установок, на основе которых делается выбор. Способность правильно определить объективный набор бифуркационных сценариев и эффективно использовать соответствующую ценностную установку для удачного выбора нужного сценария и составляет процесс управления.

Управление самоорганизующейся системой — это сложный, неоднозначный процесс, но приводящий к оптимальному результату. Ранее существовавший традиционный подход к управлению сводился к схеме: управляющее воздействие — желаемый результат; причем, чем больше прилагаешь усилий, тем больше отдача. Такое представление об управлении было не просто упрощенным, но и малорезультативным. Оно поставило мир перед лицом ядерной войны и экологической катастрофы.

Синергетика показала новый более результативный путь. Во-первых, раз существует множество путей развития, то путь развития не предопределен, не единственен. У человечества есть право выбора лучшего, оптимального для него пути развития.

Во-вторых, хотя путей развития социальной системы и много, но их количество все же не бесконечно. Знание ограничений, т. е. того, что в принципе нельзя осуществить в данной системе, — это само по себе очень ценное знание. Так, к примеру, нельзя изобрести вечный двигатель, черпать энергию из ничего и т.д.

В-третьих, человек может рассчитать желательные, оптимальные и осуществимые сценарии развертывания событий. Зная будущее желательное состояние и способы следования естественным тенденциям самоорганизующейся системы, человек может сократить время выхода на аттрактор будущей формы организации и тем самым избежать многих зигзагов эволюционного пути.

Но как же этого можно достичь? В каждом процессе развития системы есть определенная стадия, где система особенно чувствительна к воздействиям, согласованным с ее внутренними свойствами (резонансные воздействия). Резонансное воздействие означает, что важна не величина, не сила воздействия на систему, а его правильная пространственно-временная организация, «архитектура». Слабое, но резонансное воздействие, как правило, более эффективно. Если мы будем «укалывать» систему в нужном месте и в нужное время, согласно ее собственным структурам возбуждения, то она будет развертывать перед нами желаемые сценарии. Такой подход к управлению позволяет определить эффективные способы воздействия человека на природу, способы реконструирования общества, способы достижения оптимальных результатов в экономике и т. д. Здесь мы четко видим проявление нелинейной зависимости: минимальное воздействие, затраты приводят к оптимальному результату [20].

В заключение отметим, что синергетический историзм принимает существующие противоречивые тенденции в общественном развитии такими, какие они есть, и объясня-

ет их с помощью новых закономерностей. И не только объясняет, но и предсказывает с помощью этих закономерностей направление, в котором должно развиваться человечество и общество. С помощью концепции синергетического историзма впервые уда-

лось решить проблему смысла существования человека и проблему конечной цели развития общества, без каких бы то ни было искусственных спекуляций в рамках последовательного научного мировоззрения.

Список источников и литературы

1. *Степин В. С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. №8. С. 5-17.
2. *Пригожин И. Р., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986.
3. *Ахромеева Т. С., Курдюмов С.П., Малинецкий Г. Г.* Парадоксы мира нестационарных структур // Новое в жизни, науке, технике. Математика, кибернетика. М., 1985. С. 29.
4. *Бранский В. П., Пожарский С. Д.* Социальная синергетика и акмеология. Теория самоорганизации индивидуума и социума. СПб., 2001. С. 6.
5. *Николаев Г., Пригожин И.* Самоорганизация в неравновесных системах. М., 1979. С. 22.
6. *Пригожин И. Р.* Философия неустойчивости // Вопросы философии. 1991. С. 50.
7. *Николис Г., Пригожин И.* Познание сложного. М., 1990. С. 89.
8. *Бранский В. П.* Искусство и философия. С. 506.
9. *Василькова В. В.* Порядок и хаос в развитии социальных систем. Синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб., 1999. С. 173-181.
10. *Бранский В. П.* Философия физики XX в. С. 78-90.
11. *Пригожин И.* От существующего к возникающему. М., 1985. С. 137.
12. *Брайский В. П.* Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // ОНС. 1999. №6. С. 120.
13. *Сагатовский В. Н.* Философия развивающейся гармонии. СПб., 1999.
14. *Каган М. С.* О времени и о себе. СПб., 1998. С. 45-50.
15. *Князева Е. Н.* Случайность, которая творит мир: Новые представления о самоорганизации в живой природе и обществе // В поисках нового мировидения: И. Пригожин, Е. и Н. Рерихи. М., 1991. №7. (Сер. Философия и жизнь.)

Зобова Мария Романовна – кафедра социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), mrzobova@mail.ru

THE CONCEPT OF NATURAL SCIENCE AND SOCIAL SYNERGETICS

M. R. Zobova

In this article, the author analyzes such a concept as natural science and social synergetics, citing as an example such researchers as R. Clausius, V. P. Bransky, F. Schelling and others. Using the application of chemical-physical laws, the author explains some historical phenomena.

Keywords: social synergetics, social systems, self-regulating systems, dissipative structure, the ultimate goal of the development of society.

References

1. *Stepin V. S.* Samorazvivayushchiesya sistemy i postneklassicheskaya racional'nost' [Self-developing systems and postnonclassical rationality] // Voprosy filosofii. 2003. №8. P. 5-17. (In Russ.)
2. *Prigozhin I. R., Stengere I.* Poryadok iz haosa. Novyj dialog cheloveka s prirodoy [Order from cha-

os. The new dialogue of man with nature]. M., 1986. (In Russ.)

3. *Ahromeeva T. S., Kurdyumov S.P., Malineckij G. G.* Paradoksy mira nestacionarnykh struktur [Paradoxes of the world of non-stationary structures] // *Novoe v zhizni, nauke, tekhnike. Matematika, kibernetika.* M., 1985. P. 29. (In Russ.)

4. *Branskij V. P., Pozharskij S. D.* Social'naya sinergetika i akmeologiya. Teoriya samoor-ganizacii individuuma i sociuma [Social synergetics and acmeology. Theory of self-organization of the individual and society]. St. Petersburg, 2001. P. 6. (In Russ.)

5. *Nikolaev G., Prigozhin I.* Samoorganizaciya v neravnovesnykh sistemah [Self-organization in nonequilibrium systems]. M., 1979. P. 22. (In Russ.)

6. *Prigozhin I. R.* Filosofiya nestabil'nosti [Philosophy of instability] // *Voprosy filosofii.* 1991. P. 50. (In Russ.)

7. *Nikolis G., Prigozhin I.* Poznanie slozhnogo [Cognition of the complex]. M., 1990. P. 89. (In Russ.)

8. *Branskij V. P.* Iskusstvo i filosofiya [Art and philosophy]. P. 506. (In Russ.)

9. *Vasil'kova V. V.* Poryadok i haos v razvitii social'nykh sistem. Sinergetika i teoriya social'noj samoorganizacii [Order and chaos in the development of social systems. Synergetics and theory of social self-organization]. St. Petersburg, 1999. P. 173-181. (In Russ.)

10. *Branskij V. P.* Filosofiya fiziki XX veka [Philosophy of physics XX century]. P. 78-90. (In Russ.)

11. *Prigozhin I.* Ot sushchestvuyushchego k voznikayushchemu [From the existing to the emerging]. M., 1985. P. 137. (In Russ.)

12. *Brajskij V. P.* Social'naya sinergetika kak postmodernistskaya filosofiya istorii [Social synergetics as a postmodern philosophy of history] // *ONS.* 1999. №6. P. 120. (In Russ.)

13. *Sagatovskij V. N.* Filosofiya razvivayushchejsya garmonii [Philosophy of developing harmony]. St. Petersburg, 1999. (In Russ.)

14. *Kagan M. S.* O vremeni i o sebe [About time and about yourself]. SPb., 1998. P. 45-50. (In Russ.)

15. *Knyazeva E. N.* Sluchajnost', kotoraya tvorit mir: Novye predstavleniya o samoorganiza-cii v zhivoj prirode i obshchestve // *V poiskah novogo mirovideniya: I. Prigozhin, E. i N. Rerih* [Chance, which creates the world: New ideas about self-organization in wildlife and society // In search of a new worldview: I. Prigozhin, E. and N. Roerich]. M., 1991. №7. (Ser. Filosofiya i zhizn'.) (In Russ.)

Zobova Maria Romanovna – Department of Social and political sciences, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications (St. Petersburg, Russia), mrzobova@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 31.07.2023; принята к публикации: 30.09.2023.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Zobova M. P. Понятие естественно-научной и социальной синергетики. // Социогуманитарные коммуникации. – 2023. – № 3(5). – С. 50-64.

FOR CITATION:

Zobova M. R. Ponyatie estestvenno-nauchnoj i social'noj sinergetiki. [The concept of natural science and social synergetics]. *Sociogumanitarnye kommunikacii* [Social and humanitarian communications]. 2023. №3(5) – P. 50-64

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 321.6/8

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ И ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТЕЙ В ПОЛУПРЕЗИДЕНТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ФИНЛЯНДИИ И ФРАНЦИИ)

А. Б. Гехт, Д. А. Патрушева

Для того чтобы лучше понять взаимодействие исполнительной и законодательной властей в Финляндии и то особое положение, которое занимает премьер-министр как глава правительства, с одной стороны, а с другой — как глава института, обязанный в числе прочего подготавливать и осуществлять решения, принятые президентом, необходимо начать с рассмотрения периода принятия конституции Финляндии 1919 г.

Ключевые слова: Финляндия, Франция, законодательная власть, исполнительная власть, премьер-министр, полупрезидентская форма правления

Комиссия экспертов, ответственная за разработку конституции, намеревались установить в Финляндии классическую парламентскую форму правления. Однако в то время не предполагалось, что Финляндия окажется независимым государством, она входила в состав России. Финляндия, тем не менее, получила в 1917 г. независимость и на повестке дня парламента встал вопрос о принятии положений, на основании которых страна стала бы парламентским государством.

В результате гражданской войны победители, особенно правое крыло, предприняли попытку восстановления монархической системы. По самым смелым проектам монархистов, Финляндия должна была стать трехпартийной страной без парламентаризма, по модели США, но исполнительная власть должна была принадлежать только монарху. Парламент получил для обсуждения два различных варианта монархического правления. Один представлял собой образец монархической конституции с жесткими рамками, другой стремился к комбинации монархии и парламентаризма. Но не получив большинства, требуемого конституцией, монархисты отказались от идеи возрождения монархии. Со своей стороны, те, кто поддерживал республику не сумели провести первоначальную модель классического парламентаризма. В ре-

зультате было принято компромиссное решение: отказ от монархии и установление парламентаризма, но с предоставлением президенту республики широких полномочий для выполнения функций главы государства.

Что касается Франции, то, чтобы лучше понять взаимодействие исполнительной и законодательной властей в этой стране, на наш взгляд, необходимо обратиться к конституционным законам, на основе которых утвердился государственный строй, получивший наименование Третьей республики [1]. Французские авторы обычно пишут, что конституция III республики — это прежде всего Сенат. Переноса это образное выражение на более поздний период, можно сказать, что конституция IV республики — это в первую очередь Национальное собрание.

То, что ни в первом, ни во втором случае не упоминается глава государства, говорит о том, что президент республики в тот период не играл значительной роли в политике и государственном механизме Франции. Так продолжалось до 1958 г. Теперь, характеризуя конституцию V республики, можно утверждать, что главную роль в стране играет президент Республики.

Эта конституция была подготовлена и принята в обстановке острого внутривнутриполитического и внешнеполитического кризиса, связанного прежде всего с борьбой Алжира за освобождение от колониальной зависимо-

сти. В этих условиях президент де Голль, стремясь укрепить политическую стабильность и свою личную власть, в соответствии с полномочиями, которые ему предоставил парламент специальным законом, возглавил разработку новой конституции. Делегируя ему эти полномочия, парламент оговорил ряд пунктов, касающихся содержания новой конституции: парламент участвует в ее разработке, имея 2/3 мест в Консультативном комитете по ее подготовке; сохраняется принцип разделения властей; правительство ответственно перед парламентом; источником власти должно быть всеобщее голосование и др. Проект конституции был обсужден в Консультативном совете и Совете Министров и одобрен на референдуме 28 октября 1958 г. Делегированный способ разработки конституции и ее принятие на референдуме были новым явлением во Франции — все предшествующие конституции принимались парламентом.

Конституция в редакции 1958 г. формально установила в исполнительной власти Франции своеобразный дуализм: ее деятельность направлялась с одной стороны, президентом, а с другой, премьер-министром. Однако уже реформа 1962 г., согласно которой выборы президента осуществлялись всеобщим голосованием, изменила эту дуалистическую схему и закрепила, как уже говорилось выше, превосходство президента республики — верховного руководителя исполнительной власти.

Компетенцию премьер-министра Финляндии можно рассмотреть с трех различных сторон. Сначала следует осветить полномочия, которыми обладает премьер-министр в соответствии с нормами, записанными в конституции. Затем проанализировать, как принцип парламентаризма, определенный параграфом 36 Формы правления, влияет на юридический статус премьер-министра и изучить новые способы осуществления полномочий, возникшие в результате политической эволюции.

По конституции у премьер-министра мало прав для принятия собственных решений. Форма правления исходит из того факта, что премьер-министр председательствует на пленарных заседаниях Государственного

совета, подготавливая и исполняя президентские решения. С другой стороны, в Государственном совете под председательством президента, где должно присутствовать не меньше пяти министров, у премьер-министра с юридической точки зрения нет никакого привилегированного положения по отношению к другим министрам. Кроме того, глава правительства председательствует на заседаниях некоторых межминистерских комиссий, но и это положение не дает ему власти принятия решений, которая отличалась бы от компетенции других министров.

Премьер-министр замещает президента республики, когда он по причине болезни или поездки, например, за рубежом, не может исполнять свои обязанности. Хотя во время такого замещения премьер и обладает президентской властью, он ею никогда не пользуется в собственных политических целях.

Премьер-министр руководит не министерствами, а административными службами Совета (канцелярией), которые, тем не менее, являются важным органом планирования развития общества. В этом качестве директора канцелярии глава правительства может применить всю свою власть или делегировать свои полномочия чиновникам этой канцелярии.

Во Франции также ст. 21 конституции гласит: «премьер-министр руководит деятельностью правительства». Таким образом, из текста вытекает, что премьер-министр руководит не правительством, а лишь его деятельностью, т. е. имеет своей целью осуществление решений, принятых Советом Министров, на заседаниях которого председательствует президент.

Юридические взаимоотношения президента и премьер-министра не определены конституционными нормами, кроме уже упомянутой замены. Можно также констатировать, что президент не может делегировать главе правительства часть своих полномочий и не может легальным образом вмешиваться в действия премьер-министра, когда тот председательствует на пленарном заседании Государственного совета.

Некоторые исследователи поднимали вопрос относительно права президента от-

правлять в отставку премьер-министра, пользующегося доверием парламента. Здесь мнения разделились, и теоретически вопрос остается неразрешенным. Большинство авторов, которые исследовали этот вопрос, считают, что кроме доверия парламента премьер-министр и все правительство должно пользоваться доверием президента. По конституции именно президент назначает всех министров и освобождает их от своих обязанностей. Другие авторы утверждают, что исходя из принципа парламентаризма, президент не может отправить в отставку правительство или премьер-министра, пользующегося доверием парламента [2]. Убедительный прецедент создан М. Койвисто, который в 1981 г., исполняя функции премьер-министра, отказался подчиниться воле президента. На самом деле У. Кекконен требовал отставки Койвисто, хотя тот и располагал доверием парламента.

Юридическая система парламентаризма определена Формой правления так: «члены Государственного совета должны пользоваться доверием Эдускунты». Премьер-министр здесь не упомянут.

Если правительство получило вотум недоверия парламента, начинаются переговоры под руководством президента о формировании нового правительства. Очень быстро ведение переговоров возлагается на человека, ответственного за консультации или формирование правительства, действующего согласно указаниям и полномочиям, полученным от президента республики. После формирования правительства этот человек назначается его главой. Таким образом, на каждой стадии переговоров известно, кто станет будущим премьер-министром, если переговоры пройдут удачно. Это усиливает позиции того, кто ведет переговоры, поскольку ему отводится центральную роль в урегулировании вопросов, связанных с программой и выбором министров.

Необходимо отметить и то, что порядок образования правительства в значительной степени определяется формой правления. В самом общем виде можно выделить две основные модели создания правительства: на парламентской основе, типичной для стран с парламентской формой правления, и

внепарламентский способ, характерный для президентских республик. В странах с полупрезидентской формой правления правительство чаще всего формируется формально, внепарламентским путем, но с учетом расстановки сил в парламенте.

Как только правительство сформировано и приступает к своим обязанностям, премьер-министр не только обеспечивает себе председательство, но, согласно принципам парламентаризма, становится политическим руководителем правительства. Это становится ясным, когда речь идет о коалиционных правительствах, которые обычно образуются при многопартийной политической системе Финляндии, где фундаментальной задачей премьер-министра является проведение переговоров с целью устранения разногласий между различными правительственными группами. Переговоры между правительством и парламентскими группами обычно проходят под председательством премьер-министра, который, как правило, представляет одну из крупных партий, и ее парламентское влияние увеличивает реальное влияние главы правительства.

Также в силу традиции президент вмешивается во внутривластные действия правительства только в крайних случаях. Подобная практика, еще больше усилившаяся в результате начавшихся в 1991 г. реформ, приближает статус премьер-министра Финляндии к статусу его коллег из государств с парламентской формой правления.

Все вышеописанные факты значительно усиливают позицию главы правительства по отношению к той роли, которая определена ему законом с точки зрения взаимодействия с парламентом, средствами массовой информации и президентом.

В случае правительственного кризиса, какова бы ни была его причина: разногласия внутри правительства или вынесение вотума недоверия парламентом, премьер-министр должен принять решение. Он может предложить отставку от имени правительства, и тогда она должна быть принята. Конечно, различные политические партии, представленные в правительстве, или отдельные министры могут подать в отставку независимо от премьер-министра, но основной состав

правительства сохраняется, пока премьер-министр не подаст в отставку от имени всего правительства. Его угроза о возможной отставке правительства часто служит сдерживающим обстоятельством при межправительственных конфликтах.

Согласно парламентским принципам, угроза отставки правительства, пользующегося доверием парламента, является средством воздействия на независимую политику президента, отличную от политики правительства и парламента.

Решения, принимаемые президентом республики, должны согласовываться с Государственным советом. Кроме того, президенту очень сложно осуществлять намеченные решения, если у него нет правительства большинства, а есть правительство меньшинства или техническое. Правительство большинства усиливает позицию премьер-министра.

Вообще говоря, со времени провозглашения независимости можно выделить пять главных типов кабинетов: всеобщая коалиция, коалиция большинства, коалиция меньшинства, однопартийные и политически нейтральные или частично связанные партийным представительством [3].

Важным является тот факт, что правительства меньшинства почти так же стабильны, как и правительства большинства. Что касается временных кабинетов, то они заслуживают особого внимания. Созданные, чтобы исполнять правительственные задачи только временно, они являются продуктом чрезвычайных ситуаций и не подходят для нормальной парламентской формы правления. Правительственные коалиции в Финляндии не отличаются стабильностью. По подсчетам К. фон Бойме, средняя продолжительность деятельности кабинета в Финляндии составляла 12,3 месяца [4]. Партийный состав правительства нередко изменяется в период между парламентскими выборами, но отношения между партиями при образовании коалиций носят отнюдь не хаотический характер. Хотя в состав правительства часто входили представители 4-5 партий, основой коалиции, как правило, служило сотрудничество между СДПФ и ПФЦ, вследствие чего такие коали-

ции в 1951-1986 гг. называли здесь «красно-зелеными», дважды формировались кабинеты «зелено-синей» коалиции, основой которой служило сотрудничество между Аграрной партией (ПФЦ) и НКП. В 1966-1982 гг. «красный» элемент в составе «красно-зеленой» коалиции был усилен в результате включения в правительство представителей ДСНФ. Новым явлением в политической жизни Финляндии стало образование «сине-красной» коалиции 1987 г., основанной на сотрудничестве между НКП и СДПФ.

Частые изменения в правительстве, конечно, мешают непрерывности политического развития. Правительство не успевает ознакомиться с планами и результатами работы, как уже должно уходить в отставку. Но укреплению непрерывности служит то, что один или больше ушедших в отставку министров входят в новое правительство. Обычно, для описания французских условий политической жизни используют фразу: «Правительство меняется, но министры остаются». Ее применяют и тогда, когда характеризуют развитие финского парламентаризма. Это демонстрирует, что по крайней мере в некоторых партиях олигархия людей, «могущих стать министрами», контролирует партийные министерские позиции. Более того, некоторые министерские портфели могут оставаться в руках одних и тех же людей во многих правительствах: долгие годы.

Согласно положениям конституции, деятельность правительства связана со строгими формальностями, которые регламентируют принятия коллегиальных решений. В этой системе (пленарное заседание Государственного совета) премьер-министр играет роль только председателя. На практике же произошли изменения и развились новые подготовительные виды собраний наряду с формальными. Наиболее важным из них является правительственная «вечерняя школа». Каждую неделю правительство собирается на неформальное заседание, где министры предварительно обсуждают дела и проекты, которые должны быть представлены на пленарное заседание Совета Министров или на заседание Совета под председательством президента. Стало общепринятым,

стремление разногласия на политической почве разрешить во время неформального заседания или даже на более ранней стадии, например, во время дискуссий между различными правительственными политическими группами. Если же во время этих собраний возникают разногласия, именно премьер-министр должен начать переговоры и быть арбитром между оппозиционерами. Очень редко президент республики использует свои полномочия для воздействия на одну из партий. Ключевая позиция премьер-министра в межминистерских дискуссиях также является фактором, укрепляющим его положение.

Подобная практика существует и во Франции, где при президенте В. Жискард'Эстене появились так называемые правительственные семинары. На этих семинарах не принимается никаких решений, они посвящаются в основном рабочим дискуссиям и проводятся при закрытых дверях.

Французское конституционное право различает межминистерские советы и межминистерские комитеты, в рамках которых заседают лишь те члены правительства, которые имеют непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме. Если первые заседают под председательством президента, то вторые — под председательством премьер-министра.

Действительная власть главы правительства во внутренней и внешней политике изменяется в зависимости от того, идет ли речь о правительстве большинства или техническом правительстве. Его социально-политическое влияние наиболее велико в первом случае. Что касается однопартийного правительства меньшинства, то здесь власть премьер-министра не оспаривается, но обычно очень велика зависимость такого правительства от президента республики, что ослабляет фактическое положение главы правительства.

Технические правительства целиком формируются по усмотрению президента республики, они всегда временные и, будучи прежде всего исполнителями президентских (и парламентских) решений, не имеют собственного политического веса, что подрывает власть премьер-министра.

Наряду с положениями конституции, взаимоотношения президента, премьер-министра и парламента формируются практикой и политическими условиями момента. Внутренний политический контекст Финляндии в последние годы оставался относительно стабильным, правительство было правительством большинства, что укрепило его позицию.

Однако, следует заметить, что в полупрезидентских республиках право главы государства на назначение министров и руководство работой правительства носит более ограниченный характер, чем в президентских, поскольку правительство в них организуется с учетом расстановки партийных сил в парламенте, а его главой является не президент, а премьер-министр. Реальная степень влияния президента на формирование и деятельность правительства во многом определяется совпадением или несовпадением интересов президентского и парламентского большинства. Если большинство в парламенте находится в оппозиции президенту, то последний «обязан предоставить премьер-министру значительную свободу в подборе своих министров» [5]. Так, в правительстве Ж. Ширака, сформированном оппозиционными французскому президенту партиями в 1986 г., последний реально влиял лишь на подбор кандидатур на посты министра иностранных дел и обороны (с учетом тех значительных полномочий, которые предоставлены главе государства в указанных областях).

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Президент принимает свои решения в Государственном совете, а тот, в свою очередь, подготавливает решения президента. Предложения Совета представляются президенту компетентным министром, но президент при принятии решений волен не брать во внимание мнение министра или Совета, он пользуется полной свободой.

Конституция дает президенту право издавать декреты по большому количеству вопросов, но он очень редко использует свои широкие полномочия в области законотворчества, в большинстве случаев он следует мнению Совета Министров.

Что касается права роспуска, то решение принимается президентом республики в Государственном совете. Роспуск практиковался восемь раз со времени принятия ныне действующей конституции. Наиболее часто он был вызван общеполитическими причинами: нарушение парламентского равновесия ввиду ареста депутатов-коммунистов (1924), кризис во внешнеполитических отношениях (1961), тупик во взаимоотношениях между партиями (1953, 1972, 1975).

В политической системе Финляндии наблюдается четкое разделение между парламентским правительством и независимой властью президента. Большинство финских исследователей сосредоточились на том, чтобы между двумя моделями президентской власти найти компромисс. В результате было введено понятие «умеренной, или нейтральной власти», предложенное Б. Константом. Согласно его точке зрения, президентская власть должна быть в резерве и использоваться довольно редко, для того чтобы найти решение серьезных проблем. Очевидно, функция главы государства как «умеренной власти» ставит новую проблему: ее нейтралитет по отношению к партиям [6].

Взаимодействие президента и правительства с палатами парламента в значительной степени определяется тем, насколько партийный состав палат парламента соответствует партийному составу Государственного совета.

Президентская власть в Финляндии функционирует в многопартийной системе. С тех пор как Финляндия стала независимой, не было случая, чтобы какая-либо партия обладала абсолютным большинством, с 1906 г. существует 5-6 полупостоянных партий и несколько меньше полуэфемерных образований. И в ходе прошедших в марте 2003 года очередных парламентских выборов ни одна из партий не получила абсолютного большинства голосов. Система партий чрезвычайно стабильна, вновь созданным партиям редко удается интегрироваться в сложившуюся систему. В этих условиях решение проблемы правительства представляло значительные сложности. Так, из 64 кабинетов, которые существовали в Финляндии в 1917-1982 гг., только 34 были коалиционными

ми правительствами большинства. Остальные были либо правительствами меньшинства, либо состояли из политически нейтральных чиновников.

Стабильность правительств была довольно хрупкой (особенно в 20-е годы), когда обычный срок жизни кабинета был около года. В этом контексте министерской нестабильности президент, избранный на шесть лет с постоянным переизбранием (Кекконена переизбирали четыре раза), представляет собой элемент стабильности.

Согласно теории «умеренной власти» президент должен оставаться строго нейтральным по отношению к партиям, что не исключает возможность помощи в сотрудничестве между группами, устранении трудностей даже путем угрозы роспуска.

Весомая, а зачастую и определяющая роль правительства как в механизме исполнительной власти, так и в государственном механизме в целом на практике определяется не только формальными его полномочиями, но и тем фактом, что в состав правительства, как правило, входят наиболее влиятельные деятели правящей партии (коалиции). Именно поэтому правительство обычно является реальным центром политической активности, своеобразным мотором, приводящим в движение весь государственный механизм.

Теперь необходимо на основе всего вышеизложенного и с учетом изменений произошедших в ходе реформы, начавшейся в 1991 г., сделать некоторые выводы относительно взаимодействия законодательной и исполнительной власти в Финляндии. В результате широкой конституционной реформы была усилена роль парламента, который занял первое место в системе государственных органов. Так, назначение премьер-министра и формирование Государственного совета теперь должно осуществляться главой государства по согласованию с председателем Эдускунты и лидерами фракций политических партий в парламенте, которые образуют (наряду с заместителями председателя и председателями постоянных комитетов Эдускунты) Совет председателей. Таким образом, закрепляется первый принцип парламентаризма: формирование правительства на основе соотношения сил в парламенте.

Распускать же Эдускунту и назначать выборы президент может теперь только по инициативе премьер-министра. При выражении парламентом недоверия Государственному совету в целом или отдельному министру этот совет или министр обязаны подать в отставку. Кроме того, отставка Государственного совета может быть осуществлена и по решению премьер-министра, президент же должен только оформить этот акт. Если ранее в парламенте с программой правительства выступал президент, то теперь это входит в компетенцию премьер-министра. Так был закреплен второй принцип парламентаризма — политическая ответственность кабинета Государственного совета перед парламентом.

Что касается Франции, то с формально-юридической точки зрения система Пятой республики сохраняет важнейшие признаки парламентарной системы: признается принцип политической ответственности правительства перед парламентом (ст. 20), руководство деятельностью правительства возлагается на премьер-министра (ст. 21). Президент, будучи главой государства, но не главой правительства, вправе издавать множество актов, часть из которых должна скрепляться подписью премьер-министра и при необходимости соответствующих министров, а другая часть (назначение и смещение премьер-министра, назначение референдума, роспуск Национального собрания, введение в действие исключительных полномочий и др.) не нуждаются в контрассигнатуре (ст. 19). Конституция поручает президенту обеспечивать своим арбитражем нормальное функционирование государственных органов (ст. 5).

Формально президент Франции не является лидером партии, так как выходит из рядов той партии, к которой принадлежал до избрания, но фактически он становится лидером даже не одной, а всех партий, составляющих большинство в Национальном собрании, если это большинство признает за ним эту роль. Для того чтобы президент республики мог играть роль фактического лидера парламентского большинства, необходимо, чтобы одна и та же партия или один и тот же блок партий одержали победу

на президентских и парламентских выборах. Такая ситуация систематически складывалась во Франции. Но президентские и парламентские выборы часто расходятся во времени, и это может способствовать тому, что на президентских выборах победит один блок партий, а на парламентских — другой. Именно такая ситуация «сосуществования» имела место, когда на выборах 1986 г. большинство мест в Национальном собрании получили правые партии, а на посту главы государства оставался Ф. Миттеран, избранный благодаря поддержке левых сил; и в 1990-е гг.

Сложившаяся ситуация выдвинула ряд вопросов, до этого лишь дискутировавшихся в конституционной доктрине. Речь идет о том, правом или обязанностью президента является подписание актов правительства, принимаемых последним на основе делегирования ему законодательных полномочий Национальным собранием, а также созыв внеочередной сессии парламента. Президент Ф. Миттеран дал ответ на эти вопросы.

Вскоре после парламентских выборов и формирования правоцентристского правительства он отказался подписать правительственный ордонанс, усматривая в нем нарушение принципов приватизации государственной собственности. В том же году президент еще дважды отказывался подписывать правительственные акты. Во всех трех случаях правительство было вынуждено внести подготовленные ордонансы в виде законопроектов в Национальное собрание, и те были приняты парламентом в форме законов. Парадоксальность ситуации состоит в том, что президент, отказавшись поставить свою подпись под ордонансом, обязан в итоге подписать законы, принятые парламентом.

Таким образом, отказ президента подписать упомянутые акты разрешил давний доктринальный спор по поводу ст. 13 конституции, зафиксировавшей, что президент республики подписывает ордонансы и декреты, принятые Советом Министров.

В тех случаях, когда глава государства принадлежит к тому же политическому лагерю, что и большинство депутатов Национального собрания, главным приемом правления становится сплочение этого большин-

ства непосредственно вокруг президента с тем, чтобы тот определял политику правительства. Президент назначает премьер-министра, дает согласие на назначение других министров.

Партийный состав правительства определяется составом «партии президента» или близкими ему беспартийными деятелями. Такой подход проявился уже при Ш. де Голле, назначившем премьер-министром беспартийного Ж. Помпиду (1963). Но особенно это было заметно при В. Жискара д'Эстене, который не просто назначил премьер-министром беспартийного Р. Барра (1976), а еще и способствовал созданию СФД в качестве "партии президента".

По словам М. А. Крутоголова, избрание В. Жискара д'Эстена (1974), лидера партии, никогда не имевшей большинства в Национальном собрании, «доказывает наличие привилегии избранного президента Республики: не равняться на парламентское большинство, а, наоборот, "подравнивать" его на себя, т.е. на свою политическую линию» [7]. "Подравнивая" на себя парламентское большинство, президент Ф. Миттеран предложил войти в правительство всем партиям, способствовавшим его избранию (1981), хотя «его» партия (ФСП) и одна обладала абсолютным большинством мест.

Несмотря на то что парламентское большинство во Франции обладает «легислатурной стабильностью», в период между выборами в Национальное собрание нередко сменяются 2-3 кабинета. По подсчетам К. фон Бойме, средняя продолжительность «жизни» кабинета во Франции (1959-1983) составляла 21,4 месяца [8]. Однако причины отставки кабинетов в Пятой республике не связаны с разногласиями внутри правительственной коалиции, а заключаются в том, что президент республики, будучи фактическим лидером парламентского большинства, пользуется реальной возможностью заменять один кабинет другим, когда он считает это целесообразным. Согласно конституции, «он прекращает исполнение служебных обязанностей премьер-министра после вручения тем заявления об отставке правительства» (ст. 12), глава государства, желая сменить кабинет, предлагает премьер-

министру «добровольно» подать соответствующее заявление.

Обязать правительство подать в отставку, согласно конституции, может только Национальное собрание, приняв абсолютным большинством голосов всех депутатов резолюцию порицания (ст. 50). При этом конституция ставит ряд условий, затрудняющих принятие такой резолюции (ст. 49): она выносится на голосование лишь тогда, когда она подписана, по крайней мере, 1/10 общего числа депутатов; подсчитываются лишь те голоса, которые поданы за принятие резолюции порицания (сколько депутатов голосовало против или воздержалось не подсчитывается); отклонение резолюции порицания, внесенной по инициативе самих депутатов, или в связи с постановкой вопроса о доверии правительством, требующим одобрения его программы или декларации об общей политике, лишает депутатов, подписавших эту резолюцию, права вносить аналогичные резолюции в течение той же сессии.

Что касается досрочного роспуска Национального собрания, то практика его применения довольно своеобразна. Глава государства, до издания декрета о роспуске, обязан проконсультироваться с премьер-министром и председателями обеих палат, но решение об его издании принимается президентом единолично, и сам декрет никем не контрассигнуется. Поэтому в практике Пятой республики появился роспуск «в поисках мандата» избирателей не правительству, а главе государства: этот подтекст лежал в основе роспуска (1962), когда Национальное собрание приняло резолюцию порицания, выступило против планов конституционной реформы, задуманной президентом, и в основе роспуска (1968), когда де Голль искал поддержки избирателей после подавления студенческих волнений, и в основе роспусков (1981 и 1988), когда президент Ф. Миттеран отказывался от сосуществования с правым большинством Национального собрания, и в 1997 г.

Определяя изменение роли главы государства, Ф. Миттеран подчеркивал, что его конституционные прерогативы не меняются. «При том, что записано в законе, а также

в свете практики, начало которой было положено в 1958 и 1962 гг., имея большинство в парламенте, президент осуществляет власть, которая фактически является неделимой. При отсутствии этого большинства он сохраняет свои полномочия и конституционные prerogatives. <...> Новым стало то, что президенту приходится выступать в роли арбитра, тогда как до перемен 16 марта эта роль отошла на задний план» [9].

В целом ситуация сосуществования не удовлетворяла ни правые, ни левые партии. Назначив на пост премьер-министра лидера блока ОПР—СФД Ж. Ширака, президент возражал против некоторых его предложений о назначении отдельных министров и добился замены их другими.

Правительство, несмотря на свою зависимость от президента, наделено конституцией довольно широкими полномочиями. В самом общем виде роль правительства в Пятой республике сформулирована в ст. 20: «Правительство определяет и проводит политику нации. В его распоряжении находится администрация и вооруженные силы.»

К полномочиям Совета Министров относятся: объявление осадного и чрезвычайного положения; принятие декретов (акты президента и премьер-министра); обсуждение правительственных законопроектов; законодательная деятельность путем принятия ордонансов (реализация полномочий, делегированных правительству парламентом в силу ст. 38 конституции).

К собственным полномочиям премьер-министра причисляются: право издания регламентарных актов (ст. 37); руководство деятельностью правительства (ст. 21); право присутствия и выступления на заседаниях палат парламента (ст. 31); право требовать созыва внеочередной сессии Национального собрания (ст. 29); право обращения в Конституционный совет по поводу конституционности закона или международного договора, которые, на его взгляд, противоречат конституции (ст. 61) и право законодательной инициативы (ст. 39).

Очевидное усиление исполнительной власти сопровождалось изменением роли парламента в системе высших государственных органов. Жестко ограничив предметы

ведения, по которым парламента может принимать законы (ст. 34), конституция тем самым покончила с основным принципом парламентаризма — верховенством парламента в государственном механизме страны. Все полномочия, выходящие за пределы компетенции парламента, принадлежат сфере правительственной компетенции. Гарантом нового баланса законодательной и исполнительной власти в стране выступает Конституционный совет — нововведение Пятой республики. Однако следует отметить, что конституционные механизмы защиты сфер законодательной и исполнительной власти от взаимных нарушений далеко не равноценны. Если исполнительная власть в силу (ст. 37) вправе обратиться в Конституционный совет, считая, что парламента вторгся в сферу ее полномочий, то парламента в аналогичном случае такого права не имеет, поскольку контроль за актами правительства не входит в компетенцию Конституционного совета.

Таким образом, можно сказать, что эволюция режима Пятой республики с 1962 г. в направлении президентонализма, связанная также с появлением мажоритарного фактора, изменила само значение контроля над правительством. Правительственную ответственность перед депутатами, ставшую чисто формальной, заменила реальная ответственность правительства перед президентом. Это стало одним из основных условий функционирования Пятой Республики, где период 1986-1988 гг. является лишь исключением. Поэтому все предусмотренные конституцией процедуры парламентского контроля над деятельностью правительства оказываются просто искаженными дисциплиной парламентского большинства и его лояльностью по отношению к президенту.

Тем не менее, хотя и нейтрализованный на практике мажоритарным фактором, институт парламентской ответственности правительства предусмотрен ст. 49 конституции, которая справедливо считается одной из важнейших в ее тексте.

На основании всего вышеизложенного можно сделать некоторые выводы.

Фундаментальное различие между пар-

ламентскими и президентскими системами с одной стороны, и полупрезидентскими системами — с другой, состоит в числе автономных политических и действующих органов. При парламентской системе ими являются парламент и правительство в положении взаимозависимости через интеграцию; в президентской системе этими органами являются президент и парламент в положении взаимозависимости через координацию; в полупрезидентской системе это — президент, парламент и правительство.

Выборы президента прямым голосованием или его независимость в формировании кабинета министров не являются достаточным основанием для того, чтобы отделять президента полупрезидентской республики от президента, который имеет подобные полномочия в парламентской рационализированной (или классической) системе. Здесь все зависит от соотношения между президентским большинством, которое будет существовать всегда при прямых выборах, и парламентским большинством, независимо от того, существует оно или нет, будет ли оно стабильным и структурированным или нет.

Выборы прямым голосованием — условие необходимое, но недостаточное для полупрезиденциализма. Оно не является решающим, если парламентская организация

партий его превосходит. В этом случае тип партийной системы не имеет значения, достаточно того, чтобы правительство было однородным и стабильным, исток власти которого находится у парламента. В этих условиях реальный политический статус премьер-министра выше, чем у президента.

С другой стороны, при наличии мажоритарных выборов, даже в два тура, и бипартийности (биполяризации) имеет место другая тенденция. Если президентское большинство определяет большинство парламентское, то президент руководит ими обоими (Франция).

Таким образом, можно утверждать, что полупрезидентская система существует в двух случаях: при отсутствии парламентского большинства, или президентское большинство отличается от парламентского (также возможно частичное совпадение этих двух видов). В первом случае присутствует трехчастное деление центров власти, во втором — дуальность. Для парламентаризма, как известно, характерен монизм.

Полупрезидентская форма правления, таким образом, отличается от президентской наличием правительства, отделенного от президента и парламента, а от парламентской — сведением функции президента к роли арбитра.

Список источников и литературы

1. Республика — 1793-1802 гг.; II Республика — 1848-1852 гг.; III Республика — 1875-1940 гг.; IV Республика — 1946-1958 гг.; V Республика — с 1958 г. до настоящего времени.
2. Sorsa K. La situation juridique du Premier ministre de Finlande en face du President de la Republique // *Les Regimes Semi-Presidentiels*, Paris, 1986. P.24.
3. *Nousiainen J.* The Finnish Political System. Harvard University Press, Cambridge; Massachusetts, 1971.
4. *Стародубский Б. А.* Политические режимы европейских буржуазных стран. Свердловск, 1989. С.161.
5. *Meny Y.* *Government and politics in Western Europe: Britain, France, Italy, West Germany.* Oxford, 1990. XIII. P. 199.
6. *Jansson J.-M.* Le Regime semi-presidentiel finlandais: dispositions legales, pratique politique // *Les Regimes Semi-Presidentiels*. Paris, 1986. P. 108.
7. *Крутоголов М. А.* Президент Французской республики. М., 1980. С. 58.
8. *Стародубский Б. А.* Указ. соч. С. 157
9. *За рубежом.* 1986. №27 (1356). С. 9

Гехт Антон Борисович – к.и.н., доцент, заведующий кафедрой истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (г. Санкт-Петербург, Россия), geht.ab@sut.ru

Патрушева Дарья Андреевна – старший преподаватель кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (г. Санкт-Петербург, Россия), patrusheva.da@sut.ru

FEATURES OF INTERACTION OF LEGISLATIVE AND EXECUTIVE AUTHORITIES IN THE SEMI-PRESIDENTIAL REPUBLIC (ON THE EXAMPLE OF FINLAND AND FRANCE)

A. B. Gekht, D. A. Patrusheva

In order to better understand the interaction of the executive and legislative authorities in Finland and the special position held by the Prime Minister as the head of government, on the one hand, and on the other - as the head of the institute, obliged, among other things, to prepare and implement the decisions taken by the President, it is necessary to begin by considering the period of adoption of the Constitution of Finland in 1919.

Keywords: Finland, France, legislative power, executive power, prime Minister, semi-presidential form of government

References

1. Republic — 1793-1802; II Republic — 1848-1852; III Republic—1875-1940; IV Republic — 1946-1958; V Republic — from 1958 to the present.
2. Sorsa K. La situation juridique du Premier ministre de Finlande en face du President de la Republique // Les Regimes Semi-Presidential, Paris, 1986. P.24.
3. Nousiainen J. The Finnish Political System. Harvard University Press, Cambridge; Massachusetts, 1971.
4. Starodubsky B. A. Political regimes of European bourgeois countries. Sverdlovsk, 1989.p.161.
5. Мери Y. Government and politics in Western Europe: Britain, France, Italy, West Germany. Oxford, 1990. XIII. P. 199.
6. Jansson J.-M. Le Regime semi-presidential fmlandais: dispositions legales, pratique politique // Les Regimes Semi-Presidential. Paris, 1986. P. 108.
7. Krutogolov M.A. President of the French Republic. M., 1980. p. 58.
8. Starodubsky B. A. Decree. op. p. 157
9. Abroad. 1986. No. 27 (1356). p. 9

Gekht Anton Borisovich – PhD, Associate Professor, Department of History and Regional Studies, The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications (St. Petersburg, Russia), geht.ab@sut.ru

Patrusheva Daria Andreevna – senior lecturer, Department of History and Regional Studies, The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications (St. Petersburg, Russia), patrusheva.da@sut.ru

Статья поступила в редакцию: 05.06.2023; принята к публикации: 28.09.2023.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Гехт А. Б., Патрушева Д. А. Особенности взаимодействия законодательной и исполнительной властей в полупрезидентской республике (на примере Финляндии и Франции) // Социогуманитарные коммуникации. – 2023. – № 3(5). – С. 65-76.

FOR CITATION:

Gekht A. B., Patrusheva D. A. Osobennosti vzaimodejstviya zakonodatel'noj i ispolnitel'noj vlastej v poluprezidentskoj respublike (na primere Finlyandii i Francii) [Features of interaction of legislative and executive authorities in the semi-presidential republic (on the example of Finland and France)] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2023. № 3(5). P. 65-76

«ВЕЧНЫЙ ЦАРЬ» КАК ПРОДУКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО НАРОДА

М. М. Сафронова

Статья представлена научным руководителем Цыганяевой А. Ю.

В статье рассматриваются отношения общества и власти в России с начала XVI по начало XXI века. Делается попытка анализа русской политической культуры в таких аспектах как тенденция к созданию культа личности главы государства, создание мифа о «справедливом царе» и развенчание этого мифа в «бессмысленном и беспощадном русском бунте». Цикл «возвышения» и «низвержения» избранного народом на роль царя государственного лидера рассмотрен как паттерн общественно-политического развития России.

Ключевые слова: культурная революция, самодержавие, вечный царь, власть, монархия, сверхцентрализованность, раскол, либерализм, демократия.

Россия с момента утверждения в ней централизованной власти в начале XVI века и по сегодняшний день демонстрирует протесты и восстания, демарши в различных кругах общества. Периодическое изменение организации политической власти через реформы или революции является естественным процессом в истории любого государства. Однако именно в русском общественном сознании складывается образ «русского бунта», «бессмысленного и беспощадного» [8, с. 30], который воспринимается как нечто большее, чем проявление борьбы за власть. «Русский бунт» в сознании масс это, прежде всего, стихия, которая неподконтрольна людям. Одни боятся его слепой разрушительности, а другие, напротив, возлагают на него утопические надежды. Есть, впрочем, и те, кто полагает, что «русский бунт» не более чем миф, и что бунты и революции в России никогда по-настоящему не меняли общество и государство.

Чтобы понять истоки идеи «русского бунта» необходимо рассмотреть специфику отношений власти и народа России на разных этапах развития ее государственности.

В России как сверхцентрализованном сословном государстве влияние масс на власть всегда было ограничено. Третье сословие может донести свою волю до правителя только в форме бунта, который имеет стихийную форму. Этим можно объяснить

«бессмысленность и беспощадность» всех народных волнений. Еще одной особенностью является то, что русский человек редко видит именно в носителе верховной власти причину бед в государстве. Напротив, вера в царя, вождя или лидера – важная черта политической культуры России. Это подтверждают многочисленные исторические примеры.

Первым крупным бунтом в Московском государстве можно назвать события 26 июня 1547 года, когда на народном «вече» прозвучало требование призвать на суд семью Глинских. Именно в пагубном влиянии на царя родственников его жены люди видели причину собственного бедственного положения. Народное возмущение вылилось в погромы боярских дворов, убийство царского дяди Юрия Глинского. Через несколько дней разъяренная толпа явилась в село Воробьево, резиденцию Ивана IV, чтобы расправиться с Глинскими. Иван IV, не решившийся принять карательные меры, пошел на уступки. В результате реформ середине XVI века стал собираться Земский собор, отменено «кормление» должностных лиц, появились институты самоуправления, а семья Глинских удалена с постов.

XVII век отмечен соляным (1648 г.) и медным (1662 г.) бунтами. 1 июня 1648 года жители Москвы подали челобитную с требованием прекратить обиды

и притеснения, удалить и наказать плохих начальников, снизить возросшие налоги, простить долги.

Царь, снова воспринимавшийся народом, как защитник их интересов и заступник перед «сильными людьми», обещал разобратся. Но неосмотрительные действия чиновников, разорвавших документ на глазах у народа, спровоцировали беспорядки. Как сообщал находившийся в те дни в Москве шведский резидент, «ни огонь, ни смерть не могли успокоить чернь». [4, с. 419]. Жертвами толпы стали министр финансов Назарий Чистой, московский градоначальник Леонтий Плещеев и другие. Власть и в этот раз пошла на уступки: неугодных чиновников казнили, правительство отправили в отставку, осенью предстояло принять «Соборное уложение». Историки XIX века сравнивали «Соляной бунт» с революцией [1, с. 709], называя его восстанием «двух средних классов»: дворянства и горожан, против засилья «сильных людей» — боярства и верхушки купечества [15, с. 218-219].

Одни из самых масштабных бунтов в российской истории – Хованщина (1682 г.) и Пугачевщина (1773 – 1775 г.) также носили стихийный характер. В первом случае, бунт подняли стрельцы, утратившее свое военное значение и недовольные усилившимся влиянием государственных чиновников. 17 сентября 1682 года лидер бунтовщиков, князь Хованский, и его приближенные были казнены, а в 1709 году было распущено стрелецкое войско.

Пугачевский бунт, перешедший в крестьянскую войну, подорвал феодально-крепостнический строй, но не поколебал веру простого народа в справедливого царя. Восстание усилило репрессивный характер власти и укрепило положение высшего класса – дворян. Однако дворяне, организовавшие в XVIII веке череду дворцовых переворотов, отнюдь не стремились к изменению самих основ государственного строя, что отличает эти эпизоды российской истории от европейских буржуазных революций. По большому счету, до XIX века не было попыток изменить самодержавный характер власти. Народ не устраивала политика, проводимая государем, ведь она ухудшала по-

ложение простого населения и армии, но сама идея монархии не подвергалась сомнению.

В первой половине XIX века в общественно-политическую жизнь страны включаются более широкие слои образованного населения. На это повлияло распространение политических идей Просвещения, успех Французской революции, знакомство русского дворянства с реалиями европейской жизни в ходе военных кампаний.

В 1816 году, после возвращения большей части русской армии из Европы, возникает «Союз спасения». В январе 1818 г. был создан «Союз благоденствия», состоявший из дворян и военных. Члены этих союзов осознавали необходимость перемен. Если Европа вступала в эпоху капитализма и индустриализации, то Россия совершала рецессию в крепостничество и самодержавие. Данные организации объединяли людей разных политических взглядов, но постепенно складывается «партийная» идентичность в диапазоне: от консервативной до радикальной направленности. Практически все тайные организации этого периода ставили перед собой три цели – ограничение (или устранение) самодержавия, ликвидацию крепостничества, принятие конституции. Не отрицалась возможность применения насилия для осуществления этих целей.

Итогом стало выступление декабристов на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Декабристы придерживались умеренных взглядов и рассчитывали на «бархатную революцию». «Три тысячи солдат и вдесятеро больше народу были готовы на все по мановению начальника», — вспоминал потом декабрист Андрей Розен. [18]. Плохая организация и нерешительность поставили восставших в сложное положение. Трубецкой не явился на восстание, сенат принял присягу нового царя. Николай собрал на площади верную ему часть армии и подавил восстание.

Итоги восстания декабристов были неоднозначны. С одной стороны чрезмерно жестокая расправа над участниками заговора сделала невозможным обсуждение острых общественных проблем в рамках открытой дискуссии. Власть продемонстрировала сла-

бость и неготовность принять необходимость изменений в государстве, которых требовал общий уровень развития социально-экономических и политических отношений в XIX веке. Это убеждало людей в невозможности добиться справедливости мирными средствами, что, в свою очередь, способствовало распространению радикальных идей.

Во второй половине века возникли течения западников и славянофилов. Общим для них было желание видеть Россию процветающей, могучей и уважаемой на международном арене. И, хотя взгляды на путь развития страны у них расходились, обе партии были согласны в необходимости конституционных реформ и не принимали идею восстания. Одновременно оформлялись и более радикальные направления, утверждавшие, что, по выражению Белинского, «России нужны не проповеди, а пробуждение чувства человеческого достоинства. Цивилизация, просвещение, гуманность должны стать достоянием русского человека». [7, с. 234].

Возникли кружок «Петрашевцев», «Черный передел»; «Народ и воля»; «Земля и воля». Идеологией большинства из них становится общинный социализм, постепенно продвигается идея революционного освобождения третьего сословья. В 1861 году возникло революционное народничество. Радикальная интеллигенция, прибегнув к единственному доступному способу – «хождению в народ» – попыталась поднять крестьянские массы на вооруженную борьбу. Когда эти попытки не принесли успеха, народолюбцы обратились к практике террора. Убийство императора Александра II должно было стать началом революции, но привело лишь к уничтожению организации и контрреформам Александра III.

В XX веке стало ясно, что страна нуждается в реформах. Задачи модернизации и необходимость отвечать экономической конкуренции требовала изменений общественного строя: наделения правами и свободами подданных, либерализации промышленности и торговли, свободы слова, печати и устранения сословий. Пытаясь проводить экономические реформы и индустриализацию, власти упорно игнорировали необхо-

димость соответствующих социально-политических реформ. Неудачная внешняя и внутренняя политика Империи только обостряла скрытые конфликты российского общества. Увольнения рабочих с Путиловского завода, неудачи в русско-японской войне и неспособность власти к регулированию конфликтов, привела к демонстрации рабочих под предводительством священника Георгия Гапона. Сам Гапон трезво оценивал ситуацию и угрозы, перед которыми встала страна. «А вы верите в то, что вы будете приняты, а не расстреляны?» — «Нет, не верю. Я убежден, что нас расстреляют». — «Так зачем же вы это делаете, зачем подвергаете риску, может быть, тысячи жизней?» — «Во-первых, отступить уже нельзя, а во-вторых, за один завтрашний день, благодаря расстрелу, рабочий народ революционизируется так, как другим путем нет возможности это сделать и в десять лет и затратив десятки тысяч жизней». [6, с. 2]. В свою очередь в правительстве нарастал кризис. Витте, не осведомленный о роковом распоряжении министра внутренних дел, не раз произнес фразу: «Расстреливать беззащитных людей, идущих к своему Царю с его портретами и образами в руках, — просто возмутительно, и кн. Святополк-Мирскому необходимо уйти; так как он дискредитирован в глазах всех». [9, с. 45]. Расстрел мирной демонстрации 9 января 1905 года необратимо подорвал веру в «добраго царя». Как писал В. Маяковский *«Позор без названия, ужас без имени покрыв и царя, и площадь, и Зимний»*.

Шок от событий 9 января, вызвал цепную реакцию протестов, продолжающихся с 1905 по 1907 год. Это первая русская революция в собственном смысле слова, т.е. организованная борьба народа за право осуществлять политическую власть. Характерный лозунг «ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВИЕ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ!», показывает, что в отличие от ранее описанных мятежей, здесь народ проявляет политическую волю и готов отказаться от монархии в пользу республики. Итог революции оказался скромнее этих требований, но восставшие добились конституционных прав, создания государственной думы, государственных свобод, отмены цензуры.

Нравственная обстановка изменилась, вера народа в праведного царя, постепенно уходила, революционные волнения стали охватывать армию и флот, массы ощутили себя субъектами истории. Именно эти изменения произвели на свет редчайшее событие в ходе мировой истории – Революцию. «Революции предопределены и неизбежны, считал де Местр, их невозможно предупредить и им нельзя воспрепятствовать». [11, с.14-15].

Февральская и октябрьская революции, изменили ход истории всего мира. Джон Рид восхищался, действиями русского народа: «Какую изумительную жизнеспособность проявляла русская революция после стольких месяцев голодовки и разочарований! Буржуазии следовало бы лучше знать свою Россию. Теперь лишь немногие дни отделяли Россию от полного разгара революционной «болезни» [3, с. 38]. Первая российская революция стала важным этапом процесса буржуазной модернизации России. Она означала начало нового исторического периода. События февраля не позволяют сказать о попытке перехода к социализму, ведь был совершен упор на правовые реформы и установление конституционного строя. Социолог Парето резюмировал, что революции приводят к власти новый правящий класс, у которого сильные инстинкты сохранения агрегатов, следовательно, они добавляют идеальные цели, достижение которых намечено на неопределенное будущее, обещанное народу российской империи. Таким классом в разгар революционного движения стала партия «большевиков».

Конституция 1924 года закрепила победу большевиков в революции и гражданской войне. Требования народа были удовлетворены, определены задачи, которые требовалось решить для создания коммунистической державы. К сожалению, средства для достижения цели, дискредитировали саму цель.

Политика большевиков оказала катастрофическое влияние на православную крестьянскую Россию. Одним из первых этапов формирования нового советского государства был процесс коллективизации. 4 февраля 1931 года И.В. Сталин в своей речи «О зада-

чах хозяйственников» произнес слова: «Мы отстали от передовых стран на 50 – 100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». [17, с. 29]. Сталин верно оценил ситуацию, но отсутствие точных инструкций для проведения коллективизации, недостаток кадров (часто процессом руководил жестокий, необразованный сброд) давали простор для насильственных действий. Шейла Фицпатрик писала, что «коммунисты и комсомольцы толпами хлынули на село, чтобы разделаться с кулаками, коллективизировать деревню, закрыть церкви и вообще втащить отсталое крестьянство за шиворот в XX век». [12, с. 61]. Коллективизация и раскулачивание показало трагедию крестьянства, которая привела не только к экономическому упадку, но и к утрате вечных нравственных ценностей, которые русский народ передавал на протяжении столетий.

Если проведение коллективизации, при всей жестокости, являлось необходимой мерой, то сталинский террор по сей день не находит ни экономического, ни политического, ни идеологического оправдания. Хронология террора делится на несколько этапов: раскулачивание и террор, террор и голод, большой террор, механизм мясных операций, чистки НКВД, военная мобилизация (1939 – 1945), депортация малых народов, массовые репрессии и чрезвычайное законодательство (1946 – 1953). Обнародование секретных донесений из советских архивов в 1990-е годы свидетельствует о том, что жертвами репрессий в сталинскую эпоху стали около 9 миллионов человек. Некоторые историки утверждают, что число погибших составило около 20 миллионов человек. Жертвами «голодомора» называют от 5 до 25 млн. человек. Советская система власти – это воплощение партбюрократии, общество за пределами правящего класса рассматривалось как враждебная сила, с которой нужно расправиться. «Своей системой советская бюрократия сама себя обрекла на заговорщическое мышление и постоянный страх за свое существование». [17, с. 13].

«По вексям войны, платить приходится не во время войны, а много позже, спустя несколько поколений». [16]. Больше-

вистская диктатура оказала непосредственное влияние на гражданское общество, искалечив сознание народа, отключив у него политическую вовлеченность и способность отстаивать свои гражданские права. При Сталине система осуществляла сопротивление, ей требовались репрессии, сдерживающие факторы недовольства народа. Последний всплеск народного недовольства – Новочеркасский бунт при Хрущеве кончился тем, что «были расстреляны ни в чем не повинные советские люди-работяги, возмущенные повышением цен на основные продукты питания». [2].

Период Хрущева получил в истории название «оттепель», Брежнев виделся оплотом стабильности, Горбачев разрушителем идеологических устоев социализма. Начавшиеся в Восточной Европе бархатные революции со временем охватили и СССР. Девяностые годы стали тяжелым и неопределенным временем для граждан Российской Федерации, а также бывших советских республик. Народ испытал психологический шок и культурный кризис, внезапно потеряв значительную часть своих территорий и ясное представление о своем прошлом и будущем. В то же время, в 1991 году, с падением ЦК КПСС и распадом Советского Союза, перед Россией открылись новые перспективы. Жажда перемен выражалась в массовых митингах. Люди протестовали против статьи 6 Конституции СССР, утверждавшей ведущую и направляющую роль КПСС, были подавлены выступления сторонников независимости Литвы. Протесты 90-х указывали на переориентацию масс в сторону либерализма, с опорой на демократические реформы. Народ обрел лидера, способного, как казалось, совершить модернизационный рывок в лице Бориса Ельцина, однако кризис власти, развернувшийся в 1993 году, показал неоднозначность его демократичной политики. Вокруг фигуры Бориса Ельцина постепенно сформировалось то, что получило название «семья». Принадлежность к «семье» была неформальной, а люди, имевшие скромные должности, пользовались огромной властью. Семья меняла свой состав, к концу 90-х многие ушли, но добавились известные сегодня лица: Александр Волошин, Владимир Путин,

Борис Березовский, Роман Абрамович. Сегодняшний президент РФ – выходец из Ельцинской семьи. По мнению многих исследователей, ранние годы президентства В. В. Путина отмечены либеральной направленностью. Большинство политических реформ в 2000-е годы и характер взаимодействия России с другими странами, говорили о продолжении ее развития как демократической державы. Однако методы государственного управления, основанные на связях и личном авторитете первого лица, остались неизменной. *«Коль скоро вводится институт избираемого монарха, то надо мириться с тем, что появится двор, в нем будет своя камарилья, будут те, кто ближе к монарху, и те, кто дальше. Это неминуемо».* Евгений Савостьянов, заместитель руководителя администрации президента РФ. Владимир Путин отрегулировал механизмы, с помощью которых смог оставаться у власти несменяемо, но в глазах большинства, это не противоречило принципам президентской республики. Для многих россиян он стал единственным возможным лидером государства. «Кто если не он? Что тогда будет с Россией?».

В чем причина того, что постсоветское общество не смогло сформировать институт сменяемой власти?

Приверженность русского народа к идее «твердой руки» коренится не только в истории России, но и самой структуре российского общества. Политолог В. Б. Пастухов, в своей работе утверждал, что революция в России, это всегда культурная революция – борьба между носителями разных типов культуры, существующих в рамках одного общества. «Российская культура имеет гетерогенный характер, соединяя в себе европейское личностное и азиатское общинное начала». [14, с. 8]. Противоборство двух типов сознания – индивидуалистическом и общинном – возникающее уже при первых Романовых и ясно обозначившееся после реформ Петра I определяет политическую жизнь России последние 300 лет.

По мысли В. Б. Пастухова, можно выделить черты, определяющие политическую культуру России.

Во-первых, уже отмеченную *двойственность*, раскол общества на две противоборствующие части – носителей двух типов культуры. Носители культуры индивидуализма, образованные, обеспеченные сословия, всегда находились в отдалении от простого народа, создавая свой собственный замкнутый мир. Образованная элита не выражала интересы народа, из-за чего, государство восполняло пробелы в самосознании общества, став, своего рода, соединительной тканью между интеллигенцией и народом. Это порождает вторую важную черту русской политической культуры – *зависимость общества от государства*. «Стоило кому-то попытаться оторвать русское государство от общества, как это общество тут же разбрызгивалось на беспомощные, враждующие между собой фрагменты». [14, с. 18]. Историческая трагедия России заключается в том, что обществу в ней плохо с государством и невозможно без него.

Попытка устранения раскола происходит в XIX веке, по плану реформ Столыпина, противоречие культурных слоев могло быть снято постепенно, эволюционным путем. «Но снять раскол «цивилизованно», оказалась невозможно, потому проблемы были решены в ходе революции». [14, с. 26]. Джон Рид, писал о совершении двух революций в России. «Борьба между пролетариатом и буржуазией, между Советами и правительством, начавшаяся еще в первые мартовские дни, приближалась к своему апогею. Россия, одним прыжком перескочила из Средневековья в XX век, явила изумленному миру две революции – политическую и социальную – в стремительной схватке». [3, с. 38]. Несмотря на специфическое оформление идеологии, советское государство было необходимым этапом эволюционного развития государственности. «За фасадом мощи советов таится возможность фундаментальных перемен. Ниспровержение этой мощи было продуктом скорее русской культуры, нежели национального характера русского народа». [5, с. 1]. Историческая общность, возникшая после падения СССР, пыталась развиваться в демократическом ключе. Но неразрешенное противоречие между, вновь возникшими культурными группами – в данном случае их

можно обозначить как «либералов», сторонников дальнейшей демократизации и «традиционалистов», желающих порядка и стабильности – вновь привело к тому, что государство, в лице «сильного лидера» выступило медиатором и сдерживающей общественные противоречия силой. В образе самодержца, вождя или лидера странным образом слились тезисы об абсолютности и неограниченности прерогатив правителя и о служивом подчиненном характере его власти. «Русское самодержавие – это своеобразная «представительная демократия», в которой у народа есть один-единственный представитель – царь». [14, с. 49]. Российский государь, при любой форме правления, традиционно есть воплощение идеи народного правления и народного суверенитета. Его власть имеет духовное, мистическое и религиозное значения.

Последнее двадцатилетие отмечено не только усилением центральной власти, но и нарастанием недовольства в определенных слоях общества. Первой акцией протеста в путинской России можно назвать митинг в защиту НТВ 31 марта 2001 года. Народ протестовал из-за ограничений деятельности СМИ в стране.

В 2008 году появилось и активно заявило о себе, оппозиционное власти движение «Солидарность» (Борис Немцов). 4 декабря 2011 года, после проведения парламентских выборов, усилились протестные настроения. Требования демонстрантов были связаны с фальсификацией результатов выборов в парламент.

4 февраля 2012 года в Москве прошли сразу два масштабных митинга: в поддержку и против власти. Мероприятие оппозиционеров проходило в виде шествия-митинга от Калужской площади до Болотной площади. Одновременно на Поклонной горе прошел митинг сторонников Владимира Путина под лозунгом «Нам есть, что терять».

В июне 2012 г. Фонд борьбы с коррупцией Алексея Навального (ФБК, признан иноагентом) проводит акции против коррупции в форме митингов и одиночных пикетов 26 марта 2017 года в 100 городах России. Успех акций был вызван отсутствием реакции у властей на фильм-расследование ФБК

"Он вам не Димон", в котором рассказывается о предполагаемых коррупционных связях премьер-министра России Дмитрия Медведева.

27 июля 2019 года Москву охватила несанкционированная акция из-за выборов в Мосгордуму. Участники акции выступили с призывом уволить главу Мосгоризбиркома Валентина Горбунова, а также с критикой президента Владимира Путина и мэра Москвы Сергея Собянина.

В 2020 – 2021 годах произошли крупные акции протеста против засилья олигархии и бюрократии у власти. Представители власти не вступали в диалог с протестующими. С 2020 г. начались уголовные преследования оппозиционеров и политических организаций. Тема коррупции отзывается колоссальным резонансом в российском народе. Но в большинстве случаев не переворачивает картину мира респондентов и не дает значительного мобилизационного эффекта на фоне возросших рисков участия в протестах.

«Не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят». [10, с. 220]. Несмотря на социальные, политические и экономические проблемы современного российского общества, ситуацию в нем нельзя назвать революционной. Жители крупных городов, сохраняя высокий уровень жизни, лояльны власти, даже если это идет в разрез с их ценностями. Жители периферии, даже в плачевной экономической ситуации сохраняют приверженность консервативным ценностям. Россия остается свехцентрализованным государством, в котором определяющую роль играет личный авторитет правителя. Однако «стихийное самодержавие», нашло поддержку и вынуждено было превратиться в организованное, оно обязано балансировать между двумя полюсами русской культуры – консервативным и либеральным,

чтобы удовлетворить первых и успокоить вторых. Для оппозиции правитель приобретает статус «дьявола», которому неминуемо находят замену. Но новый, предполагаемый лидер, например, Алексей Навальный, с его антикоррупционными разоблачениями, скоро также начинает восприниматься как непогрешимый царь. Таким образом, и либеральный и консервативный типы общественного сознания, наблюдаемые в России, привержены тайной надежде на обретение «добраго царя». Поэтому разочарование, которое в конце своего царствования вызывает царь, порождает «бессмысленный и беспощадный бунт». «Народы никогда не восстают против Власти, которая гнетет их и попирает. Ее жестокость вызывает страх, а бывает, что и восторг перед этим бичом великих мира сего». [19]. Но сильная и слепая любовь российского народа порождает столь же сильную и слепую ненависть. Критика власти это вечная эпидемия России.

Роковую взаимосвязь между любовью, которой пользуется царь в начале своего правления (в данном случае под царем следует понимать любого, пользующегося безраздельным доверием народа, политического лидера) и остротой разочарования отмечали еще в XIX веке Муравьев и Бердяев. Так, реформирование власти в России, всегда заканчивается одинаково: «через какое-то время народ «отрастил» бы себе точно такую же алчную и коррумпированную власть, которую он имеет на протяжении многих веков своей истории, не исключая и сегодняшний день». [14, с. 6]. Возможный выход Муравьев видел в превращении России в парламентскую конституционную монархию, где властитель может царствовать и быть предметом народной любви вечно, но функции управления должны принадлежать парламенту.

Взаимоотношения власти и общества в России, имеет сложную историю. В XVI импульсом к обращению к власти была вера в «добраго царя», который оказался во власти неверных людей. Требуя устранения неугодных чиновников, бояр, несправедливых окольных, народ добивался реформ и кратковременного улучшения жизненных условий. В XVII-XVIII века попытки восста-

ний и улучшения положения предпринимало военное сословие, но не одно из восстаний имело целью свержения самодержавия. После века просвещения, наполеоновских войн и великой французской революции и мир постепенно менялся. На фоне промышленных революций XIX века, секуляризации сознания и развития буржуазных отношений видно техническое и идеологическое отставание России. Дворяне предпринимают первую в истории России попытку государственного переворота и передела социально-политической системы. После его провала среди интеллигенции усиливаются радикальные настроения. От хождений в народ радикалы переходят к террору. Убийство императора Александра II, приводит лишь к ужесточению репрессивного режима и усугублению политического кризиса в стране. Коллапс механизмов управления государством приводит к революции 1917 года. Император сменился на вождя.

Российская империя, стала Империей Пролетариата. Большевицкая диктатура проходит несколько фаз, от деспотичного сталинизма к хрущевской «оттепели», брежневскому «застою» и, наконец, горбачевской «гласности». Новый лидер постсоветской России – Борис Ельцин, не справился с поставленной перед Россией задачей – создать модернизированное национальное государство. Второй президент России снова вос-

произвел привычную российскому народу модель управления. Российский народ не являясь политически активным во внутренней политике государства, оставался безучастным к большинству реформ производимых новыми элитами. Деформированность индивидуальной культуры общества, отсутствие процессов саморегуляции и самоорганизации, зависимость общества от государства, представительность русской демократии в царе – все это вернуло страну на рельсы одноканальной системы власти.

Российский народ, в большинстве своем, как и в прежние века, не требует реформ и лишь временами, выражает свое недовольство в форме стихийных протестов. Периоды уступок и «оттепели» сменяются откатом к авторитарным методам управления. При этом российский народ избирает нового, по их мнению, либерального лидера, сменяя одного царя на другого. Русский человек всегда живет в надежде на справедливого лидера, который победит коррупцию и холод, указав путь в новую жизнь, полную света и радости. Эта извечная мечта, как сказал Вертинский, есть «бесконечные пропасти к недоступной весне» - придающие жизни смысл, создающие надежду и цель, которая никогда не будет осуществима русским народом.

Список источников и литературы

1. Бахрушин С. В. Московский мятеж 1648 г. // Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг, 1917. С. 709.
2. Жарков В. П. // В ожидании русского бунта. Опыт исторической реконструкции протеста // Вестник Европы 2013 №36.
3. Десять дней, которые потрясли мир / Джон Рид; пер. с англ. А.Ромма. – СПб.:Азбука,Азбука-Аттикус, 2021.- 352 с. – (Азбука классика).
4. Донесения королеве Христине и письмо королевскому секретарю шведского резидента в Москве Карла Поммеринга // Якубов К. Россия и Швеция в 1-й пол. XVII в. М., 1897. С.419.
5. Икона и топор/ Биллингтон Джеймс Хедли ; пер. с англ. И. Гуррова. – Москва: Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино, 2001.-1 с.
6. И. Павлов. Из воспоминаний о «Рабочем Союзе» и священнике Гапоне / Минувшие годы, 1908, кн. 3 и 4.
7. История России: учеб. — 3-е изд., перераб. и доп. / И90 А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. — М.: ТК Велби, е:Изд-во Проспект, 2006. – 528 е.
8. Капитанская дочка [Текст] : избранная проза / А. С. Пушкин. - Санкт-Петербург : Лениздат, 2014. - 30 с. - (Лениздат-классика).
9. Кокорцов В. Н. К 55 Из моего прошлого. Воспоминания. 1903-1919 гг. В 2-х книгах. Книга первая. - М.: Наука, 1992. - 447 с.

10. Крах II Интернационала. В. Ленин, В. И., Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 26. М.: Политиздат, с. 209–265.
11. Местр, Ж., де. 1997. Рассуждения о Франции. М.: РОССПЭН.
12. Нефедов, С.А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации: монография / С.А. Нефедов ; М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. 283с.
13. Номенклатура. Господствующий класс Советского союза/ М.С. Восленский – Москва/Берлин: Директ-Медия, 2019. – 661 с.
14. Реставрация вместо реформации [Текст] : двадцать лет, которые потрясли Россию / Владимир Пастухов. - Москва : ОГИ, 2012. - 526, [1] с.; 22 см.
15. Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.-Л., 1948. Т.2. С. 218-219.
16. Сорокин Пителир Александрович Война и милитаризация общества//avidreaders.ru[Сайт] Режим доступа: <https://avidreaders.ru/book/voyna-i-militarizaciya-obschestva.html> (Дата обращения 12.10.22).
17. Сталин И. С. Сочинения. Т.13. С. 29.
18. Троицкий Н. А. Указ соч. URL: http://scepisis.net/library/id_1444.html Дата последнего просмотра: 04.10.2022.
19. Шульц Э. Э.// Причины революций: голова или кошелек?//Историческая психология и социология истории № 1 2014 с. 102-119.

Цыгоняева Александра Юрьевна – к.ф.н, доцент кафедры Истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (г. Санкт-Петербург, Россия), cygonyayeva.au@sut.ru

Сафронова Мария Михайловна – студентка 4 курса кафедры Истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (г. Санкт-Петербург, Россия), mashulya34555@gmail.com

“THE ETERNAL TSAR” AS A PRODUCT OF THE POLITICAL CULTURE OF THE RUSSIAN PEOPLE

M. M. Safronova

The article was presented by scientific advisor A. Yu. Tsygonyayeva

The article examines the relations of society and government in Russia from the beginning of the XVI to the beginning of the XXI century. Russian political culture is analyzed in such aspects as the tendency to create a cult of the personality of the head of state, the creation of the myth of the "just tsar" and the debunking of this myth in the "senseless and merciless Russian revolt". The cycle of "elevation" and "overthrow" of the state leader elected by the people to the role of tsar is considered as a pattern of socio-political development of Russia.

Keywords: cultural revolution, autocracy, eternal tsar, power, monarchy, over-centralization, split, liberalism, democracy.

References

1. Bakhrushin S. V. The Moscow mutiny of 1648 // Collection of articles in honor of M.K. Lyubavsky. Pg, 1917. p. 709.
2. Zharkov V. P. // In anticipation of the Russian revolt. Experience of historical reconstruction of protest//Bulletin of Europe 2013 №. 36.
3. Ten days that shook the world/*John Reed*; translated from agl. A.Romm. – SPB.:ABC, ABC-Atticus, 2021.- 352 p. – (ABC classics).

4. Reports to Queen Christina and a letter to the Royal Secretary of the Swedish resident in Moscow *Karl Pommerening // Yakubov K.* Russia and Sweden in the 1st half of the XVII century. M., 1897. p.419.
5. The Icon and the axe / *Billington James Hedley*; trans. with agl. I. Gurrova. – Mosca: All-Russian State Library of Foreign Literature named after M. I. Rudomino, 2001. -1 p.
6. *I. Pavlov.* From the memoirs of the "Workers' Union" and the priest Gapon / The past years, 1908, books 3 and 4.
7. History of Russia: study. — 3rd ed., reprint. and additional / *I90 A. S. Orlov, V. A. Georgiev, N. G. Georgieva, T. A. Sivokhina.* — M.: TK Velbi, e:Publishing house Prospect, 2006. – 528 p.
8. The Captain's daughter [Text] : selected prose / *A. S. Pushkin.* - Saint Petersburg: Lenizdat, 2014. - 30 p. - (Lenizdat-classics).
9. *Kokovtsov V.N.* К 55 From my past. Memories. 1903-1919 In 2 books. The first book. - Moscow: Nauka, 1992. - 447 p.
10. The collapse of the Second International. In: *Lenin, V. I.,* Poln. sobr. Op. 5th ed. Vol. 26. M.: Politizdat, pp. 209-265.
11. *Mestre, J.,* de. 1997. Reflections on France. M.: ROSSPAN.
12. *Nefedov, S. A.* Agrarian and demographic results of Stalinist collectivization: a monograph / S.A. Nefedov ; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, FGBOU VPO "Tambov State University named after G.R. Derzhavin". Tambov : Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2013. 283s.
13. Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union/ *M.S. Voslensky* – Moscow/Berlin: Direct-Media, 2019. – 661 p.
14. Restoration instead of reformation [Text]: twenty years that shook Russia / *Vladimir Pastukhov.* - Moscow : OGI, 2012. - 526, [1] p.; 22 cm.
15. *Smirnov P. P.* The Posadsky people and their class struggle until the middle of the XVII century. M.-L., 1948. Vol.2. pp. 218-219.
16. *Sorokin Pitirim Alexandrovich* War and the militarization of society//avidreaders.ru[Site] Access mode: <https://avidreaders.ru/book/voyna-i-militarizaciya-obschestva.html>Дата appeals (12.10.22).
17. *Stalin I. S.* Essays. Vol. 13. P. 29.
18. *Troitsky N. A.* Decree Op. URL: http://scepsis.net/library/id_1444.html (Date of last viewing: 04.10.2022).
19. *E.E. Schultz*// The causes of revolutions: the head or the purse?//Historical Psychology and Sociology of History No. 1 2014 pp. 102-119.

Tsygonyaeva Alexandra Yuryevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and regional studies, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications (St. Petersburg, Russia), cygonyaeva.au@sut.ru

Safronova Maria Mikhailovna – 4th year student of the Department of History and regional studies, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications (St. Petersburg, Russia), mashulya34555@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 18.07.2023; принята к публикации: 20.09.2023.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Цыгоняева А. Ю. Сафронова М. М. Вечный царь, как продукт политической культуры российского народа // // Социогуманитарные коммуникации. – 2023. – № 3(5). – С. 77-86.

FORCITATION:

Tsygonyaeva A. Y. Safronova M. M. Vechnyj car', kak produkt politicheskoy kul'tury rossijskogo naroda [The Eternal emperor as a product of the political culture of the Russian people] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2023. № 3(5). P. 77-86

ОСОБЕННОСТИ КАРЬЕРНЫХ СТРАТЕГИЙ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЕ В СТРАНАХ АФРИКИ (РУАНДА, ЮАР) И ОКЕАНИИ (АВСТРАЛИЯ, НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ)

В. О. Гашков

Автором представлен взгляд на особенности карьеры женщин в политической элите. Особый интерес представляют страны Африки (Руанда, ЮАР) и Океании (Австралия, Новая Зеландия), так как в последнее время они демонстрируют значительные успехи в достижении гендерного баланса в политической сфере несмотря на свое колониальное прошлое, традиционное понимание гендерных ролей в обществе. Акцентируется внимание на нормативно-правовых актах, гарантирующих равенство возможностей.

Ключевые слова: гендер, карьера, женщины, Африка, Океания, женские карьеры, политическая элит

Введение

На протяжении веков женщины были лишены гражданских прав и свобод, возможности выражать свои взгляды, женское переживание жизни исключалось из социально-экономических отношений. В XX столетии начинается период социально-политических изменений и трансформаций, происходит «женская революция». Женщины получают право участвовать в политической жизни общества. В XXI в. женщины активно покоряют политические вершины, все чаще претендуют на важные государственные посты. Ситуация, когда женщина за-

нимает пост президента или министра, сегодня становится реальностью не только в странах Европы.

Особый интерес для исследования представляют страны Африки и Океании. Выбор таких стран, как Руанда, ЮАР, Австралия, Новая Зеландия в качестве предмета исследования продиктован следующими обстоятельствами. Во-первых, в силу недостаточной представленности в отечественной политологии исследований по этим странам относительно особенностей влияния гендерного фактора на карьерные стратегии женщин в политической среде, представляется необ-

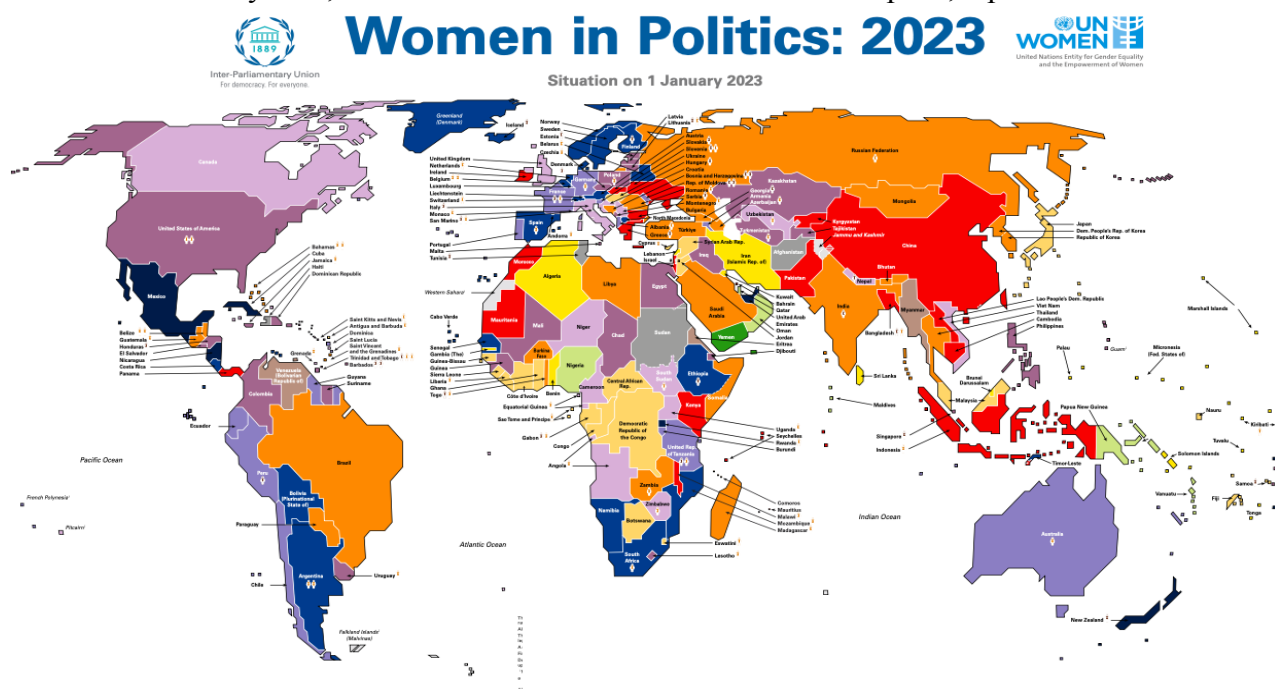

Рис. 1. Женщины в политике: 2023

ходимым сосредоточить внимание на исследовании их специфики. В отечественной политологии есть исследования, изучающие опыт стран Америки, Европы по сходной тематике [5].

Во-вторых, данные страны демонстрируют значительные успехи в достижении гендерного баланса в политической сфере. На Рис. 1 представлена карта «Женщины в политике: 2023» [33], которая представляет собой глобальный рейтинг стран мира, демонстрирующий количество женщин на правительственных и парламентских должностях. Согласно данной карте, по доле женщин в парламенте Руанда находится на 1 месте (61,3%), Новая Зеландия занимает 4 место (50%), ЮАР находится на 11 месте (46,3%) и Австралия на 33 месте (38,4%). В-третьих, вышеуказанные страны заслуживают внимания, так как, несмотря на свое колониальное прошлое, традиционное понимание гендерных ролей, им удалось продемонстрировать успехи в достижении гендерного баланса, сопоставимые со странами Запада.

В современном мире профессиональная деятельность является одной из сфер самореализации человека. Женщина, посвящая свою жизнь построению карьеры, проявляет свои способности, получает признание своей значимости как для своего ближайшего окружения, так и для всего общества в целом. Однако в силу различных обстоятельств, в одних странах мира женщины имеют возможности для профессиональной самореализации, в то время как в других странах – такие возможности отсутствуют. Несмотря на формально провозглашенное равенство полов, которое законодательно закреплено во многих странах мира, на практике складывается ситуация, когда существует скрытая дискриминация (например, феномен «стеклянного потолка или стен»). Те женщины, которые уже добились высот в политике, сравниваются со своими коллегами-мужчинами. Гендерный аспект в той или иной степени оказывает влияние на построение карьеры в политической сфере.

Основная часть

Перейдем к рассмотрению кейсов стран Африки. В начале XXI столетия в Африке произошли изменения, свидетельствующие о

разрушении гендерных стереотипов относительно разделения сфер компетентности женщин и мужчин в политике. Показательным является назначение женщин на высшие государственные посты. Однако только два субрегиона – Южная Африка (ЮАР) и Восточная Африка (Руанда) демонстрируют высокий уровень представленности женщин в политике на Африканском континенте [13, с. 49]. Достижению подобного результата способствовала реализация Целей развития тысячелетия ООН, которые были приняты в 2000 г. на Саммите тысячелетия. Так цель №3 направлена на «поощрение равенства мужчин и женщин и расширение прав и возможностей женщин» [10].

Высокие показатели представительства женщин в высших эшелонах власти среди стран Африки объясняются как объективными причинами (куда можно отнести демографические показатели), так и субъективными. Например, в ЮАР и ряде других государств Африканского континента женщины были активными участниками в борьбе с режимом апартеида, в национально-освободительном движении, а в Руанде после геноцида 1994 г. женщины остались главными экономическими добытчиками и действующими лицами в обществе. Все это способствовало признанию равенства женщин с мужчинами и трактуется современными исследователями как проявление социальной справедливости [4, с. 35]. Достижение гендерного равенства в политике также обусловлено следованием за мировыми тенденциями, чтобы в глазах международного сообщества выглядеть более прогрессивно [7, с. 188]. По мнению Т.С. Денисовой, «руководители африканских государств с первого дня правления ставили перед собой задачу утвердиться в качестве лидеров, признанных мировым сообществом» [1, с. 579].

Основным документом системы защиты прав человека на африканском континенте является Африканская хартия прав человека и народов, права женщин были приняты в специальном Протоколе к ней в 2003 году. Равенство полов в Руанде и ЮАР зафиксировано в национальном законодательстве. В Конституции Руанды отмечается, что все граждане государства равны в независимости от пола, а также все граждане, отвечаю-

щие требованиям, имеют право избирать и быть избранными в органы власти [27]. Аналогичные нормы установлены и в Конституции Южно-Африканской Республики, где вдобавок отмечается, что граждане не могут быть дискриминированы по полу [15].

Значительную роль в достижении гендерной симметрии на политической арене в Африке оказывает введение гендерных квот на женское представительство в органах власти. В статье 9 Конституции Руанды отмечается, что женщины должны занимать не менее 30% должностей во властных структурах, а в ЮАР в правящей партии «Африканский национальный конгресс» установлена квота 50% представительства женщин в выборных структурах [8, с. 46].

Хотя гендерные квоты и могут быть мощным инструментом для повышения представительства женщин во властных кругах, к вопросу их введения не все относятся положительно. Так 6 марта 2014 г. в стенах Санкт-Петербургского государственного университета выступала Посол Руанды (а ныне министр окружающей среды) Жанна д'Арк Муджавамария с лекцией [9], в которой отметила, что не одобряет политику введения гендерных квот в своей стране по ряду причин. Во-первых, гендерные квоты игнорируют качественные возможности женщин-кандидатов. Во-вторых, они лишь подчеркивают слабость женщин по отношению к кандидатам-мужчинам в силу того, что для женщин необходимо создавать особые условия. В-третьих, введение подобных квот лишает женщин возможности равной конкуренции с мужчинами, в силу чего под сомнение попадает сам вопрос гендерного равенства.

Женщины Африки, выбравшие карьеру своей жизненной траекторией, испытывают на себе влияние сразу нескольких систем координат: этнической, родовой, семейной. Большое значение на данном континенте придается системе неформальных отношений в политической среде (родственные, этнические связи). Несмотря на достигнутые результаты, для стран Африки до сих пор является актуальным конфликт между традициями и принципом равенства полов, т.к. в обществе все еще сохраняется патриархальный взгляд на роль женщин. В африкан-

ском обществе имеют место двойные стандарты относительно равных прав и возможностей полов [6, с. 158]. Независимо от того, насколько сильным парламентарием является женщина, дома она обязана выполнять даже церемониальные обязанности. Доктор Ч. Нванквор отмечает, что в Африке «нет недостатка в умных, амбициозных и способных женщинах-потенциальных лидерах, но многочисленные препятствия стоят на пути устремлений женщин-кандидатов» [23].

Существующие в африканском обществе препятствия на пути построения политической карьеры женщин выражаются в глубоко укоренившихся традициях патриархата, неравном доступе к высшему образованию, отсутствием экономических ресурсов у женщин [22, с. 6]. Расширение прав и возможностей женщин означает преобразование социальных отношений и практик таким образом, чтобы женщины могли заявлять о себе и чувствовать себя полноправными гражданами государства [11, с. 567].

Исследуя кейс Африки, нельзя не затронуть возможное влияние трайбалистского фактора на женские карьеры, который проявляется в исключительной замкнутости одной этнической группы и сопровождается враждебными настроениями по отношению к другой. Геноцид 1994 г. в Руанде начался на фоне этнических столкновений между народами тутси (скотоводы) и хуту (земледельцы). Тутси, составляющие значительное меньшинство, истребили до 800 тыс. хуту. Тутси пришли на земли Руанды значительно позже хуту, но смогли занять господствующее положение в феодальном устройстве государства XVI-XIX в., которое они смогли сохранить и в колониальный период. Руанда XXI века не признает деления народа по этническим признакам, существует лишь нация – руандийский народ. Более того, даже произносить вслух слова «хуту» и «тутси» нежелательно, старшее поколение болезненно воспринимает вопросы этнической принадлежности. Национальность в Руанде сегодня доминирует над этносом [2, с 91]. Поэтому узнать этническую принадлежность женщин, построивших карьеру в политике и ставших частью политической элиты Руанды, а также влияние этноса на карьерные стратегии женщин не представляется воз-

возможным, т.к. данная информация тщательно скрывается.

Что касается ЮАР, то этнический состав этого государства весьма разнообразен и состоит из четырех групп: африканеры (потомки белых колонистов), африканцы, мулаты и азиаты. За такое этническое разнообразие ЮАР негласно называют радужной республикой. Из истории можно проследить основную линию раскола, пролегающую между черной и белой общинами. И хотя стране удалось в свое время избежать мощного межрасового конфликта, угроза столкновений между белым населением (занимающим более высокий уровень жизни) и основной массой граждан государства сохраняется.

Важным представляется рассмотреть религиозный фактор. Самой распространенной религией в Руанде является Христианство, которое так не распространено больше ни в одной другой африканской стране: 43,7% населения исповедуют католицизм; 37,7% протестантизм; 11,8% адвентизм. 2% населения являются мусульманами; 2,5% заявляют, что не причастны ни к какой религии; 0,2% исповедуют прочие религии [31, 32]. Высокое распространение христианские конфессии в Руанде получили благодаря тому, что принятие Христианства открывало населению путь к грамоте и изучению языка господ колониального периода. Однако после событий 1994 г. христианские церкви подверглись жесточайшей критике из-за причастности некоторых служителей церкви (католических и протестантских) к событиям геноцида. Возможно, это также одна из причин, по которой женщины-министры Руанды не поднимают тему своей религиозной принадлежности. В связи с критикой Христианства, возрос процент принявших ислам, т.к. это – «единственная конфессия, которая безоговорочно осудила геноцид» [3, с. 190].

Согласно данным 2015 г., 86% населения ЮАР являются приверженцами христианства (доминируют протестанты и католики); 5,4% придерживаются анимистических и других традиционных африканских верований; 1,9% являются мусульманами; 1,5% исповедуют другие религии (буддизм, индуизм); 5,2% не придерживаются какой-то конкретной религии [32]. В эпоху режима апар-

теида государство видело мощную опору в церкви. Несколько христианских церквей (крупнейшая – Голландская реформаторская церковь) в XX в. активно продвигали расовые разногласия через политическую философию апартеида. Христианство оказало значительное влияние в идеологическом обосновании разделения рас, подкрепляя расизм цитатами из Священного Писания. Ответом на расистскую позицию Голландской церкви стало создание Афрохристианских церквей. Женщины-министры ЮАР активно выступают за признание религиозного разнообразия Африки и свободу вероисповедания.

Переходя к рассмотрению следующего кейса, важно отметить, что Океания зачастую считается тем регионом мира, в котором не поддерживаются политические амбиции женщин. Однако необходимо констатировать тот факт, что одними из первых в мире женское избирательное право признали Новая Зеландия в 1893 г. и Австралия в 1902 г. [17, с. 141]. Исследователи отмечают, что ситуация, когда женщины недостаточно представлены в политике, является проблематичной, так как специфические интересы и потребности женщин не могут быть в должной степени учтены в политике, в которой доминируют мужчины [16, с. 48]. Женщины в политике часто имеют другие приоритеты, поэтому увеличение представительств женщин может изменить политические процессы.

Что касается нормативно-правовой составляющей, направленной на обеспечение гендерного равенства, то в Австралии действует закон о дискриминации по признаку пола 1984 года [29], защищающий женщин от дискриминации, а в Новой Зеландии действует закон о правах человека 1993 года, гарантирующий равенство полов в обществе [19].

Вопрос о необходимости введения гендерных квот в Австралии был оставлен на усмотрение политических партий. Лейбористская партия поддержала введение квот, а Либеральная и Национальная партии выступили против, так как с их точки зрения это противоречит принципу заслуг для кандидатов, потому что они отдают предпочтение женщинам, а также квоты не являются

проявлением демократичности. С 2012 г. Лейбористская партия приняла введение гендерных квот по формуле 40:40:20. Это означает, что 40% мест, занимаемых лейбористами, должны занимать женщины, 40% мест - мужчины, а оставшиеся 20% могут быть заполнены кандидатами любого пола [21]. В Новой Зеландии отсутствуют гендерные квоты, 34% респондентов одного из проведенных исследований выступили против введения гендерных квот в органах, принимающих политические решения [14].

Построение карьеры в политической сфере в Австралии и Новой Зеландии традиционно считается мужским делом. Партийных лидеров в данных странах издавна называли отцами нации, поэтому первых женщин-политиков вначале называли матерями нации [30, с. 33]. Опросы показывают, что в Австралии существует гендерный разрыв в политических знаниях и амбициях между мужчинами и женщинами, однако этот разрыв сократился, когда премьер-министром Австралии в 2010 году впервые в истории этой страны стала женщина [25, с. 139]. По мнению профессора И. Макаллистера, «открытие политического мира для большего числа женщин политиков должно привести к более высокому уровню политической активности среди женщин» [20].

В странах Океании существуют препятствия для политического представительства женщин. В качестве таких препятствий могут выступать патриархальные устои общества, подчиненный экономический статус женщины. Еще одним препятствием для построения политической карьеры в Австралии и Новой Зеландии может служить репрезентация женщин-политиков в СМИ. Те женщины, которые не оправдали высоких ожиданий, взойдя на политическую арену, часто подвергаются жестоким нападкам и унижениям [12]. Например, Джулия Гиллард – бывший премьер-министр Австралии и первая женщина на данном посту, анализируя свое пребывание на вершине политического Олимпа, отмечает, что «... оружие в жестких политических дебатах стало своего рода оскорблениями, которыми бросают только в женщину. ... Каждый негативный стереотип, который вы можете себе представить ... все это разыгрывалось» [18].

Рассматривая кейс Новой Зеландии, важно упомянуть возможное влияние трайбалистского фактора на представленность женщин в политике. В 1840 г. между представителями британской короны и племенами маори был заключен политический Договор Вайтанги. Суть данного договора заключается в том, что маори уступают суверенитет Великобритании и дают ей исключительное право на покупку земли, а взамен маори гарантируются полные права собственности на свои земли, предоставляются права и свободы британских подданных. Фактически, Новая Зеландия стала частью колонии Новый Южный Уэльс. В результате действия Договора, маори отчуждались от своих земель и ресурсов без согласия и должной компенсации. Маори пытались урегулировать свои жалобы, но часть претензий так и не была рассмотрена. Это оставило сильное чувство обиды у владельцев земель и их потомков среди маори. Договор Вайтанги был первоначальным соглашением между маори и колонизаторами, позже полномочия британской короны в Новой Зеландии были переданы парламенту. Лидеры и народ маори подчеркивают важность данного соглашения в жизни нации.

Исследуя влияние религиозного фактора на женские карьеры, важно отметить, что Австралия является многоконфессиональным государством. Согласно переписи 2021 г., Христианство исповедует 43,9% населения, высокий процент австралийцев, сообщающих об отсутствии религиозной принадлежности – 38,9%, Ислам исповедуют 3,2%, Буддизм – 2,4% [26]. Высокий процент распространения Христианства обусловлен миграцией первых поселенцев в конце XVIII в. Австралийские аборигены легко смешивают христианские концепции со своими верованиями. Христианство во многом повлияло на духовность аборигенов. Более того, Христианство гораздо сильнее в общине аборигенов, чем в любой другой части общества Австралии. Около 73% аборигенов идентифицируют себя как христиане: треть христиан-аборигенов является англиканами, треть – католиками, остальные принадлежат к Объединенной церкви [24].

Согласно переписи населения 2018 г., 48,2% граждан Новой Зеландии идентифи-

цировали себя как «не имеющие религии», 36,5% граждан отнесли себя к различным христианским конфессиям, 2,6% населения исповедует индуизм, 1,3% – ислам, 1,3% – традиционные верования маори, 1,1% – буддизм [28]. Христианство получило распространение после того, как в начале XIX в. в Новую Зеландию прибыли англиканские миссионеры, которые свободно владели языком маори и выступали посредниками между колониальным правительством и местными общинами. Местное население – маори, признали Христианство своей религией, большая их часть регулярно посещала богослужения. Традиционное мировоззрение маори основано на различии между физической и сверхъестественной сферами, последняя включает в себя веру в таких существ, как боги, духи, предки.

Заключение

Характерными особенностями карьерных стратегий женщин в политической элите в странах Африки (Руанда, ЮАР) является обеспечение принципа равенства женщин с мужчинами, что находит свое выражение в национальном законодательстве и подтверждается на практике высоким представительством женщин в политической сфере, а также проявление социальной справедливости – женщины были активными участниками в борьбе за независимость своих государств, а сегодня принимают активное участие в их развитии. Значимую роль имеют гендерные квоты, влияющие на карьеру женщин в политике, хотя существуют противники подобных мер. Тем не менее, разговоров об отмене гендерных квот в этих странах на уровне государства не поднимается,

однако как показывает опыт Руанды, которая значительно перешагнула порог в 30%, надежность в подобных мерах постепенно будет отпадать. Ключевой особенностью влияния гендерного фактора на политическую карьеру женщин в странах Африки можно назвать сильное влияние традиционной культуры, однако женщины Руанды и ЮАР преуспевают в политике и занимают высшие руководящие должности.

Говоря об особенностях карьерных стратегий женщин в странах Океании (Австралия, Новая Зеландия), важно констатировать тот факт, что здесь также действует национальное законодательство, гарантирующее равный доступ граждан к участию в политической жизни вне зависимости от пола, а вот к введению гендерных квот в этих странах относятся неоднозначно. Опыт Новой Зеландии ярко демонстрирует факт того, что даже без введения подобных мер можно достичь женского представительства в 50%. Нельзя забывать, что женщины вынуждены строить свою карьеру в условиях патриархальных убеждений и неравного доступа к экономическим ресурсам. Интересной особенностью является влияние СМИ на развитие карьерных траекторий женщин в Австралии. Главной особенностью влияния гендерного фактора на политическую карьеру женщин в странах Океании является различие в сфере политических интересов. Женщины наиболее заинтересованы в вопросах социального обеспечения и прав женщин, что может считаться гораздо менее значимым среди членов общества.

Список источников и литературы

1. Денисова Т. С. Тропическая Африка: эволюция политического лидерства: монография / Т. С. Денисова. М.: Институт Африки РАН, 2016. – 596 с.
2. Завьялова О. Ю. Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2016. – №4. – С. 91-98.
3. Кривушин И. В. Сто дней во власти безумия: руандийский геноцид 1994 г.: монография / И. В. Кривушин. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. – 2015. – 680 с.
4. Крылова Н. Л., Ксенофонтова Н. А. Африка в гендерном измерении (К 30-летию гендерных исследований в российской африканистике) // Женщина в российском обществе. – 2019. – №2. – С. 32-42.
5. Новикова Е. А. Гендерный аспект политического участия женщин: сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов. – 2013.

6. Прокопенко Л. Я. Гендерное равенство в политическом пространстве стран Юга Африки: успехи и проблемы становления // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2022. – №1. – С. 148-165.
7. Прокопенко Л. Я. Женщины и власть: на примере стран Юга Африки: монография / Л. Я. Прокопенко. М.: Институт Африки РАН. – 2018. – 206 с.
8. Прокопенко Л. Я., Денисова Т. С. Проблема гендерного паритета во внешнеполитических ведомствах стран Африки // Женщина в российском обществе. – 2021. – №1. – С. 44-55.
9. Публичная лекция Посла Руанды Жанны Д.Арк Мужамавария // СПбГУ. Экономический факультет [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.econ.spbu.ru/ru/news-events/news/publicnaaya-lekciya-posla-ruandy-zhanny-dark-muzhamavariya> (дата обращения: 01.02.2023).
10. Цели развития тысячелетия // Организация Объединенных Наций в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.unrussia.ru/ru/millennium-development-goals> (дата обращения: 30.01.2023).
11. Abbott P., Malunda D. The promise and the reality: women's rights in Rwanda // African journal of international and comparative law. 2016. №4. P. 561-581.
12. Acker E. Media representation of women politicians in Australia and New Zealand: high expectations, hostility or stardom // Policy and Society [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1449403503700162> (дата обращения: 04.02.2023).
13. Aloysius U. O. Foresight Africa. Top priorities the continent in 2022 / U. O. Aloysius // Brookings Institution. 2022. 122 p.
14. Citizens call a gender-equal world: a roadmap for action // Women deliver and Focus 2030 [Электронный ресурс]. URL: https://focus2030.org/IMG/pdf/global_survey_gender_equality_newzealand.pdf (дата обращения: 03.02.2023).
15. Constitution of the Republic of South Africa // South African Government [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gov.za/documents/constitution-republic-south-africa-1996> (дата обращения: 30.01.2023).
16. Curtin J. Women and Proportional Representation in Australia and New Zealand // Policy and Society. 2003. №1. P. 48-68.
17. George N. Women in politics: Pacific Islands and New Zealand // Women, policy and political leadership: regional perspectives in today's world. 2020. №2. P. 141-158.
18. Gillard J., Okonjo-Iweala N. Women and leadership. Real lives, real lessons // Vintage books [Электронный ресурс]. URL: <https://yes-pdf.com/book/2011/read> (дата обращения: 04.02.2023).
19. Human Rights Act 1993 // New Zealand Legislation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/1993/0082/latest/DLM304212.html> (дата обращения: 03.02.2022).
20. McAllister I. The gender gap in political knowledge revisited: Australia's Julia Gillard as a natural experiment // Bristol University Press [Электронный ресурс]. URL: <https://bristoluniversitypressdigital.com/view/journals/ejpg/2/2/article-p197.xml> (дата обращения: 04.02.2023).
21. McCann J. Electoral quotas for women: an international overview // Parliament of Australia [Электронный ресурс]. URL: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/pubs/rp/rp1314/ElectoralQuotas_-_ftn58 (дата обращения: 03.02.2023).
22. Morna C. L., Tolmay S., Makaya M. Women's Political Participation – Africa Barometer 2021 / C. L. Morna // International IDEA. 2021. 232 p.
23. Nwankwor C. Priorities for advancing women's equal political leadership in the coming year // Brookings [Электронный ресурс]. URL: <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2022/02/23/priorities-for-advancing-womens-equal-political-leadership-in-the-coming-year/> (дата обращения: 02.02.2023).
24. O'Loughlin T. Recognition for Aboriginal Christians / The Guardian [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/belief/2009/jul/28/uniting-church-aboriginal-australia> (дата обращения: 05.04.2023).
25. Porter E. Women in politics in Australia // Women, policy and political leadership. 2020. P. 131-139.
26. Religious affiliation in Australia. Exploration of the changes in reported religion in the 2021 census // Australian Bureau of Statistics [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.abs.gov.au/articles/religious-affiliation-australia> (дата обращения: 05.04.2023).

27. *Rwanda's Constitution of 2003 with Amendments through 2015* // Constitute project [Электронный ресурс]. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Rwanda_2015.pdf?lang=en (дата обращения: 30.01.2023).

28. *Scroope C. Religion / New Zealand culture* [Электронный ресурс]. URL: <https://culturalatlas.sbs.com.au/new-zealand-culture/new-zealand-culture-religion> (дата обращения: 08.04.2023).

29. *Sex Discrimination Act 1984* // Australian Government [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2014C00002> (дата обращения: 03.02.2023).

30. *Simms M. Women politics and leadership in Australia and New Zealand* // Symposium: challenges to women's leadership. 2008. №1. P. 32-46.

31. *Socio-cultural characteristics of the population* // National Institute of statistics of Rwanda [Электронный ресурс]. – URL: https://statistics.gov.rw/sites/default/files/publications/44f8488f-93f8-4cc6-854b-85cdc01467de/RPHC4_Socio_cultural_characteristics_population.pdf (дата обращения: 01.04.2023).

32. *South Africa Religions* // index mundi [Электронный ресурс]. URL: https://www.indexmundi.com/south_africa/religions.html (дата обращения: 01.04.2023).

33. *Women in politics: 2023* // UN Women [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2023/03/women-in-politics-map-2023> (дата обращения: 01.03.2023).

Гашков Виталий Олегович – магистр, факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), vtyorner@bk.ru

FEATURES OF WOMEN'S CAREER STRATEGIES IN THE POLITICAL ELITE IN AFRICA (RWANDA, SOUTH AFRICA) AND OCEANIA (AUSTRALIA, NEW ZEALAND)

V. O. Gashkov

The author presents a look at the features of women's careers in the political elite. Of particular interest are the countries of Africa (Rwanda, South Africa) and Oceania (Australia, New Zealand), as they have recently shown significant progress in achieving gender balance in the political sphere, despite their colonial past, traditional understanding of gender roles in society. Attention is focused on legal acts that guarantee equality of opportunity.

Keywords: gender; career; women; Africa; Oceania; women's careers; political elite

References

1. *Denisova T. S. Tropical Africa: the evolution of political leadership: monograph* / T. S. Denisova. M.: Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences, 2016. – 596 p.
2. *Zavyalova O. Yu. Geocultural spaces and codes of cultures of Asia and Africa* // Bulletin of St. Petersburg University. – 2016. – No. 4. – pp. 91-98.
3. *Krivushin I. V. One hundred days in the grip of madness: the Rwandan Genocide of 1994: monograph* / I. V. Krivushin. M.: Publishing House of the Higher School of Economics. - 2015. – 680 p.
4. *Krylova N. L., Ksenofontova N. A. Africa in the gender dimension (To the 30th anniversary of gender studies in Russian African studies)* // Woman in Russian society. – 2019. – No. 2. – pp. 32-42.
5. *Novikova E. A. Gender aspect of women's political participation: comparative analysis: abstract. dis. ... candidate of Political Sciences. sciences'. Saratov. – 2013.*
6. *Prokopenko L. Ya. Gender equality in the political space of the countries of Southern Africa: successes and problems of formation* // Bulletin of the RUDN. Series: Political Science. – 2022. – No. 1. – pp. 148-165.
7. *Prokopenko L. Ya. Women and power: on the example of the countries of Southern Africa: monograph* / L. Ya. Prokopenko. M.: Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. – 2018. – 206 p.

8. *Prokopenko L. Ya., Denisova T. S.* The problem of gender parity in the foreign ministries of African countries // *A woman in Russian society*. - 2021. – No. 1. – pp. 44-55.
9. Public lecture by Ambassador of Rwanda Jeanne D.Ark Muzhamavariya // St. Petersburg State University. Faculty of Economics [Electronic resource]. – URL: <https://www.econ.spbu.ru/ru/news-events/news/publicchnaya-lekciya-posla-ruandy-zhanny-dark-muzhamavariya> (accessed: 01.02.2023).
10. Millennium Development Goals // United Nations in the Russian Federation [Electronic resource]. – URL: <http://www.unrussia.ru/ru/millennium-development-goals> (accessed: 30.01.2023).
11. *Abbott P., Malunda D.* The promise and the reality: women’s rights in Rwanda // *African journal of international and comparative law*. 2016. №4. P. 561-581.
12. *Acker E.* Media representation of women politicians in Australia and New Zealand: high expectations, hostility or stardom // *Policy and Society* [electronic resource]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1449403503700162> (last request: 04.02.2023).
13. *Aloysius U. O.* Foresight Africa. Top priorities the continent in 2022 / U. O. Aloysius // *Brookings Institution*. – 2022. – 122 p.
14. *Citizens call a gender-equal world: a roadmap for action* // *Women deliver and Focus 2030* [electronic resource]. URL: https://focus2030.org/IMG/pdf/global_survey_gender_equality_newzealand.pdf (last request: 03.02.2023).
15. *Constitution of the Republic of South Africa* // *South African Government* [electronic resource]. – URL: <https://www.gov.za/documents/constitution-republic-south-africa-1996> (last request: 30.01.2023).
16. *Curtin J.* Women and Proportional Representation in Australia and New Zealand // *Policy and Society*. – 2003. – №1. – P. 48-68.
17. *George N.* Women in politics: Pacific Islands and New Zealand // *Women, policy and political leadership: regional perspectives in today's world*. – 2020. – №2. – P. 141-158.
18. *Gillard J., Okonjo-Iweala N.* Women and leadership. Real lives, real lessons // *Vintage books* [electronic resource]. – URL: <https://yes-pdf.com/book/2011/read> (last request: 04.02.2023).
19. *Human Rights Act 1993* // *New Zealand Legislation* [electronic resource]. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/1993/0082/latest/DLM304212.html> - DLM304211 (last request: 03.02.2023).
20. *McAllister I.* The gender gap in political knowledge revisited: Australia’s Julia Gillard as a natural experiment // *Bristol University Press* [electronic resource]. – URL: <https://bristoluniversitypressdigital.com/view/journals/ejpg/2/2/article-p197.xml> (last request: 04.02.2023).
21. *McCann J.* Electoral quotas for women: an international overview // *Parliament of Australia* [electronic resource]. URL: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/pubs/rp/rp1314/ElectoralQuotas_-_ftn58 (last request: 03.02.2023).
22. *Morna C. L., Tolmay S., Makaya M.* Women’s Political Participation – Africa Barometer 2021 / C. L. Morna // *International IDEA*. – 2021. – 232 p.
23. *Nwankwor C.* Priorities for advancing women’s equal political leadership in the coming year // *Brookings* [electronic resource]. URL: <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2022/02/23/priorities-for-advancing-womens-equal-political-leadership-in-the-coming-year/> (last request: 02.02.2023).
24. *O’Loughlin T.* Recognition for Aboriginal Christians / *The Guardian* [electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/belief/2009/jul/28/uniting-church-aboriginal-australia> (last request 05.04.2023).
25. *Porter E.* Women in politics in Australia // *Women, policy and political leadership*. 2020. P. 131-139.
26. *Religious affiliation in Australia. Exploration of the changes in reported religion in the 2021 census* // *Australian Bureau of Statistics* [electronic resource]. URL: <https://www.abs.gov.au/articles/religious-affiliation-australia> (last request: 05.04.2023).
27. *Rwanda’s Constitution of 2003 with Amendments through 2015* // *Constitute project* [electronic resource]. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Rwanda_2015.pdf?lang=en (last: 30.01.2023).
28. *Scroope C.* Religion / *New Zealand culture* [electronic resource]. – URL: <https://culturalatlas.sbs.com.au/new-zealand-culture/new-zealand-culture-religion> (last request: 08.04.2023).

29. *Sex Discrimination Act 1984* // Australian Government [electronic resource]. – URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2014C00002> (last request: 03.02.2023).
30. *Simms M.* Women politics and leadership in Australia and New Zealand // Symposium: challenges to women's leadership. – 2008. – №1. – P. 32-46.
31. *Socio-cultural characteristics of the population* // National Institute of statistics of Rwanda [electronic resource]. – URL: https://statistics.gov.rw/sites/default/files/publications/44f8488f-93f8-4cc6-854b-85cdc01467de/RPHC4_Socio_cultural_characteristics_population.pdf (last request: 01.04.2023).
32. *South Africa Religions* // index mundi [electronic resource]. URL: https://www.indexmundi.com/south_africa/religions.html (last request: 01.04.2023).
33. *Women in politics: 2023* // UN Women [electronic resource]. URL: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2023/03/women-in-politics-map-2023> (last request: 01.03.2023).

Gashkov Vitaliy Olegovich – master, Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), vtorner@bk.ru

Статья поступила в редакцию: 13.06.2023; принята к публикации: 22.09.2023.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Гашков В. О. Особенности карьерных стратегий женщин в политической элите в странах Африки (Руанда, ЮАР) и Океании (Австралия, Новая Зеландия) // Социогуманитарные коммуникации. – 2023. – 3(5). – С. 87-96.

FOR CITATION:

Gashkov V. O. Osobennosti kar'ernyh strategij zhenshchin v politicheskoy elite v stranah Afriki (Ruanda, YUAR) i Okeanii (Avstraliya, Novaya Zelandiya) [Features of women's career strategies in the political elite in Africa (Rwanda, South Africa) and Oceania (Australia, New Zealand)] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2023. № 3(5). P. 87-96

УДК 659.4

МЕТОДИКА КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ АКТИВНОСТИ ПОДПИСЧИКОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ПОЛИТИКОВ

К. В. Землякова, А. В. Кульназарова

Статья посвящена описанию методики подсчета и оценки активности подписчиков в аккаунтах премьер-министров Великобритании Т. Мэй и Б. Джонсона в социальной сети Twitter. Отклик аудитории выражается в разных действиях-реакциях на посты политиков: лайках, репостах, комментариях. В качестве материала использованы реакции на твиты из аккаунтов Т. Мэй и Б. Джонсона. Предлагаемая авторами процедура расчета вводит понятие индекса обратной связи, который позволяет оценивать популярность деятельности политиков в социальных медиа.

Ключевые слова: политическая соцсетевая коммуникация, политический микроблог, подписчики, индекс обратной связи, фидбэк, отклик.

Введение

В настоящее время, в условиях обостряющихся кризисов политические акторы ведут борьбу за поддержку электората как офлайн, так и на онлайн-площадках. Социальная сеть Twitter¹ является одной из наиболее эффективных площадок для общения представителей власти в интернете в англоязычном сегменте Интернета. Особенный научный интерес представляет такой инструмент завоевания доверия политиками, как личный или официальный микроблог в Твиттере, где посты (твиты) публикуются в небольшом текстовом формате. По мысли Н. В. Кобрин, «в медиатекстах социальных медиа особую значимость приобретает личность самого коммуниканта» [6, с. 95], и аккаунты президентов и лидеров стран также активно изучаются лингвистами [1; 2; 3], социологами и политологами [7; 8; 9].

Важность поведения читателей в социальных сетях также неоспорима: политические аккаунты (и их подписчики) напрямую участвуют в формировании новостного поля о политике в мире [5, с. 91]. Есть предположение о том, что между используемой политиком презентационной стратегией и количеством лайков, репостов, комментариев на его твиты существует определенная корреляция. Прежде чем оценивать выбираемые стратегии и тактики самопрезентации и убеждения, представляется важным предложить способ расчета отклика у подписчиков на его

действия в социальной сети. Данная статья направлена на описание расчета такого показателя, как индекс обратной связи, с помощью которого затем можно строить гипотезы об успешном ведении политической коммуникации в Интернете.

В политической науке установлено, что социальные сети влияют на политическую мобилизацию и более того, вносят изменения в технологии политической мобилизации, например, посредством быстрого и децентрализованного распространения мобилизующей информации [8, с. 48].

В условиях цифровизации политическое участие может выражаться в виртуальной и реальной среде. Обозначим основные формы политического участия в интернет-пространстве от наиболее примитивных к более «сложным»:

- выражение поддержки, одобрения / неодобрения через функционал «лайк» / «дизлайк» и тому подобное;
- распространение политического контента (репосты, размещение ссылок на публикации или материалов СМИ, блогов);
- обсуждение общественно-политических вопросов в интернете;
- создание и публикация политического контента;
- электронное голосование, подписание петиций;
- пожертвование средств (фандрайзинг);
- коммуникация с органами власти через онлайн-приемные;

¹ Twitter заблокирован на территории РФ с 4 марта 2022 г.

- формирование онлайн-сообществ, планирование и реализация гражданских инициатив и проектов коллективных действий.

Наиболее простые способы выражения политической позиции (выражение одобрения (неодобрения), комментарии и репосты) являются первыми ступенями на пути к формированию эффективных онлайн-сообществ, оказывающих влияние на реальное поведение граждан, например, в условиях электорального процесса [9].

Цель данного исследования – вычислить популярность блогов двух премьер-министров по такому показателю, как количество и вес откликов от подписчиков в политическом соцсетевом аккаунте.

Материалы и методы исследования.

Статистический анализ позволяет оценивать уровень популярности публикаций и отклика аудитории на них, а также выявлять закономерности обратной связи следующим показателем:

- количество и средние значения просмотров, лайков, эмоджи, репостов и комментариев;
- корреляция (зависимость) между указанными критериями;
- соотношение просмотров, лайков, эмоджи, репостов и комментариев [9].

Использование данного метода целесообразно при условии достаточного объема количественных данных. Материалом исследования послужила случайная выборка твитов из аккаунтов Т. Мэй и Б. Джонсона за произвольно взятый месяц. Из Твиттера Т. Мэй были взяты последние 100 твитов, соотносящихся с окончанием срока ее полномочий в качестве премьер-министра. Эти твиты датированы с 05.06.2019 по 06.07.2019. Из Твиттера Б. Джонсона выбрано 100 твитов за период с 28.04.2021 по 25.05.2021, соответствующие также времени пребывания политика на посту главы правительства.

Общее текстовое пространство для анализа составило 3319 слов из блога Б. Джонсона и 2949 слов из аккаунта Т. Мэй, что говорит об относительно одинаковой

плотности общения политиков со своим электоратом в социальной сети Твиттер за взятый период соответственно. Исходя из мысли Л. Г. Карандеевой, что «виртуальное общение по успешности состоявшейся коммуникации не отличается от реального» [4, с. 171], можно предположить, что политическое участие, проявляемое в виде реакций подписчиков, способствует повышению мобилизационного потенциала политических коммуникаций через социальные сети.

Методика расчета отклика подписчиков на посты премьер-министров.

Каждому твиту присущи количественные данные – показатели обратной реакции: количество лайков, репостов и комментариев. Эти данные участвовали в определении корреляции между используемыми языковыми средствами в постах и реакциях на ту или иную стратегию поведения политика в соцсети. Будем считать, что репост имеет больший вес для демонстрации отклика со стороны подписчиков, чем просто лайк, а комментарий имеет больший вес, чем репост.

Назначим ценность каждому типу реакции, присвоив вес лайку в виде коэффициента 0,1, репосту – в виде коэффициента 0,4 и комментарий – коэффициент 0,5. Сложим вес всех реакций, получив таким образом индекс обратной связи для каждого политика. Умножим на 100 и разделим на общий суммарный вес за все три типа реакций в блоге – так мы получим долю каждого типа реакции из всех реакций на твиттер-коммуникацию политика.

Получение количественных данных достигается путем выполнения двух операций:

- а. Использовать индекс обратной связи: лайк*0,1 + репост*0,4 + коммент*0,5.
- б. Представить результаты в процентном соотношении для более наглядного представления доли и веса каждого типа реакции: индекс обратной связи*100/общий вес.

Построение графических изображений отклика подписчиков в блогах премьер-министров.

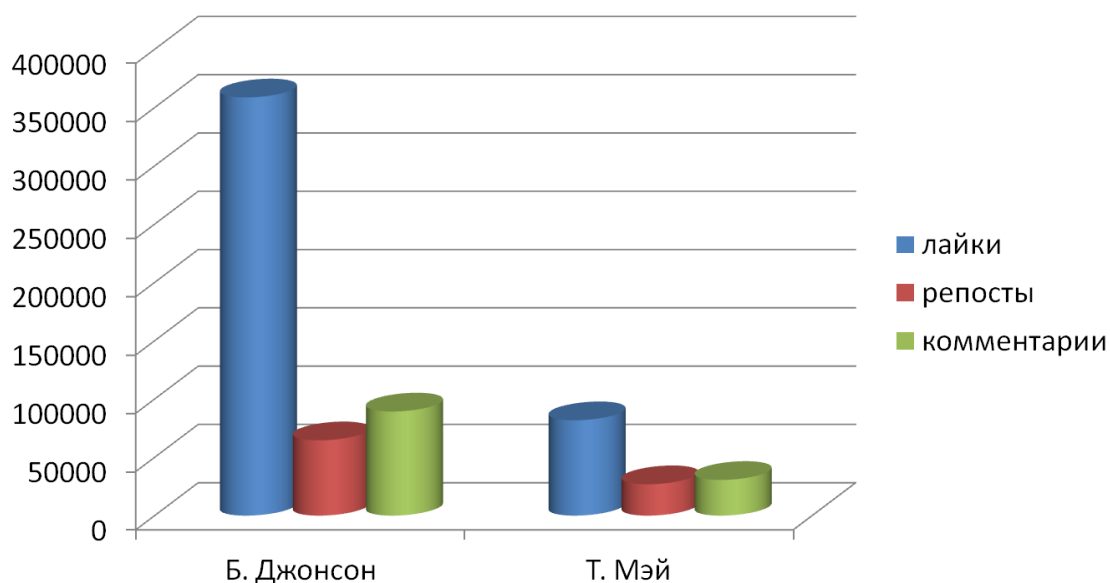

Рис. 1. Количество реакций подписчиков на 100 твитов политиков

Цель политического дискурса – борьба за власть и ее удержание. В политической коммуникации определенный подбор языковых средств обеспечивает реализацию стратегии убеждения, соответственно, определенный комплекс задействованных в блоге единиц направлен на осуществление политиком своей цели, а именно – на повышение поддержки среди своих подписчиков. Популярность поддержки может быть измерена статистическим методом. Мы выявили два показателя: суммарное число реакций на 100 постов, то есть общее количество лайков, репостов и комментариев, и удельный вес каждого типа реакции и его доля от всех реакций, в процентах.

Первый показатель – количество реакций – представлен на Рисунке 1.

На посты Бориса Джонсона за выбранный период подписчики оставили всего 512 624 реакции, самое большое число из них – количество отметок «лайк» (70 %). На посты Терезы Мэй на 100 постов зарегистрировано 140 336 реакций, из них первое место занимают также отметки «лайк» (58,3 %), при этом доля комментариев в ее блоге выше, чем у Б. Джонсона – комментарии занимают почти четверть от всех реакций (22,5 %), репосты – одну пятую долю (19,2 %). Это против 17,4 % и 12,6 % соответственно. Процентное соотношение типов реакций приведено в Таблице 1.

Таблица 1

Популярность постов политиков исходя из количества реакций (на 100 постов)

Типы реакций	Б. Джонсон		Т. Мэй	
	кол-во	доля от всего числа реакций	кол-во	доля от всего числа реакций
лайки	358 715	70 %	81 801	58,3 %
репосты	64 593	12,6 %	26 918	19,2 %
комментарии	89 316	17,4 %	30 617	22,5 %

Мы исходим из положения о том, что комментарий представляет собой самую ценную для политика реакцию, так как требует больших временных затрат на изучение твита, направленных усилий подписчика по осмыслению и выражению своего мнения по затронутому инфоповоду. Комментарий свидетельствует о большей включенности читателя в коммуникацию, чем отметка «лайк» и репост (ретвит). Назначив каждому типу

реакций разный коэффициент ценности (0,1, 0,4 и 0,5 соответственно), мы вывели итоговые индексы обратной связи для каждого политика. Так мы можем показать вес, ценность каждого типа реакции, несмотря на большое расхождение их общего числа в двух сравниваемых блогах. Диаграммы на Рисунке 2 показывают ценность фидбэков на 100 постов каждого политика.

Рис. 2. Распределение ценности типов реакций на 100 твитов политиков

Так, несмотря на большой количественный перевес реакции «лайк» в аккаунтах обоих политиков, их ценность значительно ниже, чем ценность обратной реакции, которую блогу приносят репосты и комментарии. Комментариев может быть меньше в количественном измерении, но они работают на повышение популярности блога сильнее, чем репосты и лайки. Руководствуясь этими подсчетами, можно сделать вывод о том, что блог Терезы Мэй провоцирует более грамотное, с точки зрения получения популярности, распределение активности подписчиков: вес лайков меньше всего, вес репостов превышает вес лайков, вес комментариев – выше всех типов фидбэка. В блоге Бориса Джонсона распределение фидбэков менее стратегически успешное: хотя комментарии по удельному весу превышают все остальные реакции, удельный вес лайков высок, за счет меньшего веса репостов.

Заключение.

Итак, на основе сделанного статистического подсчета стало возможным установить, что существует определенная взаимосвязь между использованием политиком презентационных стратегий и количеством лайков, репостов и комментариев его твитов.

Суммарное количество лайков, репостов и комментариев к твитам Б. Джонсона более чем в три раза превышает показатели Твиттер-блога Т. Мэй.

Полученный результат статистического подсчета позволяет заключить, что в аккаунте Т. Мэй более сбалансированное распределение активности подписчиков, в аккаунте Б. Джонсона распределение фидбэков менее стратегически успешное. Сделан вывод о том, что подбор языковых средств и презентационных стратегий Терезы Мэй обеспечивает такой отклик от читателей, в котором лайки, репосты и комментарии имеют одинаковый совокупный вес и свидетельствуют о равноценности трех типов реакции в блоге.

Мы не осуществляли подсчет за весь срок осуществления ими своих полномочий на должности, для чего потребовалось бы привлечение компьютерной программы автоматического отбора и анализа больших данных.

За пределами исследования также остался вопрос о том, какие лингвистические и экстралингвистические факторы могут способствовать повышению или понижению количества реакций читателей. Представ-

ленные к анализу твиты относятся к разным временным периодам, соответствующим времени пребывания на должности данных премьер-министров. Разному уровню популярности могли способствовать различные события общественно-политической жизни Великобритании и поднимаемые политиками темы. Также есть основания полагать, что в период нахождения на посту Терезы Мэй социальная сеть Твиттер пользовалась меньшим спросом для осуществления политиками коммуникации со своим электоратом, чем во время осуществления полномочий Борисом Джонсоном.

Полученные результаты вносят вклад в разработку вопросов создания имиджа политика, в ключе самопрезентации посредст-

вом блога в социальной сети. Сделанные выводы могут использоваться политологами, специалистами по ведению соцсетей, в том числе политической направленности; они также ценны для понимания процессов выстраивания отношений между политиком и его аудиторией через социальные медиа.

Перспективу исследования представляет изучение отклика на посты по определенной теме (например, COVID-19, выборы) с целью выявления наиболее востребованных среди подписчиков инфоповодов, в том числе с применением данной методики возможно осуществить оценку популярности российских политиков в социальных сетях.

Список источников и литературы

1. *Ванько Т. Р.* Синтаксические характеристики политического медиадискурса «Твиттера» / Т. Р. Ванько // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 15 (810). – С. 88–100.
2. *Данкова Н. С.* Речь Д. Байдена: стратегии и тактики создания положительного имиджа / Н. С. Данкова // Политическая лингвистика. – 2021. – № 6 (90). – С. 46–53. – DOI: http://www.doi.org/10.26170/1999-2629_2021_06_05.
3. *Землякова К. В.* Самопрезентация президента США Д. Байдена в авторском медиадискурсе социальных сетей / К. В. Землякова // Медиалингвистика : Материалы VI международной научной конференции. Санкт-Петербург, 30 июня – 02 июля 2022 года. Выпуск 9. – Санкт-Петербург: ООО «Медиапапир», 2022. – С. 578–581.
4. *Карандеева Л. Г.* Формирование гендерной идентичности в немецкоязычных политических блогах: вербально-семантический уровень / Л. Г. Карандеева, С. В. Нестерова // Инновационная наука. – 2015. – № 12-2. – С. 171–174.
5. *Катермина В. В.* Исследование лингвистической модели политических коммуникаций в социальной сети «Twitter» в отношении президента США Д. Трампа в марте–июне 2020 г. / В. В. Катермина, Н. А. Рябченко, С. Х. Липириди, А. А. Гнедаш, О. П. Малышева // Политическая лингвистика. – 2020. – № 5 (83). – С. 87–107. – DOI: <http://www.doi.org/10.26170/pl20-05-09>.
6. *Кобрин Н. В.* Особенности политического медиадискурса Твиттера / Н. В. Кобрин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (54): в 4-х ч. Ч. II. С. 94–99.
7. *Козырева А. А.* Почему социальные сети являются инструментом политической власти? / А. А. Козырева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2 (62). Т. 2. – С. 56–59.
8. *Стукал Д. К.* Методы наук о данных в политических исследованиях: анализ протестной активности в социальных сетях / Д. К. Стукал, В. Е. Беленков, И. Б. Филиппов // Политическая наука. – 2021. – № 1. – С. 46–75. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.02>.
9. *Kulnazarova A. & Rafikov A.* Mobilization Potential of Political Communications in Social Media. 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS), St. Petersburg, Russia, 2021, pp. 22–26, DOI: 10.1109/ComSDS52473.2021.9422875.

Землякова Ксения Владимировна – к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (г. Санкт-Петербург, Россия), zemlyakova.kv@sut.ru

Кульназарова Анастасия Витальевна – к.полит.н., доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (г. Санкт-Петербург, Россия), av-spn@yandex.ru

QUANTITATIVE ASSESSMENT OF FOLLOWERS' ACTIVITY IN POLITICIANS' SOCIAL NETWORKS

K. V. Zemlyakova, A. V. Kulnazarova

The paper is devoted to the description of the methods of counting and assessing the followers' activity in the accounts of British Prime Ministers T. May and B. Johnson in the social network Twitter. The audience's response is expressed in different actions-reactions to the politicians' posts: likes, reposts, comments. The counts are based on reactions to tweets taken from the T. May's and B. Johnson's accounts. The calculation procedure proposed by the authors introduces the term of feedback index, which allows us to assess the popularity of politicians' activities in social media.

Keywords: political social network communication, political microblog, followers, feedback index, feedback, feedback, response.

References

1. *Vanko T. R.* Sintaksicheskie kharakteristiki politicheskogo mediadiskursa «Tviterra» [The Twitter political media discourse syntax]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Journal of Moscow State Linguistic University. Humanities]. 2018. No 15 (810). P. 88–100. (In Russ.)
2. *Dankova N. S.* Rech' D. Baydena: strategii i taktiki sozdaniya polozhitel'nogo imidzha [J. Biden's Speech: Strategies and Tactics of Creating a Positive Image.]. Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. 2021. No 6 (90). P. 46–53. DOI 10.26170/1999-2629_2021_06_05. (In Russ.)
3. *Zemlyakova K. V.* Samoprezentatsiya prezidenta SShA D. Baydena v avtorskom mediadiskurse sotsial'nykh setey [Self-presentation of US President J. Biden in the author's media discourse of social networks]. Medialingvistika [Medialinguistics]. Materials of the VI international scientific conference. Saint Petersburg: Mediapapir. 2022. P. 578–581. (In Russ.)
4. *Karandeeva L. G. & Nesterova S. V.* Formirovanie gendernoy identichnosti v nemetskoazychnykh politicheskikh blogakh: verbal'no-semanticheskii uroven' [Gender Identity Formation in German-speaking Political Blogs: Verbal and Semantic Level]. Innovatsionnaya nauka [Innovative Science]. 2015. No 12-2. P. 171–174. (In Russ.)
5. *Katermina V. V., Ryabchenko N. A., Lipiridi S. Kh., Gnedash A. A. & Malysheva O. P.* Issledovanie lingvisticheskoy modeli politicheskikh kommunikatsiy v sotsial'noy seti «Twitter» v otnoshenii prezidenta SShA D. Trampa v marte–iyune 2020 g. [The study of linguistic model of political communications on Twitter about US President D. Trump in March-June 2020]. Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. 2020. No 5 (83). P. 87–107. DOI 10.26170/pl20-05-09. (In Russ.)
6. *Kobrin N. V.* Osobennosti politicheskogo mediadiskursa Tviterra [The Peculiarities of Political Media Discourse of Twitter]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]. Tambov: Gramota, 2015. No 12 (54). Part II. P. 94-99. (In Russ.)
7. *Kozyreva A. A.* Pochemu sotsial'nye seti yavlyayutsya instrumentom politicheskoy vlasti? [Why are social networks a tool of political power?] Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]. 2015. No 2 (62). Vol. 2. P. 56–59. (In Russ.)
8. *Stukal D. K., Belenkov V. E. & Philippov I. B.* Metody nauk o dannykh v politicheskikh issledovaniyakh: analiz protestnoy aktivnosti v sotsial'nykh setyakh [Data science methods in political science research: analyzing protest activity in social media]. Politicheskaya nauka [Political science (RU)]. 2021. No 1. P. 46–75. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.02>. (In Russ.)
9. *Kulnazarova A. & Rafikov A.* Mobilization Potential of Political Communications in Social Media. 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS). St. Petersburg, Russia. 2021. P. 22-26. DOI: 10.1109/ComSDS52473.2021.9422875.

Zemlyakova Ksenia Vladimirovna – candidate of philological science, associate professor, department of foreign languages, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications (St. Petersburg, Russia), zemlyakova.kv@sut.ru

Kulnazarova Anastasia Vitalievna – candidate of political science, associate professor, department of social-political sciences, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications (St. Petersburg, Russia), av-spn@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 28.08.2023; принята к публикации: 06.10.2023.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Землякова К. В., Кульназарова А. В. Методика количественной оценки активности подписчиков в социальных сетях политиков // Социогуманитарные коммуникации. – 2023. – № 3 (5). – С. 97-103.

FOR CITATION:

Zemlyakova K. V., Kulnazarova A. V. Metodika kolichestvennoj ocenki aktivnosti podpisnikov v social'nyh setyah politikov [Quantitative assessment of followers' activity in politicians' social networks.] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2023. № 3(5). P. 97-103.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 93

ЧТО ДЕЛАТЬ С «КНИГОЙ О ЗАНЯТИИ ЗЕМЛИ»?

О традиции, авторстве и о том, как исландские средневековые писцы создавали иллюзию реальности

А. Якобсон

Перевод с исландского О. А. Маркеловой
Публикуется с разрешения автора

Оригинал: Ármann Jakobsson. „Hvað á að gera við Landnámu? Um hefð, höfunda og raunveruleikablekkingu íslenskra miðaldasagnaritara“. *Gripla XXVI*, 2015, bls. 7-27

Работа посвящена рецепции «Книги о занятии земли» (*Landnámabók*) учёными XX века; в этой рецепции главным объектом интереса была степень надёжности «Книги о занятии земли» как исторического источника о далёком – и притом невероятном – прошлом. Дискуссия о ней погрязла в вымышленных противоположностях типа «правда» - «выдумка», «историография» - «художественный вымысел». Автор утверждает, что «Книга о занятии земли» - одновременно и художественная литература, и историография своего времени, причём более традиционная, чем многие другие современные ей исторические тексты, что, однако, не означает, что он стоит ближе к «правде». Автор исходит из предпосылки, что для того, чтобы лучше понять природу этого текста как историографии, надо обратить больше внимания на его идейное содержание и форму, и тогда мы лучше увидим нарративные стратегии по созданию правдоподобного образа прошлого, существенно отличающиеся от таковых в исландских родовых сагах, - что проиллюстрировано примером истории занятия земли Скалла-Гримом в «Книге о занятии земли» и в «Саге об Эгиле».

Ключевые слова: книга о занятии земли, источниковедческая ценность, история, вымысел, иллюзия реальности, ужас

1. Ошибочные понятия об Эпохе заселения земли и текстовые источники

С течением времени вера в сейд уже стала считаться неуместной, но едва в него перестали верить, понимание того, отчего Эгиль поспешно уехал за границу, тотчас лишилось всякой опоры. (...). Весьма маловероятно, что, если из истории о колдовстве убрать всё колдовство, в остатке получится правдивая история¹.

Общеизвестно, что наиболее ранний период истории Исландии (870-1030) нигде не представлен в надёжных текстовых ис-

точниках своей эпохи, но притом очень часто фигурирует в хорошо написанных позднесредневековых источниках, полных интересных фактов². С этой ситуацией пытались сладить учёные последних нескольких веков, но лишь в XX веке начала формироваться строгая критика источников, и всё же до сих пор нельзя сказать, чтоб в общераспространённых взглядах на исландские

¹ Jón Helgason, „Höfuðlausnarhjal“, í *Einarsbók: Afmæliskefja til Einars Ól. Sveinssonar 12 desember 1969*, ritstj. Bjarni Guðnason, Halldór Halldórsson og Jónas Kristjánsson (Reykjavík: Nokkrir vinir, 1969), 156.

² На мой взгляд, правомерно называть родовые саги и сохранившиеся версии «Книги о занятии земли» позднесредневековыми источниками, т.к. именно в таком качестве они и дошли до нас [букв.: на это указывает их сохранность] (см. сноску № 21). «Книга об исландцах» Ари Мудрого несомненно старше (ок. 1130 г.), но, как известно, этот текст короткий и конспективный.

позднесредневековые источники присутствовало осознание того, насколько же эти источники далеки от событий, которые описывают. Ещё сравнительно недавно учёные, пытавшиеся привлечь внимание к этому обстоятельству, считались бунтарями³.

То ли причина в том, что наши источники 13, 14 и 15 веков о первоначальном заселении Исландии сами по себе оставляют такое яркое впечатление, то ли в том, что для человека естественен интерес к истории личности (*persónusaga*), а в своём поиске знаний он склонен к боязни пустоты и лакун – во всяком случае, существует соблазн заполнить лакуны истории такими точными и увлекательными, хоть и ненадёжными, позднесредневековыми источниками⁴. История рецепции «Книги о занятии земли» и родовых саг в XX веке – это, вероятно, не в последнюю очередь тот самый *horror vacui* – в противовес отсутствию источников об Эпохе заселения земли и Веке саг, созданных непосредственно в сами те эпохи⁵. Об этих временах у нас есть только

³ Можно привести в качестве примера реакцию на исследования «Книги о занятии земли» Свейнбьёртна Равнсона в 1970-е гг. (см. сноску № 7), т.к. тогда «отрицание всякой ценности «Книги о занятии земли» как источника по истории личности (*persónusaga*)» (по выражений Якоба Бенедиктссона) считалось дерзостью (см.: „Markmið Landnamabókar: Nýjar rannsóknir“, *Skírnir* 148 (1974):213), хотя Якоб, разумеется, отдаёт себе отчёт во всех недостатках этой книги как источника.

⁴ Разумеется, от той эпохи до нас дошли другие источники кроме текстовых (напр., археологические находки), однако они не удовлетворяют интереса к истории личности, т.к. соотнести археологическую находку с какой-либо конкретной личностью, как правило, нельзя, и никому не пришло бы в голову определять имя обладателя тех или иных костей 9ого или 10ого века (кроме как в шутку), если бы у нас не было позднесредневековых текстовых источников.

⁵ Лучше всех эту боязнь пустоты выразила, конечно же, Кристин Гейрсдоттир, добрых два десятка лет рьяно возражавшая различным научным инновациям, касающимся саг, не в последнюю очередь – исследованиям Свейнбьёртна Равнсона: «Я никогда не могла примириться с тенденцией как можно меньше доверять тому знанию, которое заключено в нашей древней словесности (*fornritin okkar*), и даже ставить её ни во что как источники – а ведь она – самое изначальное, что сейчас существует в этой области, свитая воедино и объёмлющая всё (*samofid og umlykjandi*) жизнь исландцев с древнейших времён. Как бы то ни было, эти тексты таят в себе больше

ненадёжные источники, – однако называть их художественным вымыслом или выдумками было бы ошибочно.

Сейчас минуло столетие с тех пор, как шведские историки Лауритс Вайбюль (1873-1960) и Курт Вайбюль (1886-1991) вступили в борьбу с исландскими позднесредневековыми источниками за историю Норвегии того же периода, и взвесили их на весах и сочли легковесными, когда дело дошло до событий 10ого и 11ого вв⁶.

«близости» к давно прошедшим временам, чем что-либо другое, что будет найдено в этом мире». (*Kristín Geirsdóttir*, „Hvað er sannleikur?“ *Skírnir* 169 (1995):421). Она ясно выражает ту току зрения, что плохой источник всё же лучше, чем лакуна, а самое худшее – жить в полном неведении о людях и делах 10ого века. Едва ли кто сформулировал этот принцип чётче, чем Кристин, но вообще точка зрения, что ненадёжный источник лучше отсутствия источников, – не редкость. (См. прим. № 9).

⁶ См. особенно: Lauritz Weibull, *Kritiska undersökningar i Nordens historia omkring år 1000* (Lund: Gleerup, 1911), где он подчёркивает, что позднесредневековые источники обладают лишь ограниченной ценностью. Затем он ответил своим критикам в *Historisk-kritisk metod och nordisk medeltidsforskning* (Lund: Gleerup, 1913). Особенно интересна его полемика с Финном Йоунссоном, главным козырем которого было то, что скальдические висы – это самостоятельные источники 9ого, 10ого и 11ого веков. Вайбюль не верил в их ценность как самостоятельных источников, и впоследствии с ним согласились многие, наиболее недавний пример – Шами Гош (*Shami Ghosh*) (*Kings' Sagas and Norwegian History: Problems and Perspectives*. The Northern World, 54.b. (Leiden: Brill, 2011), особенно стр. 25-100). К сожалению, скальдическая поэзия сохранилась не сама по себе, а прежде всего в саговых текстах 13ого и 14ого вв., и хотя многие дротткветы могут быть и старше, в своём сохранённом виде это всё-таки позднесредневековые источники, и к тому же, информация в них ограниченная и ненадёжная, на что Вайбюль указывал уже в 1913 г (*Historisk-kritisk metod*, 92-93). Критика братьев Вайбюллей повлияла на различных критически настроенных учёных-скандинавистов, например, на Ларса Лённрота (подробнее см.: *Árman Jakobsson*, „Enginn tími fyrir umræðu: Norræn fræði á 20. öld í spegli litríkrafraðimannsævi Lars Lönnroth“, *Skírnir* 187 (2013), особ. Стр. 384). Лишь в исследованиях Свейнбьёртна Равнсона в 1970-е гг. (свою докторскую диссертацию он писал как раз в Лунде, где жили и работали братья Вайбюлли) в Исландии появляется такой же уровень критичности в исторической науке. (Свейнбьёртн как раз использует в заголовке своей диссертации слово „kritisk“, совсем как они).

Логичным следствием критики источников, подобной той, что они применили к этим текстам, могло бы быть утверждение, что исландские источники о заселении земли, веке саг и принятии христианства – эдакие легенды или мифы, традиционная, но ненадёжная область знания. Разумеется, многие учёные приняли этот вызов, например, можно назвать основополагающую работу Свейнбьёртна Равнсона „Studier i Landnámabók“ (1979), где он исследует «Книгу о занятии земли» в первую очередь как историографический текст своего времени который нужно рассматривать, прежде всего, в свете эпохи написания – а не использовать его в качестве телескопа, в который видны 9ый и 10ый века⁷. В дальнейшем потребовалось более детальное изучение того, что в позднем Средневековье было известно о Веке саг, – исходя из идеи о мифах и легендах⁸. И по сей день в различных науч-

ных работах можно найти примеры того, как представление родом из Позднего Средневековья репрезентуется как некая истина – ведь другой, более качественной, правды у нас просто нет⁹.

Основной момент в критике братьев Вайбюлль и Свейнбьёртна следующий: ве-

---

mægtig personlighed: den norsk-islandske historiske tradisjon om Harald Hårfagre i et kildekritisk perspektiv“; *Historisk tidsskrift* 81 (2002)), а также других исследователей: Pernille Hermann („Founding Narratives and the Representation of Memory in Saga Literature“, *Arv* 77 (2010), Jonas Wellendorf („The Interplay of Pagan and Christian Traditions in Icelandic Settlement Myths“, *Journal of English and Germanic Philology* 109 (2010), Bruce Lincoln (*Between History and Myth: Stories of Harald Fairhair and the Founding of the State* (Chicago: University of Chicago Press, 2014) – все они считают рассказы позднесредневековых источников о второй половине 9ого века легендами или мифами.

⁹ Это можно, например, увидеть в трудах об истории заселения отдельных регионов, в основном основательных и добросовестных. Напр. Friðrik G. Olgeirsson, *Langnesingasaga*, 1. b., *Saga byggðar á Langanesi til 1918* (Reykjavík: Þórshafnarhreppur, 1998), 29-31; Hjalti Pálsson, Egill Bjarnason, Kári Gunnarsson, *Byggðasaga Skagafjarðar*, 6. B., *Hólahreppur* (Sauðárkrúkur: Sögufélag Skagafjarðinga, 2011), 15и 124. Как указывал Хельги Торлаукссон (Helgi Þorláksson, „Sagnfræðin í heimi menningararfs og minninga“ / *Þriðja íslensja söguþingið 18-21. maí 2006*, ritstj. Benedikt Eyþórsson, Hrafnkell Lárusson (Reykjavík: Sagnfræðingafélag Íslands, 2007), 316-26) по всей Исландии в музеях и на выставках можно видеть то же отсутствие критического отношения к ценности как источников трудов 13ого и 14 ого вв. об эпохе заселения земли и веке саг. Можно порассуждать о том, не является ли здесь главной движущей силой та самая боязнь пустоты.

Свейнбьёртн Равнссон говорил о «движении по защите веры» в своей статье про дискуссии о «Книге о занятии земли» в последние годы: «Считается, что раньше у людей были гораздо лучшие предпосылки к запоминанию и передаче рассказов о прошлом, чем стали потом. И якобы именно потому надёжность рассказов, передававшихся из уст в уста, велика, а значит, очень многому в таких рассказах можно верить. Иногда доходят до того, что утверждают, что бремя доказательств лежит на читателе, а не в исторических источниках, где эти рассказы, судя по всему, гармонируют с исторической действительностью». („Frá landnámstíma til nútíma“, 325). Это, конечно же, заставляет исследователя чему-то верить в тексте, а чему-то нет, в соответствии с собственным ощущением и логикой, и таким образом, отринуть троллей, колдовство и народные сказки, но верить, например, в генеалогии и топонимику.

---

⁷ Sveinbjörn Rafnsson, *Studier i Landnámabók: Kritiska bidrag till den isländska fristatstidens historia* (Lund: Gleerup, 1974). См. также: Sveinbjörn Rafnsson, „Aðferðir og viðhorf í Landnámurannsóknum“, *Skírnir* 150 (1976), где он утверждает, что у «Книги занятия земли» есть ценность как у источника – но не источника по заселению Исландии: «Надо принять во внимание её сущность, время написания, провениенс, тенденцию и отношение к другим источникам. Критическое исследование источника начинается с вопросов об этих вещах». (с. 232). Вслед за той критикой Свейнбьёртна много интересных исследований обращается к «Книге о занятии земли» в свете её времени написания. (В т.ч. Einar Gunnar Pétursson, „Efling kirkjuvaldsins og ritun Landnámu“, *Skírnir* 160 (1986); Guðrún Ása Grímsdóttir, „Hvað segja heinildir um uppruna Íslendinga?“ / *Um landnám á Íslandi: Fjórta erindi*, ritstj. Guðrún Ása Grímsdóttir (Reykjavík: Vísindafélag Íslendinga, 1996) - перечислять здесь их все было бы слишком долго. В другом месте Свейнбьёртн пишет: «Даты заселения Исландии, таким образом, ограниченные с примерно 870 по 930-й гг. – кабинетные измышления, превратившиеся в историческую концепцию (söguskoðun), и эта историческая концепция была взята на вооружение в манере писания саг в Средние века». („Frá landnámstíma til nútíma“, *Skírnir* 162 (1988): 319). Эту концепцию истории он возводит к началу 12 века.

⁸ Однако такое всё же проявлялось. Помимо исследований Свейнбьёртна можно особо выделить наблюдения Пребена Мёленгракта Сёренсена (Preben Meulengracht Sørensen. „Sagan um Ingólf og Hjörleif: Athugasemdir um söguskoðun íslendinga á seinni hluta þjóðveldisaldar“, *Skírnir* 148 (1974), Сверрира Якобссона (Sverrir Jakobsson, „Erindringen om en

ритель представлениям, полученным из источников, по меркам данной научной отрасли считающихся ненадёжными - не научный подход – это религия, а не наука.

Разумеется, историки отреагировали на критику братьев Вайбюллей – в частности, тем, что ещё больше сосредоточились на этих данных как представителях своей эпохи и стали обсуждать их цели и тенденции¹⁰. Таким образом, новый вопрос состоит не в том, являются ли текстовые источники источниками, но: *источниками о чём?* – и тогда отправной точкой становится не воображаемая правда, которую впоследствии исказили, но сам источник как таковой и его версия рассказа, и в свете обстоятельств такой путь является гораздо более естественным. К этому следовало бы добавить вопрос, *как саги «работают» как источники, т.е., о самой этой иллюзии действительности, - и далее мы сосредоточимся именно на ней.*

Было бы уместным повторить, что если мы хотим увидеть последствия естественной, нормальной критики источников, необходимо подвергнуть радикальному пересмотру общее использование понятий о позднесредневековых источниках, таких, как, например, «Книга о занятии земли» и родовые саги, и отринуть различные весьма живучие представления, всё ещё всплывающие в дискуссиях об этих текстах. Здесь речь идёт о таких понятиях, как, например, «правда» и «исторический», но также «вымысел», «художественный вымысел», и «художественная лите-

ратура» (в значении вымысла)¹¹. О последнем из этих понятий речь пойдёт ниже. Применительно к записи саг в Исландии в 13ом веке и далее «вымысел» и «художественный вымысел» - плохие слова, просто потому что они относятся к тем антонимическим парам, про которые не ясно, имели ли они значение в позднем Средневековье¹², но на самом деле

¹¹ Единственный способ отрешиться от этих старых пар противоположностей - исследования культуры памяти, основанные на рамках понятий Яна Ассмана (см. в т.ч. Pernille Hermann, Stephen Mitchell, „Constructing the past: Introductory Remarks“, // *Memory and Remembering: Past Awareness in the Medieval North*, спецвыпуск *Scandinavian Studies*, 85, red. Pernille Hermann, Stephen Mitchell (Champaign: University of Illinois Press, 2013), 261-66) – а вместо этого саги рассматриваются как „hybrid and ambiguous textual corpus“ (p. 263). Это в сущности то же стремление, что и в данном исследовании, только с другим понятийным аппаратом: другая отправная точка, тем не менее, ведущая к похожему результату.

¹² Когда Сигюрд Нордаль дал «Саге о Храпнкеле» новое определение «великолепный художественный роман», он начал первым, показав, что ценность этой саги как источника мала, а различные сведения в ней ненадёжны; так он целенаправленно разрабатывает понятия 20ого века об историографии (правда) и художественном вымысле (выдумке, одновременно являющейся искусством). Гениальность Сигюрда заключалась в том, что он вывернул наизнанку общепринятые градации, согласно которым правдивые истории лучше неправдивых, и тем самым вознёс родовые саги на достойную уважения высоту именно в качестве художественного вымысла, см.: Sigurður Nordal, *Hrafnkatla*, Studia Islandica, 7 b. (Reykjavík: Ísafoldarprentsmiðja, 1940). После этого популярным стало рассматривать родовые саги, исходя из этих предпосылок. Свейнбьёртн Равнсон называет это течение «поражением и отступлением» (uppgjöf og undanhald) („Frá landnámstima til nútíma“, 5, 324) и справедливо указывает, что оно может привести к тому, что важные вопросы о ценности позднесредневековых историй/саг как источников попросту перестанут обсуждаться. Можно смело согласиться с тем, что клеймо «художественный вымысел» не особенно подходит к исландским средневековым сагам/историям как таковым и для понимания этих текстов важно понять, что они призваны описывать историческую действительность, какой её видел писец (sagnaritarinn). Как указывал Сверрир Тоумассон, средневековые писцы явно различали историографию и вымысел (Sverrir Tómasson, *Formálar íslenskra sagnaritara á miðöldum: Rannsókn bókmenntahefðar*, Stofnun Árna Magnússonar á Íslandi, Rit 33. b. (Reykjavík: Stofnun Árna Magnússonar á Íslandi, 1988), 189-94), хотя никогда и не подчёркивали, в какую категорию надо поместить, например, родовые саги; и более подробное

¹⁰ Так, можно назвать статью автора по имени Halvdan Koht, „Sagens opfatning af vor gamle historie“, *Historisk tidsskrift* 5 (1914). За Хальвданом Кохтом последовали различные исследования, в которых учёные всё больше отдавали себе отчёт в том, что у средневековых писцов, записывавших саги, были свои взгляды и позиция – но в сущности, эти учёные часто занимались упрощением и рассматривали записи саг как без пяти минут пропагандистские тексты. Они были склонны забывать, что, хотя в историографических трудах может и содержаться доля пропаганды или какая-нибудь тенденция, средневековый саговый текст невозможно свести только к одной фразе (например, такого типа: X – пропаганда курса церковных властей, Y – критика королевской власти, Z написана с целью защиты интересов конкретного рода...) – поступать так, значит делать вид, что сложные тексты на самом деле просты или даже простоваты.

также и потому, что просто не существует способа определить, что именно из, например, сведений о первичном заселении Исландии в «Книге о занятии земли» является абсолютной истиной, - хотя её рассказы могут показаться нам неодинаково достоверными. Вообще, полезно помнить, что даже если источников о том или ином событии много, то даже в этом случае непросто вынести вердикт о том, что правда, а что нет. Если привести простой пример, то, как известно большинству современных людей, существует изобилие источников об убийстве президента США Кеннеди 22 ноября 1963 – однако это вовсе не значит, что мы точно знаем, что именно произошло в тот день¹³. Ещё проблематичнее определить, соответствую ли исландские средневековые источники истине или нет, - впрочем, издателей серии „Íslenzk fornrit“ это не остановило, и они попробовали вынести вердикт о том, где в сагах правда, а где ложь, отобрать или вымарать какие-либо сведения из одного и того же источника, руководствуясь лишь собственным ощущением, что правда, а что нет¹⁴. Такое стремление достойно вос-

хищения, однако от него мало пользы, если решающую роль в том, что считать правдой, играет логика исследователя и его представление о том, что правдиво или вероятно – в действительности здесь можно попасть также и в другие ловушки, о чём подробнее речь пойдёт ниже.

Понятие «исторический» (*sögulegt*) в Средние века существует, и, конечно же, оно достойно внимания, но часто оно используется ошибочно как синоним слова «правдиво» (*satt*) или «исторично» (*sagnfræðilegt*) и как антоним художественного вымысла» (*skáldskapur*) или «литературы» (*bókmenntir*). Так что это понятие будет использоваться только, если за этим последует радикальная переоценка его значения¹⁵. Также естественно использовать о средневековых источниках слово «историография/историческая наука» (*sagnfræði*) – но, только отдавая себе полный отчёт в том, что «историография» - это повествовательная или литературная форма, но не сама действительность¹⁶, и в силу этих

рассмотрение дискуссии о правде и правдивости в средневековых сагах однозначно указывает на то, что эту разницу следует рассматривать из других предпосылок нежели система категорий 19ого и 20ого вв. (см. в т.ч.: Ralph J. O Connor, „History or Fiction? Truth-claims and Defensive Narrators in Icelandic Romance-Sagas“, *Mediaeval Scandinavia* 15 (2005).

¹³ По данным опроса Gallup, опубликованным осенью 2013, 61% жителей США считают, что в убийстве Кеннеди участвовало более одного убийцы, хотя комиссия по расследованию, после множества собраний и масштабного сбора сведений, пришла к иному выводу. („Majority in US. Still Believe JFK Killed in a Conspiracy: Mafin, federal government top list of potential conspirators,“ Gallup Politics, November 15, 2014, <http://www.gallup.com/poll/165803/majority-bellve-fk-killed-conspiracy.aspx>). Разумеется, между сочинением рассказов и порождением правды в Средние века и в наши дни существует фундаментальная разница, но может оказаться полезным порассуждать обо всех сомнениях, существующих насчёт тщательно исследованного современного события – и в противоположность этому, убеждённости многих в том, что позднесредневековые описания заселения Исландии должны быть верными и правдивыми.

¹⁴ См. в т.ч. Björn Sigfússon, предисловие к: *Ljósveitinga saga með þáttum. Reykdæla saga ok Víga-Skútu, Hreiðars þáttur*, útg. Björn Sigfússon, Íslenzk fornrit, 10. b. (Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag,

1940), xxxvii-xli; Guðni Jónsson, предисл.к: *Grettis saga Ásmundarsonar. Bandamanna saga. Odds þáttur Ófeigsonar*, útg. Guðni Jónsson, Íslenzk fornrit, 7. b. (Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1936) xx; Bjarni Einarson, предисл.к: *Ágrip af Noregskonunga sögum. Fagrskinna — Noregr konunga tal*, útg. Bjarni Einarsson, Íslenzk fornrit 29. b. (Reykjavík Hið íslenska fornritafélag, 1985), xix og xxxii.

¹⁵ Ср.: . Jakob Benediktsson, „Markmið Landnámaabókar,“ 233: «Свейнбьертн очень сильно подчёркивает, что Первоначальная Книга о занятии земли не была трудом по истории... и никогда с точностью не будет определено, что в повествовании «Книги о занятии земли» правда... разумеется, нет сомнений в том, что многое там – чистейший вымысел». - Здесь понятия «правдивый» и «историчный» явно выступают в качестве синонимов, а «вымысел» - их антоним. О парах противоположностей «реальность», «правда» и «художественный вымысел» в исследованиях средневековых повествований/саг, подробнее см.: Davíð Erlingsson, *Um ánaud rauveruleikans á rannsóknum fornsagna* (Reykjavík: [s.n.], 1997)

¹⁶ Как указывал Хайден Уайт (см. в т.ч.: Hayden White, *The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation* (Baltimore; Johns Hopkins University Press, 1987), особенно 1-25). После расцвета «исландской школы» для того, чтоб пролить свет на то, как были написаны в качестве трудов по истории, напр., родовые саги, было сделано мало; однако Аурманн Якобссон указывал на то, что «Сага о Барде» имеет все формальные признаки таких трудов,

причин важно помнить, что пара противоположностей «история» - «художественная литература» ни в коей мере не присутствует в дискуссии об исландских позднесредневековых источниках¹⁷. Таким образом, точное использование понятий требует от исследователя ясного понимания сущности текстов, используемых в качестве источников.

2. Что мы знаем?

Прежде чем заняться исландскими повествовательными позднесредневековыми источниками, важно вспомнить три стадии их формирования:

Во-первых, реальные события первых веков истории Исландии (870-1030), разумеется, являются началом или источником вдохновения для нарративной традиции, из которой возникли средневековые источники, которые, однако, обеспечивают лишь ограниченный доступ к самим событиям, т.к. они не происходят из той же эпохи, что события, а являются порождением долгой нарративной традиции, которая, очевидно, развивалась, формировалась и менялась. Исследователи, говорящие о Средних веках, как раз не должны забывать, как ограничен наш доступ к веку саг, предоставляемый нам поздними источниками, а ранних нарративных источников не существует.

Во-вторых, между самими событиями и сохранившимися источниками пролегла

хотя в 19ом и 20ом вв. её считали недостоверной. (Ármann Jakobsson, „History of the Troll? Bárðar saga as an Historical Narrative“, *Saga-Book of the Viking Socegy for Northern Research* 25 (1998)).

¹⁷ Ульвар Брагасон указывает на сомнительную тенденцию в исследованиях 20ого в. классифицировать родовые саги как художественные романы, а «Сагу о Стурлунгах» как исторический труд или источник по истории Исландии 12ого и 13ого вв. (Úlfar Bragason *Ætt og saga: Um frásagnarfræði Sturlungu eða Íslendinga sögu hinnar miklu* (Reykjavik: Háskólaútgáfan, 2010) 28-39), а также критикует ту идею, что чем рассказ/saga хуже как художественное произведение, тем она лучше как источник. Он считает, что исследование повествовательного мастерства в саге должно предшествовать всякой оценке её как источника. К этому можно прибавить, что ценность родовых саг как источников, конечно, не такая же, как у «Саги о Стурлунгах», в том, что касается людей и общественных дел, но с другой стороны, верно, что понятия исторический труд и художественное произведение не антонимичны друг другу.

долгая нарративная традиция (в основном устная, но сюда же можно отнести утраченные письменные тексты), сейчас в основном утраченная, но её следы всё же можно найти в сохранившихся текстах, как показали исследователи устной культуры¹⁸. С другой стороны, эту нарративную традицию нельзя смешивать с реальными событиями, уравнивая между собой отечественную нарративную традицию и правду как таковую¹⁹. Хотя можно указать, что из содержания саг, скорее всего, носит традиционный характер, оно от этого не станет ближе к правде, чем нововведения самих авторов²⁰.

В-третьих, мы обладаем большой долей позднесредневековых источников, одновременно являющихся трудами по истории (sagnfræðirit) и литературными произведениями, ведь труды по истории – это тоже литература. В сфере их изучения ещё очень многое остаётся несделанным. В этих исследованиях важно понимать их роль, в частности – какое впечатление они производят на читателя в качестве трудов по истории. С другой стороны, не так уж важно, основаны ли они на реальных событиях, если они основаны на более старой нарративной традиции. Для позднесредневековых авторов

---

¹⁸ Так, Гисли Сигюрдссон нашёл различные следы устной традиции 12ого и 13ого вв. в сохранившихся письменных источниках, см. в т.ч.: Gisli Sigurðsson, *Túlkun Íslendingasagna í ljósi munnlegrar hefðar. Tilgáta um aðferð*, Stofnun Árna Magnússonar á Íslandi, Rit, 56. b. (Reykjavik: Stofnun Árna Magnússonar, 2002), 57-247.

¹⁹ Об этом пишет Йонас Веллендорф в своей новой статье (Jonas Wellendorf, „The Interplay of Christian and Pagan Traditions“, 1-2), где он ведёт дискуссию с Херманно Паульссеном: Hermann Pálsson, „A Foundation Myth in Landnámabók“, *Mediaeval Scandinavia* 1 (1988): 24-28.

²⁰ Нет ничего невероятного в том, что при создании «Книги о занятии земли» могли «заполнить лакуны» нарративной традиции (ср.: Adolf Friðriksson og Orri Vésteinsson, „Creating a Past: A Historiography of the Settlement of Iceland“, в: *Contact, Continuity and Collapse: The Norse Colonization of the North Atlantic*, red.: James H. Barrett, Studies in the Early Middle Ages, 5.b. (Turahout; Brepols, 2003), 139-61), однако к самому тому процессу мы имеем лишь ограниченный доступ, и рассказ/история (sögn), к 1100 году ставшая традиционной, не обязательно должна быть «правдивее», чем то, что было создано непосредственно тогда.

именно эта традиция представляет за сами события.

Ничто из вышеперечисленного не новость. Но порой бывает, что про это забывают «в поле», во время работы с источниками. А если эти три вещи смешать вместе, есть риск, что будет вообще непонятно, о чём речь. Ниже мы будем разбирать сами источники, но попутно и нарративную традицию в той мере, в которой это возможно, потому что традиция крайне важна при изучении «Книги о занятии земли». Она будет рассматриваться как литературное произведение и как труд по истории, так как является и тем, и другим. Попутно возникает необходимость сопоставить её с другими, хотя и очень непохожими историческими трудами того же времени, повествующими притом о тех же событиях и лицах – то есть, с родовыми сагами.

3. Как реальность создаётся в нарративе?

«Книга о занятии земли» в своём нынешнем виде датируется тем же периодом, что и самые старые родовые саги – второй половиной 13ого века, хотя её начало восходит к 13му веку²¹. К тому же, в «Книге о занятии

²¹ Существующие на данный момент версии «Книги о занятии земли» - это «Книга Стурлы» (Sturlubók), составленная Стурлой Тордрасоном (1214- 1284) в 13ом в. и «Книга Хаука» (Hauksbók), составленная Хауком Эрлендссоном (ум. 1334) ок. 1300 г., а также «Меларская книга» (Melabók), которая, как считается, относится к тому же периоду. Также учитывается ныне утраченная «Книга о занятии земли» Стюрмира Мудрого (Styrmir fróði) (ум. 1245), и в целом, учёные полагают, что «Книги о занятии земли» были написаны в 12ом веке, возможно, Ари Мудрым и Кольскеггом Мудрым (Kolskeggur fróði), а значит, логично рассматривать «Книгу о занятии земли» как произведение 12ого и 13ого века. Свейнбьёрн Равнссон (Sveinbjörn Rafnsson, *Sögugerð Landnámabókar: Um íslenska sagnaritun á 12. og 13 öld* (Reykjavík: Sagnfræðistofnun Háskóla Íslands, 2001) 9-16) привёл доводы в пользу того, что в 12ом веке «Книга о занятии земли» была скорее перечнем, а не историческим трудом, а развитие в сторону исторического труда можно возвести к 13ому веку. (См. также: Ole Bruhn, *Tekstualisering: Bidrag til en litterær antropologi* (Aarhus: Aarhus Universitetsforlag, 1999), 181-90). «Книга Стурлы» сейчас существует только в списке Йоуна Эрлендссона (AM 107 fol), а пергаментная рукопись книги существовала в 17ом веке (сгорела в 1728г.). Такая версия «Книги о занятии земли» как «Книга Хаука» существует в виде пергаментной рукописи (AM 371 4to), хотя и не

земли» и родовых сагах речь идёт об одном и том же предмете: первоначальном заселении Исландии и первых десятилетиях истории страны. Однако способы рассказать эту историю весьма различны, и их сопоставление проливает свет и на тот, и на другой. Судя по всему, в позднее Средневековье эти два вида нарративов различались, однако не сохранилось исландских средневековых терминов, которые проливали бы на это свет²². От антонимической пары «историческая наука» - «художественный вымысел», хорошо заметной в дискуссиях несколько десятилетий назад²³, толку мало. Не важно, что, точно так же, как в современности разница между ис-

целой, а также в списке Йоуна Эрлендссона (AM 105 fol). «Меларская книга» также существовала в 17ом веке, а сейчас от неё сохранились только два листа (AM 445 b 4to). В 17ом веке возникли две компилированные версии: «Скардарская книга» (Skardárbók) (основная рукопись - AM 104 fol) и «Книга Торда» (Þórðarbók (AM 112 fol и AM 106 fol). Здесь мы не будем подробно обсуждать происхождение «Книги о занятии земли». Но о нём регулярно возникают новые теории. (См. в т.ч.: Auður Ingvarsdóttir, „Sagnarít eða skrá? Staða Melsbókar sem upprunalegustu gerðar Landnámu,“ *Saga* 42 (2004); Helgi Skúli Kjartansson, „Af Resensbók, Kristisögum og Landnámuvíðsukum,“ *Gripla* 22 (011)

Лишь очень немногие рукописи родовых саг датируются 13ым веком, гораздо больше их сохранилось от 14ого и 15ого вв. (См. в т.ч.: Örnólfur Thorsson, „Leitin að landinu fagra: Hugleiðing um rannsóknir á íslenskum fornþekkingum; *Skáldskaparmál* 1 (1990): 35). Как известно, самая старая рукопись родовой саги – так называемый «отрывок θ» «Саги об Эгиле», датируемый серединой 13ого века. Обычно считается, что родовые саги берут своё начало в 13ом веке, но вопрос о том, датировать ли это начало первой или второй половиной этого века, дискуссионен.

²² Позднее учёные уделяли много внимания понятию «лживая сага» („lygisaga“), которое употребляется в одной версии «Саги о Йомсвикингах» (в AM 291 4to) и в Рейкьярфьордской книге «Саги о Стурлунгах» (Reykjarfjarðarbók Sturlungu) (AM 122 b fol). Это слово слишком редкое, чтоб на его основе можно было выстроить теорию о том, будто средневековые исландские авторы делили литературу на такие же категории, как мы сейчас (ср. выводы Тордис Эдды Йоуханнесдоттир (Þórdís Edda Jóhannesdóttir) в её будущей докторской диссертации), и, судя по всему, его использование в прошлом как своего рода terminus technicus слишком «притянуто за уши». Это ещё один пример того, как масштабные теории возводятся на крайне малочисленных и сомнительных примерах.

²³ См. сноску № 2.

торическими трудами и художественным вымыслом – не в последнюю очередь является формальным различием между разными жанрами, так и разница между родовыми сагами и «Книгой о занятии земли» лежит, прежде всего, в области формы.

Это ясно видно, если посмотреть на довольно-таки длинный нарратив из «Книги о занятии земли», где излагаются события, также изложенные в одной родовой саге примерно того же периода. Повествование «Книги о занятии земли» о Скалла-Грими и его поселении в Исландии весьма детализированно (покрывает две главы в «Книге Стурлы», 29-ую и 30-ую) и поэтому удобно для сравнения²⁴, так как примерно соответствует «Саге об Эгиле» (гл. 1, 22, 25-28)²⁵. Её формальные черты можно подытожить следующим образом:

1. В «Книге о занятии земли» количество фактов велико в отношении количества слов. Если посмотреть на то, как в ней рассказывается о поселении Скалла-Грима в Исландии, то новые факты там появляются в каждом предложении. В первой части (S 29) кратко сообщается о роде Скалла-Грима, о неладах Квельд-Ульва и Скала-Грима с конунгом Харальдом, убийстве хирдманнов и родичей конунга при мести за Торольва Квельдульвссона и поездке в Исландию. Самое подробное описание относится к смерти Квельд-Ульва и его указаниям о том, что его гроб будет использован в качестве своеобразного указателя пути. Во второй части (S 30) – описание собственно занятия земли, и

²⁴ Свейнбьёртн Равнссон („Studier í Landnámabók,“ 166-79) писал о происхождении этого нарратива и считает рассказы о занятии земли на больших территориях в «Книге о занятии земли» 13ого века признаком зарождения понятия о системе ленных владений в Исландии. Он считает, что территорию, занятую Скалла-Гримом, в нарративных источниках 13ого века существенно увеличили по сравнению с более старыми версиями «Книги о занятии земли».

²⁵ Íslendingabók. Landnámabók útg. Jakob Benediktsson. Íslenzk fornrit, 1. b. (Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1968) 68-74. Этого рассказа не хватает в «Книге Хаука» (AM 371 4to и AM 105 fol, список Йоуна Эрлендссона), этот лист пергамента пропал, скорее всего, в 17ом веке. Рассказы о занятии земли в «Саге об Эгиле» и в «Книге Стурлы» не совпадают в деталях, но здесь эти различия не будут обсуждаться, кроме того случая, если они значимы для способа повествования в этих текстах.

топонимика в соответствующем регионе объясняется ссылками на эту сагу, где Скалла-Грим даёт землям названия по своим первым впечатлениям от них (На Кнарранесе причалил свой кнёрр, на Альвтанесе (Лебедином мысе) увидел лебедей), или раздаёт земли своим людям, и потом они называются по ним²⁶. Этот рассказ гораздо подробнее чем различные другие описания в «Книге о занятии земли», касающиеся первичного расселения, хотя и выдержаны в том же духе.

2. Это повествование очень лапидарно. Например, убийство Торольва Квельдульвссона описано так: «Харальд конунг велел убить Торольва на севере в Алёсте на мысу Санднес, по навету сыновей Хильдирид; платить виру за это Харальд конунг не захотел»²⁷. Причинно-следственные связи здесь совершенно ясны, общественно или психологически обусловленных мотивировок искать не требуется: Торольва попросту оклеветали, этим и объясняется его убийство. О сложных семейных связях Торольва и сыновей Хильдирид ничего не сказано, как и о том, как именно они оклеветали его и почему конунг им поверил. Не найти там и другого материала из «Саги об Эгиле»: например, недоверия Квельд-Ульва конунгу или того, какие они с Гримом домоседы. Даже то, почему у Скалла-Грима такое прозвище, не упоминается²⁸. Однако повествование не лишено мелких деталей – так, особо подчёркивается, что отец с сыном перебили весь экипаж на кораблях сыновей Гутторма, оставив в живых лишь двоих, чтоб они рас-

²⁶ Ещё подробнее это в «Саге об Эгиле» (гл. 25), где представлены 12 спутников Скалла-Грима. Имена или прозвища которых потом возникают снова при заселении земли Скалла-Гримом (гл. 28) . Согласно тому, что пишет Эленор Росамунд Барраклоу (Elenor Rosamund Barraclough, „Naming the Landskape in the Landnám Narratives of the Íslendingasögur and Landnámabók,“ *Saga-Book of the Viking Society for Northern Research* 36 (2012), рассказы о заселении земель в «Книге о занятии земли» и в родовых сагах параллельны друг другу в том, что заостряют внимание на том, как первопоселенцы давали всему имена.

²⁷ Íslendingabók. Landnámabók, 68.

²⁸ Egils saga Skalla-Grimssonar, útg. Sigurður Nordal, Íslenzk fornrit, 2. b. (Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1933), 3-79.

сказали конунгу эту новость. Мало кто из современных читателей поймёт, что эта деталь в саге основополагающая, - а для автора «Книги о занятии земли» она явно была важна. И судьба Квельд-Ульва крайне важна, и один разговор (в косвенной речи) в этом описании – это, с одной стороны, слова Квельд-Ульва на сметном одре, с другой – рассказ Грима Халогаландского, когда они со Скалла-Гримом встретились в Исландии. Тем самым, разумеется, подчёркнуто, что такой выбор места - это кульминация повествования, и на самом деле именно Квельд-Ульв своим гробом указывает Людям с Болота на Борг.

3. В рассказе о занятии земли Скалла-Гримом в «Книге о занятии земли» нет прямой речи. Вис там тоже нет. У событий нет мизансцены (*egu ekki sviðsettir*), психологические мотивировки событий отсутствуют. На самом деле сложно говорить о создании персонажей в этом нарративе. Главные герои – Скалла-Грим и Квельд-Ульв – всего лишь имена. Хотя историю о Скалла-Грime в «Книге о занятии земли» можно рассматривать как нарратив, она конспективна и лишена драматизма, характерного для большинства родовых саг.

Акцент на именах и фактах имел, не в последнюю очередь, следующий эффект: многие учёные 19ого и 20ого вв. доверяли «Книге о занятии земли». Ведь гораздо вероятнее, что в неискажённом виде за без малого четыре века сохранились имена людей, чем висы или прямая речь²⁹, хотя это тоже не вполне правдоподобно³⁰. С другой стороны,

²⁹ Ср.: Björn Sigfússon, предисловие к: *Ljósveitinga saga með þáttum*, xxx: «Генеалогическая наука в самом широком смысле, наука о человеке (*mannfræðin*) всё же должна быть той основой рассказа/саги, которой можно больше всего доверять с исторической точки зрения.

³⁰ Однако в отношении ценности этого текста как источника это едва ли что-либо меняет. Свейнбьёртн Равнссон в 1970х гг. указывал, что «Книга о занятии земли» «не имеет никакой ценности как источник о первоначальном заселении Исландии» („*Aðferðir og viðhorf í Landnámurannsóknum*, s. 230), тем самым выражая точку зрения, противоположную мнению Якоба Бенедиктссона (предисл. к *Íslendingabók. Landnámabók*), который считал, что в содержании «Книги о занятии земли» кое-что неправдоподобно (например, фольклорные мотивы и все легенды о троллях, колдовстве и водяных, s. sxxxiv), но что она

для читателей 20ого века было обычно «заполнять лакуны» «Книги о занятии земли» с помощью «Саги об Эгиле», ведь в том многом, о чём свидетельствуют оба эти текста, они совпадают. С другой стороны, здесь кроется определённая логическая ошибка. Если рассказ двух источников об одном и том же событии не совпадает, можно смело заключить, что один из них не правдив – но это не значит, что если совпадает рассказ двух источников 13ого века о событиях 9ого века, то мы нашли правду. Единственное, что мы можем утверждать – что нарративная традиция о занятии земли Скалла-Гримом, существовавшая в 13ом веке (и без сомнения гораздо ранее) исходила из определённых фактов (например, имён отца и сына и мест их поселения), - но с другой стороны, мы не знаем ничего о развитии нарративной традиции от эпохи заселения земли и в последующие три века. Хотя в 13ом веке явно был распространён взгляд, что Скалла-Грим Квельдудльвссон занял землю в Борге на Болотах, - эту нарративную традицию нельзя превратить в представительницу «действительности». Т.о. рассказ «Книги о занятии земли» - не более надёжный источник о заселении Исландии, чем «Сага об Эгиле»: они одинаково удалены от событий, которые описывают. Однако в «Книге о занятии земли» и «Саге об Эгиле» существуют два различных вида иллюзии действительности, по-разному связанные с традицией. Оба являются художественным повествованием, и оба эти текста – примеры пересоздания прошлого на традиционном материале.

В литературоведческих исследованиях 19ого и 20ого вв. большое значение придаётся родству текстов несхожих нарративных источников 13ого в. Сходство «Саги об Эгиле» и «Книги о занятии земли», конечно, может указывать на родство этих текстов³¹, но с другой стороны, невозможно оп-

содержит также и рассказы, в главных чертах правдивые: о топонимике, границах земель и генеалогиях (sxxix). Главным предметом их разногласий была, судя по всему возможность отличить друг от друга подлинную информацию и поздние легенды. Мы согласны с мнением Свейнбьёртна, что это невозможно.

³¹ Гисли Сигюрдссон указывал на то, что в обоих этих нарративах акцент делается на занятии земли

ределить, который из них - дающая сторона, а который – принимающая, или же их сходство обусловлено общим первоисточником³². Несмотря на все устремления учёных 20ого века, не было обнаружено непоколебимых свидетельств, показывающих, который из источников 13ого века цитирует другой. Единственное, что мы можем утверждать – что эти источники не противоречат друг другу. С другой стороны, у них очень несхожая форма, что говорит о том, что одна и та же нарративная традиция могла использоваться во многих разных видах историографии.

«Сага об Эгиле» и «Книга о занятии земли: Книга Стурлы» относятся примерно к одному и тому же периоду, и картина занятия земли Скалла-Гримом, которую они нам показывают, в общем, сходна, хотя кое-какие отличия и есть. Однако важны в этих двух исторических нарративах вовсе не эти отличия³³. Основная разница между этими двумя

противниками Харальда Прекрасноволосого, и считает, что такой акцент - новшество «Книги Стурлы» по сравнению с более старой версией «Книги о занятии земли». (Gisli Sigurðsson, „Constructing a Past to Suit the Present: Sturla Þórðarson on Conflicts and Alliances With King Haraldr hárfagri" в: *Minni and Muninn: Memory in Medieval Nordic Culture*, ed.: Pernille Hermann, Stephen A, Mitchell og Agnes S. Arnórsdóttir (Turnhout Brepols, 2014) 175-96

³² Часть предпосылок «исландской школы» состояла в том, что о таких вещах можно судить, принимая во внимание логику исследователя, фактические ошибки, противоречия, стилистические погрешности и множество других весьма субъективных деталей, с которыми обращались как с ошибками переписчиков, и идея была такова: авторы в принципе организованны в подаче материала, а переписчики подвержены риску что-то не понять или перепутать. В таком духе Йоун Йоуханнессон (Jón Jóhannesson, *Gerðir Landnámaabókar* (Reykjavík: Hið íslenska bókmenntafélag, 1941), 75-86) писал о связи «Саги об Эгиле» и «Книги Стурлы». Подобные исследования текстуальных связей в последние годы заглохло, так как сами учёные больше уже не так уверены, что изначальность и логика всегда сосуществуют именно таким образом, какой предполагает эта теория.

³³ Таким образом, территория, занятая Скалла-Гримом, в «Саге об Эгиле» гораздо больше, чем в «Книге о занятии земли», как показал Бьёртн М.Оульсен в детальном анализе этих рассказов (Björn M. Olsen, „Landnáma og Egils saga,“ *Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie* (1904). Бальдюр Хавстад выдвинул интересную теорию, что занятие земли Скалла-Гримом подчёркивает сходство

текстами – в методе. «Сага об Эгиле», как и большинство родовых саг – драматизированное повествование. Как и многие из них, она также – разновидность формы под названием «прозиметр», где стихи – неотъемлемая часть повествования. В ней есть подробности, и таким образом она достигает определённой глубины, не в последнюю очередь – при создании характеров главных персонажей и описании их семейных дел, поскольку в ней рассказывается о различных личных вопросах (напр., эмоциональные узы отцов и сыновей, ревность, братство), лежащие вне сферы интересов «Книги о занятии земли». В «Книге о занятии земли: Книге Стурлы» также рассказывается история, но там мало места для мизансцены, вис и создания характеров. Основное внимание сосредоточено на топонимике, генеалогиях и самих центральных событиях. Повествование обнажено, примерно как в сказках, где ход событий и повествование почти равны друг другу – саге приходится черпать силы из одного лишь хода событий, ведь ничего другого у неё нет. В нашем случае воображение реципиентов поражает гроб Квельд-Ульва, вынесенный на берег на Болотах³⁴. Из одного этого события они должны создать собственные идеи о Людях с Болт и об этой истории.

4. Historia двух видов

Когда дело доходит до отдельных эпизодов «Книги о занятии земли», не всегда легко увидеть, в чём именно состояла творческая работа автора. Также есть соблазн заключить, что в случае повествования о занятии земли Скалла-Гримом речь идёт неких традиционно передающихся сведениях – хотя невозможно определить ни их возраст, ни

Ингольва Арнарсона и Скалла-Грима, и таким образом Люди с Болот оказываются связаны с первым первопоселенцем (Baldur Hafstað, „Egils saga, Njáls saga and the Shadow of Landnáma: The work methods of the saga writers“, *Sagaheimur: Studies in Honour of Hermann Pálson on his 80th birthday, 26th May 2001*, ritstj. Ásdís Egilsdóttir, Rudolf Simek, Studia Mediaevalia Septentrionalia, 6. b. (Wien: Fassbaender, 2001), 21-37).

³⁴ В этом отношении данный эпизод хорошо согласуется с акцентами «Книги о занятии земли» в целом, ср. Jonas Wellendorf, „The Interplay of Pagan and Christian Traditions“; Matthias Egeler, „Reading Sacred Places: Geocriticism, the Icelandic Book of Settlements, and the History of Religions“, *Philology* 1 (2015).

степень надёжности³⁵. Как показали учёные, «Сага об Эгиле» - напротив, практичное создание автора, который, не робея, даёт событиям социальные, психологические или даже сверхъестественные мотивировки³⁶. Так убедительным образом указывалось на то, что «Сага об Эгиле» произведение, более личностное, чем «Книга о занятии земли», в которой роль автора, вероятно, заключается, не в последнюю очередь, в создании целого, а отдельные эпизоды могут быть и традиционными нарративами, заимствованными из устной традиции своей эпохи в те времена, когда складывалась форма «Книги о занятии земли»³⁷. Однако, в качестве представителя «правды» это традиционное повествование ничуть не лучше, чем авторское произведение. Это всего лишь два разных способа выразить ту или иную историческую правду по обычаю своего времени, но это не то же самое, что «действительность» 10ого века, которую мы ожидаем. Что касается «Книги о занятии земли», то такой «действительности» в текстовых

источниках нет, мы не можем разглядеть исторические факты за традиционными легендами. У нас есть лишь эти легенды и их обработка. Как указывал Гай Холсол, говоря о короле Артуре (который, как и эпоха заселения Исландии, существует лишь в младших источниках), Артур за этими легендами не стоит, а стоят только сами же эти легенды³⁸. Абсолютно то же самое относится и к Книге о занятии земли.

Вера в то, что средневековые нарративные источники непременно стоит брать в расчёт, привела к тому, что «Книга о занятии земли» стала считаться более надёжным источником, чем родовые саги. Она представляла за традицию, которую упорно считали представляющей за правду – так основательно, что сведения из родовых саг нередко «проверяли» путём сопоставления с «Книгой о занятии земли»³⁹. Однако в 13ом веке красочное искромётное повествование «Саги об Эгиле» вполне могло считаться столь же убедительным, сколь и разлитое море фактов в «Книге о занятии земли». И то, и другое – *historia* в обычаях той эпохи, жанр, в котором, в зависимости от вкусов каждого, могли, например, присутствовать или отсутствовать тролли⁴⁰. Это можно видеть на примере известного произведения – „*Historia Regnum Britanniae*“ Гальфреда Монмутского (ум. 1154): современные учёные в основном со-

³⁵ Ср.: Ole Bruhn, *Tekstualisering*, 155-205. Брун рассматривает исландскую историографию Высокого Средневековья, исходя из понятий «традиция» и «инновация», и показывает, что даже тексты, которые казались традиционными (как «Книга о занятии земли») - также своего рода полемика писцов (*sagnaritara*) своего времени с традицией, на которой они основываются. Может показаться противоречивым, что известных по имени авторов «Книги о занятии земли» 12ого, 13ого и 14ого вв. (Kolskeggur, Ari, Styrmir, Sturla, Naukur) больше, чем сохранившихся текстов «Книги о занятии земли» тех времён. С другой стороны, нигде в средневековых источниках не упоминается имя автора «Саги об исландцах». Противоречие состоит в том, что, чем больше усилий приложил автор, по меркам нашей логики, тем менее вероятно, что этого автора упомянут.

³⁶ См. Напр.: Torfi H. Tulinius, *Skáldið i skrifni: Snorri Sturluson og Egils saga* (Reykjavík; Hið íslenska bókmenntafélag, ReykjavíkurAkademían, 2004). Хотя об отдельных выводах Торви можно поспорить (например, о том, что автор «Саги об Эгиле» - Снорри), он довольно веско обосновывает, что «Сага об Эгиле» сложный текст автора, проявившего творческий подход.

³⁷ Не так уж невероятна Свейнбьёртна Равнсона (*Sögugerð Landndmabókar*) о том, что этот текст складывался с начала 12ого века в ту «историзированную» «Книгу о занятии земли» („*sögugerðu Landnámu*“), которая сейчас известна нам со второй половины 13ого века.

³⁸ Guy Halsall, *Worlds of Arthur: Facts and Fictions of the Dark Ages* (Oxford: OxfordUniversity Press, 2013). В одном месте там он верно замечает: „sources must be taken as a whole. You cannot cherry-pick some bits and ignore others according to what you want to believe. You cannot winnow out facts from fiction solely on the basis of modern ideas“ (52-53). Разумеется, это то же самое, что десятилетиями твердил исландцам Свейнбьёртн Равнсон, да только его не слышали. Историки указывали на различные параллели к королю Артуру из скандинавских источников, «исторических лиц» вроде Харальда Прекрасноволосого и Эйрика Кровавая Секира, известных нам в основном по поздним легендам. (Sverrir Jakobsson, „Erindringen om en mægtig Personlighed“; Clare Downham, „Eric Bloodaxe— Axed? The Mystery of the Last Scandinavian King of York,“ *Mediaeval Scandinavia* 14 (2004).

³⁹ Этому можно найти много примеров в предисловиях к серии „Íslensk fornrit“, см. напр.: Einar Ólafur Sveinsson, предисловие к: *Brennu-Njál saga*, útg. Einar Ólafur Sveinsson, Íslensk fornrit, 12. B. (Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag 1954), xiv

⁴⁰ См.: Ármann Jakobsson, „History of the Trolls?“

гласны, что это сборник традиционных легенд, но его явно относят к трудам по истории, точно так же, как «Деяния датчан» Саксона Грамматика, где сосуществуют традиционные легенды и более надёжные рассказы о недавно прошедших событиях⁴¹.

Таким образом, средневековая историография может вмещать различные формы, роль автора в которых носит разный масштаб, но, тем не менее, он всегда ответствен за форму: он может выбрать, по обстоятельствам, делать ли пояснения длинными или краткими, описывать или нет мизансцену, использовать ли прямую речь или висы. В «Книге о занятии земли» повествование конспективно, в центре внимания находятся факты. Большинство других форм исторического нарратива (*sagnaritun*) позволяют больше драматизации, но в глазах современников они, суд по всему, не становились от этого менее надёжными.

Результаты данного краткого наблюдения можно подытожить следующим образом:

- Прежде всего, важно отдавать себе отчёт, что наши текстовые источники о «веке саг» происходят из позднего средневековья. В некоторых из них велика доля традиции, а в других больше авторских инноваций. Однако ни один из этих видов не считается надёжным источником о далёком прошлом.

- Далее, учёным следует избегать старых ображаемых пар противоположностей, таких, как, например, «выдумка» и «правда» или «историчность» и «художественный вымысел». Здесь мы имеем дело с литературными текстами, которые одновременно являются историографией своей эпохи. В этих текстах нет *правды*, - лишь индивидуальная «правда» каждого писца.

- И наконец, важно пристальнее сосредоточиться на идеях и форме саг, чтоб понять их сущность как исторических трудов, т.е., то, как они создают достоверную картину прошлого разнообразными способами.

Если принимать во внимание все три вышеперечисленных момента, будущие исследования «Книги о занятии земли» и даже родовых саг отдалятся от устаревших споров 19ого и 20ого века. Но важно, чтоб исследователи ясно отдавали себе отчёт в том, какие источники у них в руках, и начали изучать эти тексты именно как *тексты*, а не сосредоточиваться лишь на их источнике в давно утраченном прошлом.

---

⁴¹ О сущности таких исторических трудов см. в т.ч.: Kurt Johannesson, *Saxo Grammaticus: Komposition och världsbild i Gesta Danorum* (Stockholm: Almqvist og Wiksell, 1978); R. William Leckie, *The Passage of Dominion: Geoffrey of Monmouth and the Periodization of Insular History in the Twelfth Century* (Toronto: University of Toronto Press, 1981).

Список источников и литературы**Рукописи:**

1. Stofnun Árna Magnússonar í Íslenskum fræðum, Reykjavík
 AM 104 fol.
 AM 105 fol.
 AM 106 fol.
 AM 107 fol.
 AM 112 fol.
 AM 122 fol. (Reykjarfjarðarbók)

AM 371 4t0 (Hauksbók)

AM 445 b 4to

2. Den Arnamagneanske samling, København

AM 291 4to

Первоисточники:

1. Egil saga Skalla-Grímsónar. Útg. Sigurður Nordal. Íslensk fornrit. 2. b. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1933.
 2. Íslendingabók. Landnámabók. Útg. Jakob Benediktsson. Íslensk fornrit. 1. b. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1968.

Литература:

1. Adolf Friðriksson og Orri Vésteinsson. „Creating a Past: A Historiography of the Settlement of Iceland.“ Í Contact, Continuity and Collapse: The Norse Colonization of the North Atlantic, ritstj. James H. Barrett, 199-61. Studies in the Early Middle Ages. 5. b. Turnhout: Brepols, 2003.
 2. Auður Ingvarsdóttir. „Sagnarit eða skrá? Staða Melabókar sem upprunalegustu gerðar Landnámu.“ Saga 42 (2004): 91-119.
 3. Ármann Jakobsson. „History of the Trolls? Bárðar saga as an Historical Narrative.“ Saga-Book of the Viking Society for Northern Research 25 (1908): 53-71.
 ---. „Enginn timi fyrir umræðu: Norræn fræði á 20. öld í spegli litríkrar fræðimannsævi Lars Lönnroth.“ Skírnir 187 (2013): 381-03.
 5. Baldur Hafstað. „Egils saga, Njáls saga, and the Shadow of Landnáma: The Work Methods of the Saga writers.“ Í Sagnaheimur: Studies in Honour of Hermann Pálsson on his 80th birthday, 26th May 2001, ritstj. Ásdís Egilsdóttir og Rudolf Simek, 21-37. Studia Mediaevalia Septentrionalia. 6. b. Vín: Fassbaender, 2001
 6. Barraclough, Eleanor Rosamund. „Naming the Landscape in the Landnám Narratives of the Íslendingasögur and Landnámabók.“ Saga-Book of the Viking Society for Northern Research 36 (2012): 79—101.
 7. Bjarni Einarsson, Formáli hans að Ágrip af Nóregskonunga sogum. Fagrskinna — Nóregs konunga tal. Útg. Bjarni Einarsson, v-cxxxi. Íslensk fornrit 29. b. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1985.
 8. Björn M. Ólsen. „Landnáma og Egils saga.“ Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie (1904): 167-247.
 9. Björn Sigfússon. Formáli hans að Ljósvetninga saga með þáttum. Reykdæla saga ok Víga-Skútu. Hreiðars þátir. Útg. Björn Sigfússon, v-xcv. Íslensk fornrit 10. b. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1940.
 10. Bruhn, Ole. Tekstualisering: Bidrag til en litterær antropologi. Árósum: Aarhus Universitetsforlag, 1999.
 11. Davíð Erlingsson. Um ánauð raunveruleikans á rannsóknum fornsagna. Reykjavík: (s.n.), 1997.
 12. Downham, Clare. „Eric Bloodaxe — Axed? The Mystery of the Last Scandinavian King of York.“ Mediaeval Scandinavia 14 (2004): 5177.

13. Egeler, Matthias. „Reading Sacred Places: Geocriticism, the Icelandic Book of Settlements, and the History of Religions.“ *Philology* 1 (2015): 67-90.
14. Einar Gunnar Pétursson. „Efling kirkjuvaldsins og ritun Landnámu.“ *Skírnir* 160 (1986): 193-222.
15. Einar Ólafur Sveinsson. Formáli hans að Brennu-Njáls saga, útg. Einar Ólafur Sveinsson, v-clxii, Íslenzk fornrit 12. b. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1954.
16. Friðrik G. Olgeirsson. Langnesingasaga, 1. b., Saga byggðar á Langanesi til 1918, Reykjavík: Þórshafnarhreppur, 1998.
17. Ghosh, Shami, *King Sagas and Norwegian History: Problems and Perspectives. The Northern World*. 54. b. Leiden: Brill, 2011,
18. Gísli Sigurðsson. Túlkun Íslendingasagna í ljósi munnlegrar hefðar; Tilgáta um aðferð. Stofnun Árna Magnússonar á Íslandi, Rit. 56. b. Reykjavík: Stofnun Árna Magnússonar á Íslandi, 2002.
19. „Constructing a Past to Suit the Present: Sturla Þórðarson on Conflicts and Alliances With King Haraldr hárfagei.“ Í *Minni and Muninn: Memory in Medieval Nordic Culture*, ritstj. Pernille Hermann, Stephen A. Mitchell og Agnes S. Arnórsdóttir, 175-96 Turnhout: Brepols, 2014.
20. Guðni Jónsson. Formáli hans að Grettis saga Ásmundarsonar. *Bandamanna saga. Odds þátrr Ófeigssonar*. Útg. Guðni Jónsson, v-cvii. Íslenzk fornrit 7. b. Reykjavík; Hið íslenska fornritafélag, 1936.
21. Guðrún Ása Grímsdóttir, „Hvað segja heimildir um uppruna Íslendinga?“ Í *Um landnám á Íslandi: Fjórtaán erindi*, ritstj. Guðrún Ása Grímsdóttir, 33-a8. Reykjavík: Vísindafélag Íslendinga, 1996.
22. Halsall, Guy. *Worlds of Arthur: Facts and Fictions of the Dark Ages*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
23. Helgi Skúli Kjartansson. „Af Resensbók, Kristnisögum og Landnámuviðaukum.“ *Gripla* 22 (2013): 161-79.
24. Helgi Þorláksson. „Sagnfræðin í heimi menningararfs og minninga.“ Í *Þriðja íslenska sögubíngið* 18-21. maí 2006, ritstj. Benedikt Eypórsson og Hrafnkell Lárusson, 316-26. Reykjavík: Sagnfræðingafélag Íslands, 2007.
25. Hermann Pálsson. „A Foundation Myth in Landnámabók.“ *Mediaeval Scandinavia* 12 (1988): 24-28.
26. Hermann, Pernille. „Founding Narratives and the Representation of Memory in Saga Literature.“ *ro 77* (2010); 6987.
27. Hermann, Pernille og Stephen A. Mitchell. „Constructing the Past: Introductory Remarks.“ Í *Memory and Remembering: ast Awareness in the Medieval North*, sérhefti *Scandinavian Studies* 85, ritstj. Pernille Hermann og Stephen Mitchell, 261-66. Champaign: University of Illinois Press, 2013.
28. Hjalti Pálsson, Egill Bjarnason og Kári Gunnarsson, ritstj. *Byggðasaga Skagafjarðar*, 6.b., Hólabreppur. Sauðárkrókur: Sögufélag Skagfirðinga, 2011.
29. Johannesson, Kurt. *Saxo Grammaticus: Komposition och världsbild i Gesta Danorum*. Stokkhólmi: Almqvist og Wiksell, 1978.
30. Jakob Benediktsson. Formáli hans að Íslendingabók. *Landnámabók*. Útg. Jakob Benediktsson, v-dliv. Íslenzk fornrit. 1. b. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1968.
31. „Markmið Landnámabókar: Nýjar rannsóknir“ *Skírnir* 148 (1974): 2072
32. Jón Helgason. „Höfuðlausnarhjal.“ Í *Einarsbók: Afmaliskveðja til Einars Ól. Sveinssonar* 12. desember 1969, ritstj. Bjarni Guðnason, Halldór Halldórsson og Jónas Kristjánsson, 156-76. Reykjavík: Nokkrir vinir, 1969.
33. Jón Jóhannesson. *Gerðir Landnámabókar*. Reykjavík: Hið íslenska bókmenntafélag, 1941.
34. Koht, Halvdan. „Sagaenes opfatning af vor gamle historie.“ *Historisk tidsskrift* 5 (1914): 379-96.
35. Kristín Geirsdóttir. „Hvað er sannleikur?“ *Skírnir* 169 (1905): 399-422.
36. Leckie, R. William. *The Passage of Dominion: Geoffrey of Mornmouth and the Periodization of Insular History in the Twelfth Century*. Toronto: University of Toronto Press, 1981.
37. Lincoln, Bruce. *Between History and Myth: Stories of Harald Fairhair and the Founding of the State*. Chicago: University of Chicago Press, 2014.
38. „Majority in U.S. Still Believe JFK Killed in a Conspiracy: Mafia, federal government top list of potential conspirators,“ Gallup Politics, November 15, 2014. <http://fsvww.gallup.com/poll/165893/majority-believe-jfk-killed-conspiracy.aspx>
39. O'Connor, Ralph. „History or fiction? Truth-claims and Defensive Narrators in Icelandic Romance-Sagas.“ *Mediaeval Scandinavia* 15 (2005): 101-169.
40. Sigurður Nordal. *Hrafnkatla. Studia Islandica*. 7. b. Reykjavík: Ísafoldarprentsmiðja, 1940.

41. Sveinbjörn Rafnsson. *Studier í Landnámabók: Kritiska bidrag till den isländska fristatstidens historia*. Lund: Gleerup, 1974.
42. „Aðferðir og viðhorf í Landnámurannsóknum.“ *Skírnir* 150 (1976): 213-38.
 ---- Sveinbjörn Rafnsson. „Frá landnámstíma til nútíma.“ *Skírnir* 162 (1988): 317-29.
 ---- Sögugerð Landnámabókar: Um íslenska sagnaritun á 12. og 13. öld. Reykjavík: Sagnfræðistofnun Háskóla Íslands, 2001.
43. Sverrir Jakobsson. „Erindringen om en mægtig personlighed: den norsk-isländske historiske tradisjon om Harald Hárfagre i et kildekristisk perspektiv.“ *Historisk tidsskrift* 81 (2002): 213--30.
44. Sverrir Tómasson. *Formálar Íslenskra sagnaritara á miðöldum: Rannsókn bókmenntahefðar. Stofnun Árna Magnússonar á Íslandi, Rit. 33. b.* Reykjavík: Stofnun Árna Magnússonar á Íslandi, 1988.
45. Sørensen, Preben Meulengracht. „Sagan um Ingólf og Hjörleif: Athugasemdir um söguskoðun íslendinga á seinni hluta þjóðveldisaldar.“ *Skírnir* 148 (1974) 20-40.
46. Torfi H. Tulinius. *Skáldið í skriftinni: Snorri Sturluson og Egils saga*. Reykjavík: Hið íslenska bókmenntafélag, Reykjavíkur Akadémían, 2004.
47. Úlfar Bragason. *Ætt og saga: Un frásagnarfræði Sturlungu eða Íslendinga sögu hinnar miklu*. Reykjavík: Háskólaútgáfan, 2010.
48. Weibull, Lauritz. *Kritiska undersökningar í Nordens historia omkring år 1900*. Lund: Gleerup. 1931.
 ----. *Historiskekritisk metod och nordisk medeltidsforskning*, Lund: Gleerup, 1913.
49. Wellendorf, Jonas. *The Interplay of Pagan and Christian Traditions in Icelandic Settlement Myths.* *Journal of English and Germanic Philology* 109 (2010): 12.
50. White, Hayden. *The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987.
51. Örnólfur Thorsson. „Leitin að landinu fagra: Hugleiðing um rannsóknir á íslenskum fornþóknunum.“ *Skáldskaparmál* 1 (1990): 28-53.

Аурманн Якобсон - профессор Университета Исландии, ул. Сюдюргата, здание «Ауртнагард» 1S-101 (г. Рейкьявик, Исландия), armannja@hi.is

Ольга Александровна Маркелова - кандидат филологических наук, независимый исследователь (г. Москва, Россия), dimentionen@yahoo.dk

WHAT IS TO BE DONE WITH LANDNÁMABÓK?

Tradition, Authorship and the Illusion of Reality in Icelandic Medieval Historiography.

Á. Jakobsson

*Translated from the Icelandic by O. A. Markelova
 Published with the permission of the author*

Original: Armand Jacobson. „Hvað á að gera við Landnámu? Um hefð, höfunda og raunveruleikablekkingu íslenskra miðaldasagnaritara“. *Gripla XXVI*, 2015, bls. 7-27

This study concerns the twentieth-century scholarly reception of Landnámabók (The Book of Settlements) and how this reception has been characterised by an interest in Landnámabók's reliability as a source about the distant past which is nevertheless hard to believe in. The debate has been stuck in outdated imaginary opposites such as truth and fabrication or history and fiction. The author emphasises that Landnámabók is both literature and the history of its time and yet more traditional than many other contemporary historical texts which does not mean that the narrative is closer to "truth". It is suggested that to better understand the nature of the text as history, its ideology and form must receive closer attention to better see how the narrative attempts to create a believable image of the past in a very different way than in the Íslendingasögur, as exemplified by a comparison of the settlement of Skalla-Grímur in Landnámabók and in Egils saga.

Keywords: Landnámabók, source value, history, fiction, illusion of reality, horror

References

Manuscripts:

1. Stofnun Árna Magnússonar í Íslenskum fræðum, Reykjavík
AM 104 fol.
AM 105 fol.
AM 106 fol.
AM 107 fol.
AM 112 fol.
AM 122 fol. (Reykjarfjarðarbók)

AM 371 4t0 (Hauksbók)

AM 445 b 4to

2. Den Arnamagneanske samling, København

AM 291 4to

Primary sources:

1. Egil saga Skalla-Grímsónar. Útg. Sigurður Nordal. Íslensk fornrit. 2. b. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1933.
2. Íslendingabók. Landnámabók. Útg. Jakob Benediktsson. Íslensk fornrit. 1. b. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1968.

Literature:

1. Adolf Friðriksson og Orri Vésteinsson. „Creating a Past: Á Historiography of the Settlement of Iceland.“ Í *Contact, Continuity and Collapse: The Norse Colonization of the North Atlantic*, ritstj. James H. Barrett, 199-61. *Studies in the Early Middle Ages*. 5. b. Turnhout: Brepols, 2003.
2. Auður Ingvarsdóttir. „Sagnarit eða skrá? Staða Melabókar sem upprunalegustu gerðar Landnámu.“ *Saga* 42 (2004): 91-119.
3. Ármann Jakobsson. „History of the Trolls? Bárðar saga as an Historical Narrative.“ *Saga-Book of the Viking Society for Northern Research* 25 (1908): 53-71.
- . „Enginn timi fyrir umræðu: Norræn fræði á 20. öld í spegli litríkrar fræðimannsævi Lars Lönnroth.“ *Skírnir* 187 (2013): 381-03.
5. Baldur Hafstað. „Egils saga, Njáls saga, and the Shadow of Landnáma: The Work Methods of the Saga writers.“ Í *Sagnaheimur: Studies in Honour of Hermann Pálsson on his 80th birthday, 26th May 2001*, ritstj. Ásdís Egilsdóttir og Rudolf Simek, 21-37. *Studia Mediaevalia Septentrionalia*. 6. b. Vín: Fassbaender, 2001
6. Barraclough, Eleanor Rosamund. „Naming the Landscape in the Landnám Narratives of the Íslendingasögur and Landnámabók.“ *Saga-Book of the Viking Society for Northern Research* 36 (2012): 79—101.
7. Bjarni Einarsson, Formáli hans að Ágrip af Nóregskonunga sögum. *Fagrskinna — Nóregskonungatal*. Útg. Bjarni Einarsson, v-cxxxi. Íslensk fornrit 29. b. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1985.
8. Björn M. Ólsen. „Landnáma og Egils saga.“ *Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie* (1904): 167-247.
9. Björn Sigfússon. Formáli hans að Ljósvetninga saga með þáttum. *Reykðæla saga ok Víga-Skútu. Hreiðars þátir*. Útg. Björn Sigfússon, v-xcv. Íslensk fornrit 10. b. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1940.
10. Bruhn, Ole. *Tekstualisering: Bidrag til en litterær antropologi. Árósum: Aarhus Universitetsforlag, 1999.*
11. Davíð Erlingsson. *Um ánauð raunveruleikans á rannsóknum fornsagna*. Reykjavík: (s.n.), 1997.

12. Downham, Clare. „Eric Bloodaxe — Axed? The Mystery of the Last Scandinavian King of York.“ *Mediaeval Scandinavia* 14 (2004): 5177.
13. Egeler, Matthias. „Reading Sacred Places: Geocriticism, the Icelandic Book of Settlements, and the History of Religions.“ *Philology* 1 (2015): 67-90.
14. Einar Gunnar Pétursson. „Efling kirkjuvaldsins og ritun Landnámu.“ *Skírnir* 160 (1986): 193-222.
15. Einar Ólafur Sveinsson. Formáli hans að Brennu-Njáls saga, útg. Einar Ólafur Sveinsson, v-clxii, Íslenzk fornrit 12. b. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1954.
16. Friðrik G. Olgeirsson. Langnesingasaga, 1. b., Saga byggðar á Langanesi til 1918, Reykjavík: Þórshafnarhreppur, 1998.
17. Ghosh, Shami, *King Sagas and Norwegian History: Problems and Perspectives. The Northern World*. 54. b. Leiden: Brill, 2011,
18. Gísli Sigurðsson. Túlkun Íslendingasagna í ljósi munnlegrar hefðar; Tilgáta um aðferð. Stofnun Árna Magnússonar á Íslandi, Rit. 56. b. Reykjavík: Stofnun Árna Magnússonar á Íslandi, 2002.
19. „Constructing a Past to Suit the Present: Sturla Þórðarson on Conflicts and Alliances With King Haraldr hárfagei.“ Í *Minni and Muninn: Memory in Medieval Nordic Culture*, ritstj. Pernille Hermann, Stephen A. Mitchell og Agnes S. Arnórsdóttir, 175-96 Turnhout: Brepols, 2014.
20. Guðni Jónsson. Formáli hans að Grettis saga Ásmundarsonar. *Bandamanna saga. Odds þáttur Ófeigssonar*. Útg. Guðni Jónsson, v-cvii. Íslenzk fornrit 7. b. Reykjavík; Hið íslenska fornritafélag, 1936.
21. Guðrún Ása Grímsdóttir, „Hvað segja heimildir um uppruna Íslendinga?“ Í *Um landnám á Íslandi: Fjórtaán erindi*, ritstj. Guðrún Ása Grímsdóttir, 33-a8. Reykjavík: Vísindafélag Íslendinga, 1996.
22. Halsall, Guy. *Worlds of Arthur: Facts and Fictions of the Dark Ages*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
23. Helgi Skúli Kjartansson. „Af Resensbók, Kristnisögum og Landnámuviðaukum.“ *Gripla* 22 (2013): 161-79.
24. Helgi Þorláksson. „Sagnfræðin í heimi menningararfs og minninga.“ Í *Þriðja íslenska söguþingið* 18-21. maí 2006, ritstj. Benedikt Eyþórsson og Hrafnkell Lárusson, 316-26. Reykjavík: Sagnfræðingafélag Íslands, 2007.
25. Hermann Pálsson. „A Foundation Myth in Landnámabók.“ *Mediaeval Scandinavia* 12 (1988): 24-28.
26. Hermann, Pernille. „Founding Narratives and the Representation of Memory in Saga Literature.“ *ro 77* (2010); 6987.
27. Hermann, Pernille og Stephen A. Mitchell. „Constructing the Past: Introductory Remarks.“ Í *Memory and Remembering: ast Awareness in the Medieval North*, sérhefti *Scandinavian Studies* 85, ritstj. Pernille Hermann og Stephen Mitchell, 261-66. Champaign: University of Illinois Press, 2013.
28. Hjalti Pálsson, Egill Bjarnason og Kári Gunnarsson, ritstj. *Byggðasaga Skagafjarðar*, 6.b., Hólabreppur. Sauðárkrókur: Sögufélag Skagfirðinga, 2011.
29. Johannesson, Kurt. *Saxo Grammaticus: Komposition och världs bild i Gesta Danorum*. Stokkhólmi: Almqvist og Wiksell, 1978.
30. Jakob Benediktsson. Formáli hans að Íslendingabók. *Landnámabók*. Útg. Jakob Benediktsson, v-dliv. Íslenzk fornrit. 1. b. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1968.
31. „Markmið Landnámabókar: Nýjar rannsóknir“ *Skírnir* 148 (1974): 2072
32. Jón Helgason. „Höfuðlausnarhjal.“ Í *Einarsbók: Afmaliskveðja til Einars Ól. Sveinssonar* 12. desember 1969, ritstj. Bjarni Guðnason, Halldór Halldórsson og Jónas Kristjánsson, 156-76. Reykjavík: Nokkrir vinir, 1969.
33. Jón Jóhannesson. *Gerðir Landnámabókar*. Reykjavík: Hið íslenska bókmenntafélag, 1941.
34. Koht, Halvdan. „Sagaenes opfatning af vor gamle historie.“ *Historisk tidsskrift* 5 (1914): 379-96.
35. Kristín Geirsdóttir. „Hvað er sannleikur?“ *Skírnir* 169 (1905): 399-422.
36. Leckie, R. William. *The Passage of Dominion: Geoffrey of Mornmouth and the Periodization of Insular History in the Twelfth Century*. Toronto: University of Toronto Press, 1981.
37. Lincoln, Bruce. *Between History and Myth: Stories of Harald Fairhair and the Founding of the State*. Chicago: University of Chicago Press, 2014.
38. „Majority in U.S. Still Believe JFK Killed in a Conspiracy: Mafia, federal government top list of potential conspirators,“ *Gallup Politics*, November 15, 2014. <http://fsvww.gallup.com/poll/165893/majority-believe-jfk-killed-conspiracy.aspx>
39. O'Connor, Ralph. „History or fiction? Truth-claims and Defensive Narrators in Icelandic Romance-Sagas.“ *Mediaeval Scandinavia* 15 (2005): 101-169.

40. Sigurður Nordal. Hrafnkatla. Studia Islandica. 7. b. Reykjavík: Ísafoldarprentsmiðja, 1940.
41. Sveinbjörn Rafnsson. Studier í Landnámabók: Kritiska bidrag till den isländska fristatstidens historia. Lund: Gleerup, 1974.
42. „Aðferðir og viðhorf í Landnámurannsóknum.“ Skírnir 150 (1976): 213-38.
- Sveinbjörn Rafnsson. „Frá landnámstíma til nútíma.“ Skírnir 162 (1988): 317-29.
- Sögugerð Landnámabókar: Um íslenska sagnaritun á 12. og 13. öld. Reykjavík: Sagnfræðistofnun Háskóla Íslands, 2001.
43. Sverrir Jakobsson. „Erindringen om en mægtig personlighed: den norsk-isländske historiske tradisjon om Harald Hárfagre i et kildekristisk perspektiv.“ Historisk tidsskrift 81 (2002): 213--30.
44. Sverrir Tómasson. Formálar Íslenskra sagnaritara á miðöldum: Rannsókn bókmenntahefðar. Stofnun Árna Magnússonar á Íslandi, Rit. 33. b. Reykjavík: Stofnun Árna Magnússonar á Íslandi, 1988.
45. Sørensen, Preben Meulengracht. „Sagan um Ingólf og Hjörleif: Athugasemdir um söguskoðun íslendinga á seinni hluta þjóðveldisaldar.“ Skírnir 148 (1974) 20-40.
46. Torfi H. Tulinius. Skáldið í skrifinni: Snorri Sturluson og Egils saga. Reykjavík: Hið íslenska bókmenntafélag, Reykjavíkur Akadémían, 2004.
47. Úlfar Bragason. Ætt og saga: Un frásagnarfræði Sturlungu eða Íslendinga sögu hinnar miklu. Reykjavík: Háskólaútgáfan, 2010.
48. Weibull, Lauritz. Kritiska undersökningar í Nordens historia omkring år 1900. Lund: Gleerup. 1931.
- . Historiskekritisk metod och nordisk medeltidsforskning, Lund: Gleerup, 1913.
49. Wellendorf, Jonas. The Interplay of Pagan and Christian Traditions in Icelandic Settlement Myths.“ Journal of English and Germanic Philology 109 (2010): 12.
50. White, Hayden. The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987.
51. Örnólfur Thorsson. „Leitin að landinu fagra: Hugleiðing um rannsóknir á íslenskum fornþóknunum.“ Skáldskaparmál 1 (1990): 28-53.

Ármann Jakobsson - prófessor, Háskóli Íslands, Árnagarði við Suðurgötu 1S-101 (Reykjavík, Iceland), armannja@hi.is

Olga Alexandrovna Markelova - Candidate of Philological Sciences, independent researcher (Moscow, Russia), dimentionen@yahoo.dk

Статья поступила в редакцию: 20.03.2023; принята к публикации: 16.08.2023.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Якобсон А. Что делать с «Книгой о занятии земли»? О традиции, авторстве и о том, как исландские средневековые писцы создавали иллюзию реальности (перевод О. А. Маркеловой) // Социогуманитарные коммуникации. – 2023. – № 3 (5). – С. 104-121.

FOR CITATION:

Jakobsson Á. CHto delat' s «Knigoj o zanyatii zemli»? O tradicii, avtorstve i o tom, kak isländskie srednevekovye piscy sozdavali illyuziyu real'nosti [What is to be done with landnámabók? Tradition, Authorship and the Ilusion of Reality in Icelandic Medieval Historiography.] (translated by O. A. Markelova) // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2023. № 3(5). P. 104-121.

С О Ц И О Г У М А Н И Т А Р Н Ы Е К О М М У Н И К А Ц И И

2023. №3(5)

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
"Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-
Бруевича"
(СПбГУТ)

Адрес

пр. Большевиков д.22, корп.1, Санкт-Петербург, 193232

Контакты

<https://www.sut.ru/education/fakulteti-i-instituti/gf/iirv/sociogumanitarnie-kommunikacii>

Редактор *Гехт А. Б.*

Корректоры *Неровный А. В., Цверидзе И. А.*

Компьютерная верстка *Бекшаева Н. Э., Иванова А. М.*

Дата размещения сетевого издания на официальной странице журнала

10.10.2023